

Владимiръ Короленко.

БЕЗЪ ЯЗЫКА.

(РАЗСКАЗЪ).

ИЗДАНIЕ РЕДАКЦIИ ЖУРНАЛА

„РУССКОЕ БОГАТСТВО".



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографiя Н. Н. Клобукова, Пряжка, д. № 3—1.
1902.

БЕЗЪ ЯЗЫКА.

(РАЗСКАЗЪ).

БЕЗЪ ЯЗЫКА.

(Разсказъ).

На моей родинѣ, въ Волынской губерніи, въ той ея части, гдѣ холмистые отроги Карпатскихъ горъ переходятъ постепенно въ болотистыя равнины Полѣсья, есть небольшое мѣстечко, которое я назову Хлѣбно. Съ сѣверо-запада оно прикрыто небольшой возвышенностью. На юго-востокъ отъ него раскинулась обширная равнина, вся покрытая нивами, на горизонтѣ переходящими въ синія полосы еще уцѣлѣвшихъ лѣсовъ. Тамъ и сямъ, особенно подъ лучами заходящаго солнца, сверкаютъ широкія озера, между которыми змѣятся узенькія, пересыхающія на лѣто рѣчушки.

Сторона спокойная, тихая, немного даже сонная. Мѣстечко похоже болѣе на село, чѣмъ на городъ, но когда-то оно знало если не лучшіе, то во всякомъ случаѣ менѣе дремотные дни. На возвышенности сохранились еще слѣды земляныхъ окоповъ, на которыхъ теперь колышется трава, и пастухъ старается передать ея шопотъ на своей нехитрой дудкѣ, пока общественное стадо мирно пасется въ тѣни полузасыпанныхъ рвовъ...

Невдалекѣ отъ этого мѣстечка, надъ извилистой рѣчушкой, стоялъ, а можетъ, и теперь еще стоитъ, небольшой поселокъ. Рѣчка отъ лозы, обильно растущей на ея берегахъ, получила названіе Лозовой; отъ рѣчки поселокъ названъ Лозищами, а уже отъ поселка жители всѣ сплошь носятъ фамиліи Лозинскихъ. А чтобы точнѣе различить другъ друга, то Лозинскіе къ общей фамиліи прибавляли прозвища: были Лозинскіе птицы и звѣри, одного звали Мазницей, другого Колесомъ, третьяго даже Голенищемъ...

Трудно сказать, когда этотъ поселокъ засѣлъ подъ самымъ бокомъ у города. Было это еще въ тѣ времена, когда на валахъ виднѣлись пушки, а пушкари у нихъ постоянно смѣнялись: то стояли съ фитилями поляки, въ своихъ пестрыхъ кунтушахъ, а казаки и „голота" подымали кругомъ пыль, облегая городъ... то, наоборотъ, изъ пушекъ палили казаки, а польскіе отряды кидались на окопы. Говорили, будто лозинскіе были когда-то „реестровыми" казаками и получили разныя привилегіи отъ польскихъ королей. Ходили даже слухи, будто они были когда-то и за что-то пожалованы дворянствомъ.

Все это, однако, давно забылось. Въ шестидесятыхъ годахъ умеръ столѣтній старикъ Лозинскій—Шулякъ. Въ послѣдніе годы онъ уже ни съ кѣмъ не разговаривалъ, а только громко молился или читалъ старую славянскую библію. Но люди еще помнили, какъ онъ разсказывалъ о прежнихъ годахъ, о запорожьи, о гайдамакахъ, о томъ, какъ и онъ уходилъ за Днѣпръ и

потомъ съ ватажками нападалъ на Хлѣбно и на Клевань и какъ, осажденные въ горящей избѣ гайдамаки, стрѣляли изъ оконъ, пока отъ жара не лопались у нихъ глаза и не взрывались сами собой пороховницы. И старикъ сверкалъ дикими потухающими глазами и говорилъ: „Гей-гей. Было когда-то наше время... Была у насъ свобода"!.. А лозищане—уже третье или четвертое поколѣніе,—слушая эти странные разсказы, крестились и говорили: „а то-жъ не дай Господи Боже"!

Сами они давно уже запахали въ землю всѣ привилегіи и жили подъ самымъ мѣстечкомъ ни мужиками, ни мѣщанами. Говорили какъ будто по малорусски, но на особомъ волынскомъ нарѣчіи, съ примѣсью польскихъ и русскихъ словъ, исповѣдывали когда-то греко-уніатскую вѣру, а потомъ, послѣ нѣкоторыхъ замѣшательствъ, были причислены къ православному приходу, а старая церковка была закрыта и постепенно разваливалась... Пахали землю, ходили въ бѣлыхъ и сѣрыхъ свитахъ, съ синими или красными поясами, штаны носили широкіе, шапки бараньи. И хотя, можетъ быть, были бѣднѣе своихъ сосѣдей, но все же смутная память о какомъ-то лучшемъ прошломъ держалась подъ соломенными стрѣхами лозищанскихъ хатъ. Ходили лозищане чище крестьянъ, были почти всѣ грамотны по церковному, и объ нихъ говорили, что они держатъ себя слишкомъ гордо. Правда, это очень трудно было-бы замѣтить постороннему, потому что при встрѣчѣ съ господами или начальствомъ они такъ-же торопливо сворачивали съ дороги, такъ-же

низко кланялись и такъ-же иной разъ цѣловали смиренно господскія руки. Но все-таки было *что-то*, и опытные люди *что-то* замѣчали. О лозищанахъ говорили, что они *что-то* вспоминаютъ, о *чемъ-то* воображаютъ и *чѣмъ-то* недовольны. Дѣйствительно, на обычные вопросы при встрѣчахъ: „какъ себѣ живете“ или „какъ вамъ Богъ помогаетъ“—лозищане, вмѣсто „слава Богу“, только махали рукой и говорили:

„А, какая тамъ жизнь“! или: „Живемъ, какъ горохъ при дорогѣ“! А иные, посмѣлѣе, принимались разсказывать иной разъ такое, что не всякій соглашался слушать. Къ тому же у нихъ тянулась долгая тяжба съ сосѣднимъ помѣщикомъ изъ-за чинша, которую лозищане сначала проиграли, а потомъ вышло какъ-то такъ, что наслѣдникъ помѣщика уступилъ... Говорили, что послѣ этого Лозинскіе стали „еще гордѣе“, хотя не стали довольнѣе.

И нигдѣ такъ радушно не встрѣчали заѣзжихъ людей, которые могли поразсказать кое-что о широкомъ бѣломъ свѣтѣ.

II.

Такъ же вотъ жилось въ родныхъ Лозищахъ и нѣкоему Осипу Лозинскому, т. е. жилось, правду сказать, неважно. Земли было мало, аренда тяжелая, хозяйство бѣднѣло. Былъ онъ уже женатъ, но дѣтей у него еще не было, и не разъ онъ думалъ о томъ, что, когда будутъ дѣти, то имъ придется такъ же плохо, а то и похуже. „Пока человѣкъ еще молодъ,—говаривалъ

онъ, — а за спиной еще не пищитъ дѣтвора,— тутъ то и поискать человѣку, гдѣ это затерялась его доля“.

Не первый онъ былъ и не послѣдній изъ тѣхъ, кто, попрощавшись съ родными и сосѣдями, взяли, какъ говорится, ноги за-поясъ и пошли искать долю, работать, биться съ лихой нуждой и ѣсть горькій хлѣбъ изъ чужихъ печей на чужбинѣ. Не мало уходило такихъ неспокойныхъ людей и изъ Лозищей, уходили и въ одиночку, и парами, а разъ даже цѣлымъ гуртомъ пошли за хитрымъ агентомъ-нѣмцемъ, пробравшись ночью черезъ границу. Только все это дѣло кончалось или ничѣмъ, или еще хуже. Кто возвращался ободранный и голодный, кого нѣмцы гнали на веревкѣ до границы, а кто пропадалъ безъ вѣсти, затерявшись гдѣ-то въ огромномъ Божьемъ свѣтѣ, какъ маленькая булавка въ ометѣ соломы.

Лозинскій Осипъ былъ, кажется, еще первый, который не пропалъ и отыскался. Человѣкъ, видно, былъ съ головой, не изъ тѣхъ, что пропадаютъ, а изъ тѣхъ, что еще другихъ выводятъ на дорогу. Какъ бы то ни было,— черезъ годъ или два, а можетъ и больше, пришло въ Лозищи письмо, съ большою рыжею маркой, какой до того времени еще и не видывали въ той сторонѣ. Не мало дивились письму, читали его и перечитывали въ волости и писарь, и учитель, и священникъ, и много людей позначительнѣе, кому было любопытно, а, наконецъ, всетаки вызвали Лозинскую и отдали ей письмо въ разорванномъ конвертѣ, на которомъ совершенно

ясно было написано ея имя: Катеринѣ Лозинской, женѣ Лозинскаго Іосифа Оглобли, въ Лозищахъ.

Письмо было отъ ея мужа, изъ Америки, изъ губерніи Миннесота, а какого уѣзда и села, теперь сказать очень трудно, потому что... Впрочемъ, это будетъ видно дальше.

Въ письмѣ было написано, что Лозинскій, слава Богу, живъ и здоровъ, работаетъ на „фармѣ" и, если Богъ поможетъ ему такъ же, какъ помогалъ до сихъ поръ, то надѣется скоро и самъ стать хозяиномъ. А впрочемъ, и работникомъ тамъ ему лучше, чѣмъ иному хозяину въ Лозищахъ. Свобода въ этой сторонѣ большая. Земли довольно, коровы даютъ молока по ведру на удой, а лошади — чистые быки. Человѣка съ головой и руками уважаютъ и цѣнятъ, и вотъ даже его, Лозинскаго Осипа, спрашивали недавно, кого онъ желаетъ выбрать въ главные президенты надъ всею страной. И онъ, Лозинскій, подавалъ свой голосъ не хуже людей, и хоть, правду сказать, сдѣлалось не такъ, какъ они хотѣли съ своимъ хозяиномъ, а всетаки ему понравилось и то, что человѣка, какъ бы то ни было, спросили. Однимъ словомъ—свобода и все остальное очень хорошо. Только Лозинскому очень скучно безъ жены, и потому онъ старался работать какъ только можно, и первыя деньги отдалъ за *тикетъ*, который и посылаетъ ей въ этомъ письмѣ. А что такое *тикетъ*, такъ это вотъ эта самая синяя бумажка, которую надо беречь, какъ зеницу ока. На ней нарисованъ паровозъ съ вагонами и пароходъ. Это значитъ, что по этому



билету Лозинскую повезутъ теперь даромъ и по землѣ, и по водѣ, — стоитъ ей только доѣхать до нѣмецкаго города Гамбурга. А на другіе расходы пусть продастъ избу, корову и имущество.

Пока Лозинская читала письмо,—люди глядѣли на нее и говорили между собой, что вотъ въ какой пустой бумажкѣ какая можетъ быть великая сила, что человѣка повезутъ на край свѣта и нигдѣ уже не спросятъ плату. Ну, разумѣется, всѣ понимали при этомъ, что такая бумажка должна была стоить Осипу Лозинскому не мало денегъ. А это, конечно, значитъ, что Лозинскій ушелъ въ свѣтъ не напрасно и что въ свѣтѣ можно таки разыскать свою долю...

И всякій подумалъ про себя: а хорошо бы и мнѣ... Писарь (тоже лозищанинъ родомъ), и тотъ не сразу отдалъ Лозинской письмо и билетъ, а держалъ у себя цѣлую недѣлю и думалъ: баба глупая, а съ такой бумагой и кто-нибудь поумнѣе могъ бы побывать въ Америкѣ и поискать тамъ своего счастья... Но на билетѣ было совершенно ясно, хоть и не по нашему, написано: mississ Katharina Ioseph Losinsky-Oglobla. Іосифъ Лозинскій и Оглобля,—это бы, конечно, еще ничего, но Катерина это уже было ясно, что женщина, да и mississ тоже, пожалуй, обозначаетъ бабу. Однимъ словомъ, хотя и въ послѣднюю минуту писарь все еще какъ-то вздыхалъ и непріятно косился, вынимая изъ стола билетъ, который у него былъ припрятанъ особо,—но все-таки отдалъ. Лозинская взяла его, сѣла на лавку и горько заплакала.

Разумѣется, она была рада письму, да вѣдь и отъ радости тоже плачутъ. При томъ—всетаки приходилось покинуть и родную деревню, и родныхъ, и сосѣдей. Затѣмъ, нужно сказать, что Лозинская была баба молодая и, какъ говорится, гладкая. Безъ мужа мало ли бѣды,—не видѣла проходу хотя бы и отъ этого самаго писаря, а на духу приходилось признаваться, что и „врагъ“ не оставлялъ ее въ покоѣ. Нѣтъ-нѣтъ, да и зашепчетъ кто-то на ухо, что Осипъ Лозинскій далеко, что еще никто изъ такихъ далекихъ странъ въ Лозищи не возвращался, что можетъ вороны растаскали уже и мужнины косточки въ далекой пустынѣ, а она тутъ тратитъ напрасно молодыя лѣта—ни дѣвкой, ни вдовой, ни мужниной женой. Правда, что Лозинская была женщина разумная, и соблазнить ее было не легко, но что у нея было тяжело на душѣ,—это оказалось при полученіи письма: сразу подкатили подъ сердце и настоящая радость, и прежнее горе, и всѣ грѣшныя молодыя мысли, и всѣ безсонныя ночи, съ горячими думами. Однимъ словомъ, упала Лозинская въ обморокъ, и пришлось тутъ ея родному брату Матвѣю Лозинскому по прозванію Дышло нести ее на рукахъ въ ея хату.

И пошелъ по деревнѣ говоръ: Осипъ Лозинскій разбогатѣлъ въ Америкѣ и сталъ такимъ важнымъ человѣкомъ, что съ нимъ уже совѣтуются, кого назначить въ президенты... Стали молодые люди почасту гостить въ корчмѣ,—пьютъ пиво и медъ, курятъ трубки, засиживаются за полночь, шумятъ, спорятъ и хвастаютъ.

Кто бы послушалъ эти толки, то подумалъ бы, что не останется въ Лозищахъ ни одного молодаго человѣка къ филипповкамъ... Если уже Осипа спрашивали, кого онъ хочетъ въ президенты, то что тамъ надѣлаютъ другіе, получше Осипа!.. Потому что тамъ—свобода!

Свобода! Это слово частенько таки повторялось въ шинкѣ еврея Шлемы, спокойно слушавшаго за своей стойкой. Правду сказать, не всякій изъ лозищанъ понималъ хорошенько, что оно значитъ. Но оно какъ-то хорошо обращалось на языкѣ и звучало въ немъ что-то такое, отъ чего человѣкъ будто прибавлялся въ ростѣ и что-то будто вспоминалось неясное, но пріятное... Что-то такое, о чемъ какъ будто бы знали когда-то въ той сторонѣ старые люди, а дѣти иной разъ прикидываются, что и они тоже знаютъ...

Ну, да вѣдь мало ли кто о чемъ говоритъ. Поговорили, пошумѣли и бросили. И, можетъ, уже забыли и тянутъ свою лямку, какъ волъ въ бороздѣ,—а можетъ, говорятъ и до сихъ поръ, все на томъ же мѣстѣ. А всетаки отыскалось тутъ два человѣка изъ такихъ, что не любятъ много говорить, пока не сдѣлаютъ... Подумали, потолковали на сторонѣ другъ съ другомъ и принялись продавать хаты и землю. Продавать-то было, пожалуй, немного, и, когда все это дѣло покончили, тогда и объявили: ѣдемъ и мы съ Осиповой Лозихою, чтобы ей одной не пропасть въ дорогѣ.

Одинъ приходился ей близкимъ человѣкомъ: это былъ ея братъ, Матвѣй Дышло, родной правнукъ Лозинскаго-Шуляка, бывшаго гайдамака,—человѣкъ огром-

наго роста, въ плечахъ сажень, руки, какъ грабли, голова бѣлокурая, курчавая, величиною съ добрый котелъ,—настоящій медвѣдь изъ пущи. Говорили, что онъ наружностью походилъ на дѣда. Только глаза и сердце,—какъ у ребенка. Женатъ онъ еще не былъ, изба у него была плохая, а земли столько, что если лечь такому огромному человѣку поперекъ полосы, то ноги уже окажутся на чужой землѣ. Говорилъ мало, смѣялся рѣдко. У него была старая дѣдовская библія, которую онъ любилъ читать,—и часто думалъ что-то про себя стыдливо и печально. Никогда его въ Лозищахъ умнымъ не считали, и парни нерѣдко издѣвались надъ нимъ, можетъ быть, потому, что онъ, не смотря на свою небычайную силу—драться не любилъ.

Былъ у него задушевный пріятель, Иванъ Лозинскій Дыма,—человѣкъ уже совсѣмъ другого рода: небольшаго роста, не сильный, но веселый, разговорчивый и острый. Дыма былъ сухощавъ, говорливъ, подвиженъ, волосы у него торчали щетиной, глаза бѣгали и блестѣли, языкъ имѣлъ быстрый, находчивый, усы носилъ длинные, по казачьи,—книзу. Никто его дуракомъ не считалъ, и онъ никому не давалъ спуску. Но если кого задѣнетъ своимъ колючимъ словомъ, то уже, бывало, все старается держаться поближе къ Матвѣю, потому что на руку былъ не силенъ и въ дракѣ ни съ кѣмъ устоять не могъ.

Когда узнали въ Лозищахъ, что и эти двое собрались въ Америку,—то какъ-то всѣмъ это стало непріятно.

— Да гдѣ же тебѣ, Матвѣй,—говорили пріятели,— въ такую даль забираться. Ты глупъ, а Иванъ слабъ, да васъ тамъ въ Америкѣ гуси затопчутъ.

Но Матвѣй отвѣчалъ:

— Будетъ, что Богъ дастъ. А я отъ сестры да отъ Дымы не отстану.

Такъ и поѣхали втроемъ въ дальнюю дорогу... Не стоитъ описывать, какъ они переѣхали черезъ границу и проѣхали черезъ нѣмецкую землю; все это не такъ ужъ трудно. Къ тому же въ Пруссіи не мало встрѣчалось и своихъ людей, которые могли указать, какъ и что надо дѣлать дорогой. Довольно будетъ сказать, что пріѣхали они въ Гамбургъ и, взявши свои пожитки, отправились, не долго думая, къ рѣкѣ, на пристань, чтобы тамъ узнать, когда слѣдуетъ ѣхать дальше.

А Гамбургъ, нѣмецкій городъ, стоитъ на большой рѣкѣ, не очень далеко отъ моря, и оттуда ходятъ корабли во всѣ стороны. Вотъ видятъ наши лозищане въ одномъ мѣстѣ, на берегу,—народу видимо-невидимо, бѣгутъ со всѣхъ сторонъ, торопятся и толкаются такъ, какъ будто человѣкъ какое-нибудь бревно на проѣзжей дорогѣ. А съ берега, отъ пристани два пароходика все возятъ народъ на корабль, потому что корабли, которые ходятъ по океану,—стоятъ на серединѣ поодаль, на самомъ глубокомъ мѣстѣ. Видятъ лозищане, что одинъ корабль дымится, а къ нему то и дѣло пристаютъ пароходы. Выкинутъ въ него народъ, сундуки, узлы и чемоданы—и тотчасъ-же опять къ пристани, и опять нагружаются, и везутъ снова.

Вотъ Иванъ Дыма, разсмотрѣвши все хорошенько, догадался первый:

— А знаете, говоритъ, что я вамъ скажу: это должно быть корабль въ Америку, потому что очень великъ. Вотъ мы и попали какъ разъ. Давай, Матвѣй, пробиваться впередъ.

Поставили они женщину съ билетомъ впереди, и пошли проталкивать ее между народомъ. Дошли до самаго края пристани, а тамъ ужъ, видно, послѣднюю партію принимаютъ. Боже мой, что только творилось на этой пристани: и плачутъ, и кричатъ, и смѣются, и обнимаются, и ругаются, и машутъ платками. И рѣдкое лицо не взволновано, и на рѣдкихъ глазахъ не сверкаютъ прощальныя слезы... И все кругомъ,—чужой языкъ звучитъ, незнакомая рѣчь хлещетъ въ уши, непонятная и дикая, какъ волна, что брызжетъ пѣной подъ ногами. Закружились у нашихъ лозищанъ головы, забились сердца,—глаза такъ и впились впередъ, чтобы какъ-нибудь не отстать отъ другихъ, чтобы какъ-нибудь ихъ не оставили на этой старой Европѣ, гдѣ они родились и прожили полжизни...

Матвѣю Лозинскому не трудно было пробить всѣмъ дорогу, и черезъ двѣ минуты Лозинская стояла уже со своимъ сундукомъ у самаго мостика и въ рукахъ держала билетъ. А пароходикъ уже свиснулъ два раза жалобно и тонко, и черный дымъ пыхнулъ изъ его трубы въ сырой воздухъ,—видно, что сейчасъ уходить хочетъ, а пока лозищане оглядывались,—раздался и третій свистокъ, и что-то заклокотало подъ ногами такъ

сильно, что наши даже вздрогнули и невольно подались назадъ. А въ это время какой-то огромный нѣмецъ, съ выпученными глазами и весь въ поту, суетившійся всѣхъ больше на пристани,— увидѣлъ Лозинскую, выхватилъ у нея билетъ, посмотрѣлъ, сунулъ ей въ руку,—и не успѣли лозищане оглянуться, какъ уже и женщина, и ея небольшой узелъ очутились на пароходикѣ. А въ это время два другіе матроса сразу двинули мостки, сшибли съ ногъ Дыму, отодвинули Матвѣя—и выволокли мостки на пристань. Кинулись наши лозищане къ высокому нѣмцу.

— А побойся ты Бога, человѣче!—закричалъ ему Дыма.—Да это-же наша родная сестра, мы хотимъ ѣхать вмѣстѣ.

Дыма, конечно, схитрилъ, называя и себя роднымъ братомъ Лозинской, да какая ужъ тутъ къ чорту хитрость, когда нѣмецъ ни слова не понимаетъ. А тутъ пароходикъ отваливаетъ, а съ парохода Катерина такъ разливается, что даже изо-всѣхъ нѣмецкихъ голосовъ ея голосъ слышенъ. Завернули лозищане полы, вытащили, что было денегъ, положили на руки, и пошелъ Матвѣй опять локтями работать. Стали опять впереди, откуда еще можно было вскочить на пароходъ—и показываютъ нѣмцу деньги, чтобы онъ не думалъ, что они намѣрены втроемъ ѣхать по одному бабьему билету. Дыма такъ даже отобралъ небольшую монетку и тихонько сунулъ ее въ руку нѣмцу. Сунулъ и самъ же зажалъ ему руку, чтобы монета не вывалилась,—и показываетъ ему на пароходикъ и на женщину, которая

въ это время уже начала терять голосъ отъ испуга и плача...

Ничего не вышло! Нѣмецъ, положимъ, монету не бросилъ и даже сказалъ что-то довольно привѣтливо, но когда наши друзья отступили на шагъ, чтобы получше разбѣжаться и вскочить на пароходикъ,—нѣмецъ мигнулъ двумъ матросамъ, а тѣ, видно, были люди привычные: сразу такъ принялись за обоихъ лозищанъ, что нечего было и думать о скачкѣ.

— Матвѣй, Матвѣй,—закричалъ было Дыма,—а нука, попробуй съ ними по своему. Какъ разъ теперь это и нужно!—Но въ это время оба отлетѣли, и Дыма упалъ, задравши ноги кверху.

Когда онъ поднялся,—пароходикъ уже скользилъ, поворачиваясь, вдоль пристани. Показались кожухи, заворочались колеса, обдавая пристань мутными брызгами, хвостъ дыма задѣлъ по лицамъ густо-столпившуюся публику, потомъ мелькнуло заплаканное лицо испуганной Лозинской, и еще черезъ минуту—между пристанью и пароходомъ залегла бурливая и мутная полоса воды въ двѣ-три сажени. Колеса ударили дружнѣе, и полоса растянулась въ десять-двадцать сажень,— а пароходикъ сталъ уменьшаться, убѣгая среди мглистаго воздуха, подъ мутнымъ небомъ, по мутной рѣкѣ...

Лозищане глядѣли, разинувши рты, какъ онъ присталъ къ огромному кораблю, какъ что-то протянулось съ него на корабль, точно тонкая жердочка, по которой, какъ муравьи, поползли кверху люди и вещи. А тамъ и самый корабль дохнулъ чернымъ дымомъ, за-

гудѣлъ глубокимъ и гулкимъ голосомъ, какъ огромный бугай въ стадѣ коровъ,—и тихо двинулся по рѣкѣ, между мелкими судами, стоявшими по сторонамъ или быстро уступавшими дорогу.

Лозищане чуть не заплакали, провожая глазами эту громаду, увезшую у нихъ изъ-подъ носа бѣдную женщину въ далекую Америку.

Народъ сталъ расходиться, а высокій нѣмецъ снялъ свою круглую шляпу, вытеръ платкомъ потное лицо, подошелъ къ лозищанамъ и ухмыльнулся, протягивая Матвѣю Дышлу свою лапу. Человѣкъ, очевидно, былъ не изъ злопамятныхъ: какъ не стало на пристани толкотни и давки, онъ оставилъ свои манеры и, видно, захотѣлъ поблагодарить лозищанъ за подарокъ.

— Вотъ видишь,—говоритъ ему Дыма.—Теперь вотъ кланяешься, какъ добрый, а самъ подумай, что ты съ нами надѣлалъ. Родная сестра уѣхала одна. Поди ты къ чорту!—Онъ плюнулъ и сердито отвернулся отъ нѣмца.

А въ это время корабль уже выбрался далеко, подымилъ еще, все меньше, все дальше, а тамъ не то, что Лозинскую, и его уже трудно стало различать межъ другими судами, да еще въ туманѣ. Защекотало что-то у обоихъ въ горлѣ.

— Собака ты, собака! — говоритъ нѣмцу Матвѣй Дышло.

— Да! говори ты ему, когда онъ не понимаетъ,—съ досадой перебилъ Дыма.—Вотъ если бы ты его въ свое время двинулъ въ ухо, какъ я тебѣ говорилъ, то мо-

жетъ, такъ или иначе, мы бы теперь были на пароходѣ. А ужъ оттуда все равно въ воду бы не бросили! Тѣмъ болѣе у насъ сестра съ билетомъ!

— Кто знаетъ,—отвѣтилъ Матвѣй, почесывая въ затылкѣ.—Правду тебѣ сказать,—хоть оно двинуть человѣка въ ухо и не долго, а только не видалъ я въ своей жизни, чтобы отъ этого выходило что-нибудь хорошее. Что-нибудь и мы тутъ не такъ сдѣлали, вѣрь моему слову. Твое было дѣло—догадаться, потому что ты считаешься умнымъ человѣкомъ.

Какъ это бываетъ часто,—пріятели старались свалить вину другъ на друга. Дыма говорилъ: надо было помочь кулакомъ, Матвѣй—винилъ голову Дымы. А нѣмецъ стоитъ и дружелюбно киваетъ обоимъ...

Потомъ нѣмецъ вынулъ монету, которую ему Дыма сунулъ въ руку, и показываетъ лозищанамъ. Видно, что у этого человѣка всетаки была совѣсть: не захотѣлъ напрасно денегъ взять, щелкнулъ себя пальцемъ по галстуку и говоритъ „шнапсъ", а самъ рукой на кабачокъ показалъ. „Шнапсъ", это на всѣхъ языкахъ понятно, что значитъ. Дыма посмотрѣлъ на Матвѣя, Матвѣй посмотрѣлъ на Дыму и говоритъ:

— А что-жъ теперь дѣлать. Конечно, надо идти. Пѣшкомъ по водѣ не побѣжишь, а отъ этого нѣмецкаго чорта все-таки, можетъ, хоть что-нибудь доберемся...

Пошли. А въ кабакѣ стоитъ старый человѣкъ, съ сѣдыми, какъ щетина, волосами, да и лицо тоже все въ щетинѣ. Видно сразу, какъ ни брѣется, а борода все-таки изъ-подъ кожи лѣзетъ, какъ отава послѣ хо-

рошаго дождя. Какъ увидѣли наши пріятели такого шероховатаго человѣка, посреди гладкихъ и аккуратныхъ нѣмцевъ, и показалось имъ въ немъ что-то знакомое. Дыма говоритъ тихонько: это, должно быть, минскій или могилевскій, а то изъ Пущи.

Такъ и вышло. Поговоривши съ нѣмцемъ, кабатчикъ принесъ четыре кружки съ пивомъ (четвертую для себя) и сталъ разговаривать. Обругалъ лозищанъ дураками и объяснилъ, что они сами виноваты.—„Надо было зайти за уголъ, гдѣ надъ дверью написано: „Billetenkasse“. Billeten,—это и дураку понятно, что значитъ билетъ, а Kasse, такъ касса и есть. А вы лѣзете, какъ стадо въ городьбу, не умѣя отворить калитки“.

Матвѣй опустилъ голову и подумалъ про себя: „правду говоритъ: безъ языка человѣкъ, какъ слѣпой или малый ребенокъ“. А Дыма, хоть, можетъ быть, думалъ то же самое, но такъ какъ былъ человѣкъ съ амбиціей, то стукнулъ кружкой по столу и говоритъ:

— Долго ли ты будешь ругаться, старый! Лучше принеси еще по кружкѣ и скажи, какъ намъ теперь быть.

Всѣмъ это понравилось,—увидѣли, что человѣкъ съ самолюбіемъ и находчивый. Нѣмецъ потрепалъ Дыму по плечу, а хозяинъ принесъ опять четыре кружки на подносѣ.

— Ну, какъ же намъ ее догонять? — спрашиваетъ Дыма.

— Бѣги за ней, можетъ, догонишь,—отвѣтилъ ка-

батчикъ.—Ты думаешь, на морѣ, какъ въ полѣ, на телѣгѣ. Теперь,—говоритъ,—вамъ надо ждать еще недѣлю, когда пойдетъ другой эмигрантскій корабль, а если хотите, то заплатите подороже: скоро идетъ большой пароходъ и въ третьемъ классѣ отправляется не мало народу изъ Швеціи и Даніи наниматься въ Америкѣ въ прислуги. Потому что, говорятъ, американцы народъ свободный и гордый, и прислугу изъ нихъ найти трудно. Молодыя датчанки и шведки, говорятъ, въ годъ-два зарабатываютъ хорошее приданое.

— Пожалуй, дорого,—сказалъ Дыма, но Матвѣй возразилъ:—побойся ты Бога! Вѣдь женщину нельзя заставлять ждать цѣлую недѣлю. Вѣдь она тамъ изойдетъ слезами.—Матвѣю представлялось, что въ Америкѣ, на пристани, вотъ такъ же, какъ въ селѣ у перевоза, сестра будетъ сидѣть на берегу съ узелочкомъ, смотрѣть на море и плакать...

Переночевали у земляка, на утро онъ сдалъ лозищанъ молодому шведу, тотъ свелъ ихъ на пристань, купилъ билеты, посадилъ на пароходъ, и въ полдень поплыли наши Лозинскіе—Дыма и Дышло догонять Лозинскую Оглоблю...

III.

Проходитъ день, проходитъ другой. Солнце садится въ море съ одной стороны, на утро подымается изъ моря съ другой. Плещетъ волна, ходятъ туманныя облака, летаютъ за кораблемъ чайки, садятся на мачты,

потомъ какъ будто отрываются отъ нихъ вѣтромъ и, колыхаясь сбоку на бокъ, какъ клочки бѣлой бумаги,— отстаютъ, отстаютъ и исчезаютъ назади, улетая обратно, къ европейской землѣ, которую наши лозищане покинули навѣки. Матвѣй Лозинскій провожаетъ ихъ глазами и вздыхаетъ. Вотъ, думаетъ онъ: и чайка боится летѣть дальше, а мы полетѣли. И рисуется передъ нимъ сосновый лѣсъ, подъ лѣсомъ рѣчка съ блѣдною лозой, надъ рѣчкой—бѣдныя соломенныя хаты. И кажется,— вернулся бы назадъ къ прежней бѣдѣ, родной и знакомой.

А море глухо бьетъ въ борты корабля, и волны, какъ горы, поднимаются и падаютъ, съ рокотомъ, съ плескомъ, съ глухимъ стономъ, какъ будто кто грозитъ и жалуется вмѣстѣ. Корабль клонитъ-клонитъ, вотъ, кажется, совсѣмъ перевернется, а тамъ опять начнетъ подниматься съ кряхтѣньемъ и скрипомъ. Гнутся и скрипятъ мачты, сухо свиститъ вѣтеръ въ снастяхъ, а корабль все идетъ и идетъ; надъ кораблемъ свѣтитъ солнце, надъ кораблемъ стоитъ темная ночь, надъ кораблемъ задумчиво висятъ тучи или гроза бушуетъ и реветъ на океанѣ, и молніи падаютъ въ колыхающуюся воду. А корабль все идетъ и идетъ...

Матвѣй Дышло говорилъ всегда мало, но часто думалъ про себя такое, что никакъ не могъ бы разсказать словами. И никогда еще въ его головѣ не было столько мыслей, смутныхъ и неясныхъ, какъ эти облака и эти волны,—и такихъ же глубокихъ и непонятныхъ, какъ это море. Мысли эти рождались и падали въ его

головѣ, и онъ не могъ бы, да и не старался ихъ вспомнить, но чувствовалъ ясно, что отъ этихъ мыслей что-то колышется и волнуется въ самой глубинѣ его души, и онъ не могъ бы сказать, что это такое...

Къ вечеру океанъ подергивался темнотой, небо угасало, а верхушки волны загорались какимъ-то особеннымъ свѣтомъ... Матвѣй Дышло замѣтилъ прежде всего, что волна, отбѣгавшая отъ остраго корабельнаго носа, что-то слишкомъ бѣла въ темнотѣ, павшей давно на небо и на море. Онъ пагнулся книзу, поглядѣлъ въ глубину и замеръ...

Вода около корабля свѣтилась, въ водѣ тихо ходили блѣдные огни, вспыхивая, угасая, выплывая на поверхность, уходя опять въ таинственную и страшную глубь... И казалось Матвѣю, что все это живое: и ходъ корабля, и жалобный гулъ и грохотъ волны, и движеніе океана, и таинственное молчаніе неба. Онъ глядѣлъ въ глубину, и ему казалось, что на него тоже кто-то глядитъ оттуда. Кто-то неизвѣстный, кто-то удивленный, кто-то испуганный и недовольный... Отъ вѣка вѣковъ море идетъ своимъ ходомъ, отъ вѣка встаютъ и падаютъ волны, отъ вѣка поетъ море свою собственную пѣсню, непонятную человѣческому уху, и отъ вѣка—въ глубинѣ идетъ своя собственная жизнь, которой мы не знаемъ. И вотъ, теперь въ эту вѣковѣчную гармонію, въ это живое движеніе вмѣшался дерзкій и правильный ходъ корабля... И пѣсня моря дрогнула и измѣнилась, и волны разрѣзаны и сбиты, и кто-то въ глубинѣ со страхомъ прислушивается къ этому ходу непонят-

наго чудовища, изъ другого непонятнаго міра. Конечно, Лозинскій не могъ бы разсказать все это такими словами, но онъ чувствовалъ испугъ передъ тайной морской глубины. И казалось Лозинскому, что вотъ онъ смотритъ со страхомъ сверху, а на него съ такимъ же ужасомъ кто-то смотритъ снизу. Смотритъ и сердится, и посылаетъ своихъ посланцевъ съ огнями, которые выплываютъ наверхъ и ходятъ взадъ и впередъ, и узнаютъ что-то, и о чемъ-то тихо совѣтуются другъ съ другомъ, и всетаки печально уходятъ въ безвѣстную пучину,—ничего не понимая... А корабль все бѣжитъ неудержимымъ бѣгомъ къ своей собственной цѣли...

И много въ эти часы думалъ Матвѣй Лозинскій,—жаль только, что всѣ эти мысли подымались и падали, какъ волны, не оставляя замѣтнаго слѣда, не застывая въ готовомъ словѣ, вспыхивали и гасли, какъ морскіе огни въ глубинѣ... А впрочемъ, онъ говорилъ послѣ и самъ, что никогда не забудетъ моря.—„Человѣкъ много думаетъ на морѣ разнаго,—сказалъ онъ мнѣ,—разное думаетъ о себѣ и о Богѣ, о землѣ и о небѣ... Разное думается человѣку на океанѣ—о жизни, мой господинъ, и о смерти“... И по глазамъ его было видно, что какой-то огонекъ хочетъ выбиться на поверхность изъ безвѣстной глубины этой простой и темной души... Значитъ, что-то всетаки оставалось въ этой душѣ отъ моря.

Да, навѣрное, оставалось... Душа у него колыхалась, какъ море, и въ сердцѣ ходили чувства, какъ волны. И порой слеза подступала къ глазамъ, и порой—смѣшно

сказать—ему, здоровенному и тяжелому человѣку, хотѣлось кинуться и летѣть, летѣть, какъ эти чайки, что опять стали появляться уже отъ американской стороны... Летѣть куда-то вдаль, гдѣ угасаетъ заря, гдѣ живутъ добрые и счастливые люди...

Послѣ Лозинскій самъ признавался мнѣ, что у него въ то время были такія мысли, какія никогда не заходили въ голову ни въ Лозищахъ, когда онъ шелъ за сохой, ни на ярмаркѣ въ мѣстечкѣ, ни даже въ церкви. Тамъ все были обыкновенныя мысли, какія и должны быть въ своемъ мѣстѣ и въ свое время. А въ океанѣ мысли были все особенныя и необычныя. Онѣ подымались откуда-то, какъ эти морскіе огни, и онъ старался присмотрѣться къ нимъ поближе, какъ къ этимъ огнямъ... Но это не удавалось. Пока онъ не слѣдилъ за ними, онѣ плыли одна за другой, вспыхивали и гасли, лаская душу и сердце. А какъ только онъ начиналъ ихъ ловить и хотѣлъ ихъ разсказать себѣ словами,—онѣ убѣгали, а голова начинала болѣть и кружиться.

Разумѣется, все оттого, что было много досуга, а передъ глазами ходилъ океанъ и колыхался, и гремѣлъ, и сверкалъ, и угасалъ, и свѣтился, и уходилъ куда-то въ безконечность...

На третій день пути, выйдя на палубу, онъ увидѣлъ впереди корабль. Сначала ему показалось, что это маленькій игрушечный корабликъ запутался между снастями того парохода, на которомъ они сами плыли. Но это оттого, что прозрачный и ясный воздухъ прибли-

жалъ все, а кругомъ, кромѣ воды, ничего не было. Парусный корабль качался и росъ, и когда поровнялся съ ними, то Лозинскій увидѣлъ на немъ веселыхъ людей, которые смѣялись и кланялись, и плыли себѣ дальше, какъ будто имъ не о чемъ думать и заботиться, и жизнь ихъ будто всегда идетъ такъ же весело, какъ ихъ корабль при попутномъ вѣтрѣ... А въ другой разъ въ сильную качку, когда на носу ихъ парохода стояла цѣлая туча брызговъ, онъ опять смотрѣлъ, какъ такой же корабликъ, весь наклонившись на бокъ, летѣлъ, какъ птица. Волны вставали и падали, какъ горы, и порой съ замираніемъ сердца Лозинскій и другіе пассажиры смотрѣли и не видѣли больше смѣлаго суденышка. Но оно опять взлетало на вершину, и опять его парусъ касался пѣны, будто крыло чайки,— и онъ колыхался и шелъ, шелъ и колыхался... А Лозинскій думалъ про себя, что это должно быть уже американцы. Смѣлые, видно, люди! И вотъ, онъ ѣдетъ къ нимъ, простой и робкій лозищанинъ... Какъ-то они его встрѣтятъ, и зачѣмъ онъ имъ нуженъ?.. И какой-то онъ будетъ самъ черезъ десятокъ лѣтъ?..

И ему казалось, что и теперь онъ уже другой, не тотъ, что ходилъ за сохой въ Лозищахъ или въ праздникъ глазѣлъ на базаръ въ сосѣднемъ городѣ. Уже одно то, что онъ видѣлъ это колыхающееся безъ конца море, эти корабли, этихъ странныхъ, чужихъ людей... То, что его глазъ смотрѣлъ въ тайну морской глубины, и что онъ чувствовалъ ее въ душѣ и думалъ о ней, и объ этихъ чужихъ людяхъ, и о себѣ, когда онъ прі-

ѣдетъ къ нимъ...—все это дѣлало его какъ будто другимъ человѣкомъ. И онъ вглядывался впередъ, въ яркую синеву неба или въ пелену морскихъ тумановъ, какъ будто искалъ тамъ свое мѣсто и свое будущее...

Въ одну изъ такихъ минутъ, когда невѣдомыя до тѣхъ поръ мысли и чувства всплывали изъ глубины его темной души, какъ искорки изъ глубины темнаго моря,—онъ разыскалъ на палубѣ Дыму и спросилъ:

— Послушай, Дыма. Какъ ты думаешь, всетаки: что это у нихъ тамъ за свобода?

Но Дыма отвѣтилъ сердито:

— Убирайся ты... Поищи себѣ трясцу (лихорадку) или паралича, чтобы тебя разбило вдребезги яснымъ громомъ.

Это оттого, что бѣдному Дымѣ въ эту минуту былъ не милъ бѣлый свѣтъ. Потому что, когда корабль раскачивало направо и налѣво,— то отъ кормы къ носу, то опять отъ носа къ кормѣ,—тогда небо, казалось, вотъ, вотъ опрокинется на море, а потомъ опять море все разомъ лѣзло высоко къ небу. Отъ этого у бѣднаго Дымы страшно кружилась голова, что-то тосковало подъ ложечкой, и онъ все подходилъ къ борту корабля и висѣлъ книзу головой, точно тряпка, повѣшенная на плетнѣ для просушки. Бѣднаго Дыму сильно тошнило, и онъ кричалъ, что это проклятое море вывернетъ его наизнанку, и заклиналъ Христомъ Богомъ, чтобы корабль присталъ къ какому-нибудь острову и чтобъ его, Дыму, высадили хоть къ дикарямъ, если не хотятъ загубить христіанскую душу. Сначала Матвѣй очень ди-

вился тому, что у Дымы оказался такой капризный характеръ, и даже пробовалъ всячески стыдить его. Но потомъ увидѣлъ, что это не съ однимъ Дымой: многіе почтенные люди и даже шведскія и датскія барышни, которыя плыли въ Америку наниматься въ горничныя и кухарки — такъ же висѣли на бортахъ, и съ ними было все то же, что и съ Дымой. Тогда Матвѣй понялъ, что это на океанѣ дѣло обыкновенное. Самому ему становилось иногда непріятно и только; а Дыма—человѣкъ нервный—проклиналъ и себя, и Осипа, и Катерину, и корабль, и того, кто его выдумалъ, и всѣхъ американцевъ, даже еще не рожденныхъ на свѣтъ... Порой, кажется, онъ готовъ былъ даже кощунствовать, но всетаки сдерживался... Потому что на морѣ оно какъ-то не такъ легко, какъ иной разъ на землѣ...

А всетаки мысль о свободѣ сидѣла въ головѣ у Матвѣя. И еще на берегу, въ Европѣ, когда они разговорились съ могилевцемъ-кабатчикомъ, тогда самъ Дыма спросилъ у него первый:

— А что, скажите на милость... Какая тамъ у нихъ, люди говорятъ, свобода?

— А! рвутъ другъ другу горла,—вотъ и свобода!..— сердито отвѣтилъ онъ. — А впрочемъ, — добавилъ онъ, допивая изъ кружки свое пиво,—и у насъ это дѣлаютъ, какъ не надо лучше. Поэтому я, признаться, не могу понять, зачѣмъ это инымъ простакамъ хочется, чтобы ихъ ободрали непремѣнно въ Америкѣ, а не дома...

— Это вы, кажется, кинули камень въ нашъ огородъ,—сказалъ тогда догадливый Дыма.

— Мнѣ до чужихъ огородовъ нѣтъ дѣла,—отвѣтилъ могилевецъ уклончиво,—я говорю только, что на этомъ свѣтѣ—кто перервалъ другъ другу горло, тотъ и правъ... А что будетъ на томъ свѣтѣ, это когда-нибудь увидите и сами... Не думаю, однако, чтобы было много лучше.

Кабатчикъ, видимо, видалъ въ жизни много непріятностей. Отвѣтъ его не понравился лозищанамъ и даже немного ихъ обидѣлъ. Что люди всюду рвутъ другъ друга,—это, конечно, можетъ быть, и правда, но свободой, — думали они, — навѣрное, называется что-нибудь другое. Дыма счелъ нужнымъ отвѣтить на обидный намекъ.

— А это, я вамъ скажу, всюду такъ: какъ ты кому, такъ и тебѣ люди: мягкому и на доскѣ мягко, а костистому жестко и черезъ перину. А такого шероховатаго человѣка, какъ вы, я еще, признаться, и не видывалъ...

Такимъ образомъ, разговоръ тогда кончился немного кисло...

Теперь съ лозищанами на кораблѣ плылъ еще чехъ, человѣкъ уже старый и не веселый, но пріятный. Его выписалъ сынъ, который хорошо устроился въ Америкѣ. Старикъ ѣхалъ, но, по его словамъ—онъ предпочиталъ бы, если бы сынъ хорошо устроился на родинѣ. Тогда и ѣхать было бы лишне. Чешская рѣчь всетаки славянская. Поляку могло показаться, что это онъ говоритъ по-русски, а русскому,—что по-польски. Наши же лозищане говорили на волынскомъ нарѣчіи: не по-русски и не по-польски, да не совсѣмъ и по-малорусски, а всѣхъ трехъ языковъ по-немногу. Поэтому имъ было

легче. Дыма къ тому-же,—человѣкъ, битый не въ темя,— разговорился скоро. Гдѣ не хватало языка,—онъ помогалъ себѣ и руками, и головой, и ногами. Гдѣ щелкнетъ, гдѣ причмокнетъ, гдѣ хлопнетъ рукой, однимъ словомъ, какъ-то скоро стали они съ чехомъ пріятели. А чехъ говорилъ по-нѣмецки, значитъ, можно было коечто узнать черезъ него и отъ нѣмцевъ. А уже черезъ нѣмцевъ и отъ англичанъ...

Вотъ, когда вѣтеръ стихалъ и погода становилась яснѣе, Дыму и другихъ отпускала болѣзнь, и становилось на пароходѣ веселѣе. Тогда пассажиры третьяго класса выползали на носовую палубу, долговязый венгерецъ начиналъ играть на дудкѣ, молодой нѣмецъ на скрипкѣ, а молодежь брала шведскихъ барышенъ за талью и кружилась, обходя осторожно канаты и цѣпи. И надъ океаномъ неслись далеко звуки музыки, а волна подпѣвала и шаловливо кидала кверху бѣлую пѣну и брызги, и дельфины скакали, обгоняя корабль. А на душѣ становилось и весело, и грустно.

Въ это время Дыма съ чехомъ усаживались гдѣ нибудь въ уголкѣ, брали къ себѣ еще англичанина или знающаго нѣмца, и Дыма учился разговаривать. Англичанинъ говорилъ нѣмцу, нѣмецъ чеху, а уже чехъ передавалъ Дымѣ. Прежде всего, разумѣется, онъ ыучился американскому счету и затверживалъ его, загибая пальцы. Потомъ узналъ, какъ назвать хлѣбъ и воду, потомъ плугъ и лошадь, домъ, колодезь, церковь. И все списывалъ на бумажкѣ и твердилъ про себя. Онъ старался обучить и Матвѣя, — но тому давалось

трудно. Только и выучилъ по-англійски „три“,—потому что у нихъ три называется по нашему.

А потомъ у стараго чеха Дыма тоже спросилъ, что такое свобода. Это, говоритъ, сдѣлана у нихъ на островѣ такая мѣдная фигура. Стоитъ—выше самыхъ высокихъ домовъ и церквей, подняла руку кверху. А въ рукѣ—факелъ, такой огромный, что свѣтитъ далеко въ море. Внутри лѣстница,— и можно войти въ голову, и въ руку, и даже на верхушку факела. Вечеромъ зажигаютъ огонь во лбу и около факела, и тогда выходитъ сіяніе, точно отъ мѣсяца и даже много ярче. И называется эта мѣдная женщина—свобода.

Дыма передалъ этотъ разговоръ Матвѣю, но обоимъ казалось, что это опять не то: одинъ говоритъ: „рвутъ горло“, другой говоритъ: „фигура, которая свѣтится“... А Матвѣю почему-то вспоминался все старый дѣдъ Лозинскій-Шулякъ, который подарилъ ему библію. Онъ умеръ, когда Матвѣй былъ еще ребенкомъ; но ему вспоминались какіе-то смутные разсказы дѣда о старинѣ, о войнахъ, о запорожьи, гдѣ-то въ степяхъ на Днѣпрѣ... И теперь, какъ память о странномъ снѣ, разсказанномъ старымъ дѣдомъ, рисовалась эта старина и какой-то просторъ, и какая-то дикая воля... „А если встрѣтишь, бывало, татарина или хоть кого другого... Ну, тутъ уже кому Богъ поможетъ“ — вспоминались слова дѣда... Что же,—думалъ онъ,—тоже, выходитъ, „рвали горло“... Потомъ онъ вспоминалъ, что была надъ народомъ панская „неволя“. Потомъ пришла „воля“... Но свободы все какъ будто не было. У него кружилась голова,

мысли туманились, а въ душѣ оставался всетаки нерѣшенный вопросъ.

IV.

На седьмой день палъ на море страшный туманъ. Такой туманъ, что носъ парохода упирался будто въ бѣлую стѣну, и едва было видно, какъ колышется во мглѣ притихшее море. Раза два-три, прямо у самаго парохода, проплыли какія-то водоросли, и Лозинскій подумалъ, что это уже близко Америка. Но Дыма узналъ черезъ своего чеха, что это какъ разъ середина океана. Только не очень далеко на полдень — мелкое мѣсто. И здѣсь струя отъ полудня ударяется въ мель и идетъ на полночь, а тутъ же встрѣчается и холодная струя съ полночныхъ морей. И отъ того надъ моремъ въ этомъ мѣстѣ все гнѣздится туманъ. Пароходъ шелъ тихо, и необыкновенно громкій свистокъ ревѣлъ гулко и жалобно, а стѣна тумана отдавала этотъ крикъ, какъ эхо въ густомъ лѣсу. И становилось всѣмъ жутко и страшно.

И въ это время на кораблѣ умеръ человѣкъ. Говорили, что онъ уже сѣлъ больной; на третій день ему сдѣлалось совсѣмъ плохо, и его помѣстили въ отдѣльную каюту. Туда къ нему ходила дочь, молодая дѣвушка, которую Матвѣй видѣлъ нѣсколько разъ съ заплаканными глазами, и каждый разъ въ его широкой груди поворачивалось сердце. А наконецъ, въ то время, когда корабль тихо шелъ въ густомъ туманѣ, среди

пассажировъ пронесся слухъ, что этотъ больной человѣкъ умеръ...

И дѣйствительно, на кораблѣ всѣ почувствовали смерть... Пассажиры притихли, докторъ ходилъ серьезный и угрюмый, капитанъ съ помощникомъ совѣщались, и потомъ, черезъ день его похоронили въ морѣ. Завернули въ бѣлый саванъ, привязали къ ногамъ тяжесть, какой-то человѣкъ, въ длинномъ черномъ сюртукѣ и широкомъ бѣломъ воротникѣ, какъ казалось Матвѣю, совсѣмъ непохожій на священника, — прочиталъ молитвы, потомъ тѣло положили на доску, доску положили на бортъ и черезъ нѣсколько секундъ, среди захватывающей тишины,— раздался плескъ... Вмѣстѣ съ этимъ кто-то громко крикнулъ, молодая дѣвушка рванулась къ морю, и Матвѣй услышалъ ясно родное слово: „Отецъ, отецъ!" Между тѣмъ, корабль, тихо работавшій винтами, уже отодвинулся отъ этого мѣста, и самыя волны на томъ мѣстѣ смѣшались съ бѣлымъ туманомъ. Отъ человѣка не осталось и слѣда... Туманъ сомкнулся позади плотной стѣной, и туманъ былъ впереди, а пароходный ревунъ стоналъ и будто бы надрывался надъ печальной человѣческой судьбой...

Скоро, однако, другія событія закрыли собой эту смерть... Въ этотъ же день небольшая парусная барка только-только успѣла вывернуться изъ-подъ носа у парохода. Но это еще ничего. Люди на баркѣ махали шляпами и смѣялись на разстояніи какихъ-нибудь пяти саженей. Они были въ клеенчатыхъ курткахъ и странныхъ шляпахъ... Другой разъ, чуть не вышло

еще хуже. Середи бѣлаго дня, въ молочномъ туманѣ что-то, видно, почудилось капитану. Пароходъ остановили, потомъ отошли назадъ, какъ будто убѣгали отъ кого-то, кто двигался въ туманѣ. Потомъ стали въ ожиданіи. И вдругъ Лозинскій увидѣлъ вверху, какъ будто во мглѣ, встало облако съ сверкающими краями, а въ воздухѣ стало холоднѣе и повѣяло острымъ вѣтромъ. Пароходъ повернулся и тихо, будто украдкой, сталъ уползать въ глубь тумана налѣво. А направо было не облако, а ледяная гора. Лозинскій не вѣрилъ своимъ глазамъ, чтобы можно было видѣть разомъ такую огромную гору чистаго льда. Но это видѣли всѣ. На пароходѣ все притихло, даже винтъ работалъ осторожнѣе и тише. А гора плыла, тихонько покачиваясь, и вдругъ исчезла совсѣмъ, будто растаяла въ молочной мглѣ...

Наши двое лозищанъ и чехъ тотчасъ же сняли шапки и перекрестились. Нѣмцы и англичане не имѣютъ обычая креститься, кромѣ молитвы. Но и они также вѣрятъ въ Бога и также молятся, и когда пароходъ пошелъ дальше, то молодой господинъ въ черномъ сюртукѣ съ бѣлымъ воротникомъ на шеѣ (ни за что не сказалъ бы, что это священникъ) всталъ посреди людей, на носу, и громкимъ голосомъ сталъ молиться. И люди молились съ нимъ, и пѣли какіе-то канты, и священное пѣніе смѣшивалось съ гулкимъ и жалобнымъ крикомъ корабельнаго ревуна, опять посылавшаго впередъ свои предостереженія, а стѣна тумана опять отвѣчала, только еще жалобнѣе и еще глуше...

А море тоже все болѣе стихало и лизало бока корабля, точно ласкалось и просило у людей прощенія...

Женщины послѣ этого долго плакали и не могли успокоиться. Особенно жалко было Лозинскому молодую сироту, которая сидѣла въ сторонѣ и плакала, какъ ребенокъ, закрывая лицо угломъ шерстяного платка. Онъ уже и самъ не зналъ, какъ это случилось, но только онъ подошелъ къ ней, положилъ ей на плечо свою тяжелую руку и сказалъ:

— Будетъ уже тебѣ плакать, малютка. Богъ милостивъ.

Дѣвушка подняла голубые глаза, посмотрѣла на Лозинскаго и отвѣтила:

— А! Какъ мнѣ не плакать... Ѣду одна на чужую сторону. На родинѣ умерла мать, на кораблѣ отецъ, а въ Америкѣ гдѣ-то есть братья, да гдѣ они,—я и не знаю... Подумайте сами, какая моя доля!

Лозинскій постоялъ, посмотрѣлъ и не сказалъ ей ничего. Онъ не любилъ говорить на вѣтеръ, да и его доля была тоже темна. А только съ этихъ поръ, гдѣ бы онъ ни стоялъ, гдѣ бы ни сидѣлъ, что бы ни дѣлалъ, а все думалъ объ этой дѣвушкѣ и слѣдилъ за нею глазами.

И тогда же Лозинскій сказалъ себѣ самому: „а вотъ же, если я найду тамъ въ широкомъ и невѣдомомъ свѣтѣ свою долю, то это будетъ также и твоя доля, малютка. Потому что человѣку какъ-то хочется когонибудь жалѣть и любить, а особенно когда человѣкъ на чужбинѣ“.

V.

На двѣнадцатый день народъ началъ все набираться на носу, какъ муравьи на плавучей щепкѣ, когда ее прибиваетъ вѣтромъ къ берегу разлившагося ручья. Изъ этого наши лозищане поняли, что должно быть недалеко уже американская земля. И дѣйствительно, Матвѣй, у котораго глаза были острые, увидѣлъ первый, что надъ синимъ моремъ направо встала будто бѣлая игла. Потомъ она поднялась выше и уже ясно было видно, что это бѣлый маякъ. По волнамъ то и дѣло неслись лодки съ косымъ парусомъ, бѣлые пароходы, съ окнами точно въ домахъ, маленькіе пароходики, съ коромыслами наверху, какихъ никогда еще не приходилось видѣть лозищанамъ. А тамъ въ синеватой мглѣ стало проступать что-то, что-то заискрилось, что-то забѣлѣло, что-то вытягивалось и пестрѣло. Пошли острова съ деревьями, пошла длинная коса съ бѣлымъ пескомъ. На косѣ что-то громыхало и стучало, и черный дымъ валилъ изъ высокой трубы.

Дыма толкнулъ Лозинскаго локтемъ.

— Видишь? Чехъ говорилъ правду.

Матвѣй посмотрѣлъ впередъ. А тамъ, возвышаясь надъ самыми высокими мачтами самыхъ большихъ кораблей, стояла огромная фигура женщины, съ поднятой рукой. Въ рукѣ у нея былъ факелъ, который она протягивала навстрѣчу тѣмъ, кто подходитъ по заливу изъ Европы къ великой американской землѣ.

Пароходъ шелъ тихо, среди другихъ пароходовъ, сновавшихъ точно водяные жуки по заливу. Солнце сѣло, а городъ все выплывалъ и выплывалъ навстрѣчу, дома выростали, огоньки зажигались рядами и въ безпорядкѣ дрожали въ водѣ, двигались и перекрещивались внизу и стояли высоко въ небѣ. Небо темнѣло, но на немъ ясно еще рисовалась высоко въ воздухѣ тонкая сѣтка огромнаго, невиданнаго моста.

Исполинскіе дома въ шесть и семь этажей ютились внизу, подъ мостомъ, по берегу; фабричныя трубы не могли достать до него своимъ дымомъ, и онъ повисъ надъ водой, съ берега на берегъ, и огромные пароходы пробѣгали подъ нимъ, какъ ничтожныя лодочки, потому что это самый большой мостъ во всемъ божіемъ свѣтѣ... Это было направо; а налѣво уже совсѣмъ близко высилась фигура женщины,—и во лбу ея, еще споря съ послѣдними лучами угасавшей въ небѣ зари, загоралась золотая діадема, и вѣнокъ огоньковъ освѣщалъ факелъ въ высоко поднятой рукѣ...

А сердце Лозинскаго трепетало и сжималось отъ ужаса. Только теперь онъ понялъ, что такое эта Америка, на берегу которой онъ думалъ встрѣтить Лозинскую. Онъ ждалъ, что она будетъ сидѣть тутъ гдѣ-то со своимъ узелкомъ. „Боже мой, Боже мой,—думалъ Матвѣй. Да здѣсь человѣкъ, какъ иголка въ травѣ, или капля воды, упавшая въ море...“—Пароходъ шелъ уже часа два въ виду земли, въ виду построекъ и пристаней, а городъ все развертывалъ надъ заливомъ новые ряды улицъ, домовъ и огней... И съ берега, сквозь

шумъ машины, неслось рокотаніе и гулъ. Казалось, кто-то дышетъ огромный и усталый, то опять кто-то жалуется и сердится, то кто-то ворочается и стонетъ... И опять только гудитъ и катится, какъ вѣтеръ въ степи, то опять говоритъ смѣшанными голосами...

Лозинскій отыскалъ Анну, — молодую дѣвушку, съ которой онъ познакомился, и сказалъ:

— Держись, малютка, меня и Дымы. Видишь, что тутъ дѣется въ этой Америкѣ. Не дай Боже!

Дѣвушка схватила его за руку, и не успѣлъ сконфуженный Матвѣй оглянуться, какъ ужъ она поцѣловала у него руку. Потому что бѣдняжка, видно, испугалась Америки еще хуже, чѣмъ Лозинскій.

Пароходъ остановился на ночь въ заливѣ, и никого не спускали до слѣдующаго утра. Пассажиры долго сидѣли на палубахъ, потомъ большая часть разошлась и заснула. Не спали только тѣ, кого, какъ и нашихъ лозищанъ, пугала невѣдомая доля въ незнакомой странѣ. Дыма, впрочемъ, первый заснулъ себѣ на лавкѣ. Анна долго сидѣла рядомъ съ Матвѣемъ, и порой слышался ея тихій и робкій голосъ. Лозинскій молчалъ. Потомъ и Анна заснула, склонясь усталой головой на свой узелъ.

И только Матвѣй просидѣлъ всю теплую ночь, пока свѣтъ на лбу статуи не померкъ, и по водѣ залива не заиграли отблески зари на волнахъ, оставляемыхъ бороздами возвращавшихся съ долгой ночной работы пароходовъ...

На слѣдующее утро пришли на пароходъ американ-

скіе таможенные чиновники, давали подписывать какую-то бумагу, а, между тѣмъ, корабль потихоньку стали подтягивать къ пристани. И было какъ-то даже грустно смотрѣть, какъ этотъ морской великанъ лежитъ теперь на водѣ, безъ собственнаго движенія, точно мертвый, а какой-то маленькій пароходишко хлопочетъ около него, какъ живой муравей около мертваго жука. То потянетъ его за хвостъ, то забѣжитъ съ носу, и свиститъ, и шипитъ, и вертится... А пристань оказалась— огромный сарай, какихъ много было на берегу. Онѣ стояли рядами, некрасивыя, огромныя и мрачныя. Только на одной толпились американцы, громко визжали, свистѣли и кричали „ура“. Матвѣй посмотрѣлъ туда съ остаткомъ надежды увидѣть сестру—и махнулъ рукой. Гдѣ ужъ!..

Наконецъ, пароходъ подтянули. Какой-то матросъ, ловкій, какъ дьяволъ, взобрался кверху, подъ самую крышу сарая, и потомъ закачался въ воздухѣ вмѣстѣ съ мостками, которые спустились на корабль. И пошелъ народъ выходить на американскую землю...

Скучно было нашимъ... Пошли и они,—не оставаться же на кораблѣ вѣчно. А если сказать правду, то Матвѣю приходило въ голову, что на кораблѣ было лучше. Плывешь себѣ и плывешь... Небо, облака, да море, да вольный вѣтеръ,— а впереди, за гранью этого моря, — что Богъ дастъ... А тутъ вотъ тебѣ и земля, а что въ ней... Всѣхъ кто-нибудь встрѣчаетъ, цѣлуютъ, обнимаются, плачутъ. Только нашихъ лозищанъ не встрѣчаетъ никто, и приходится идти самимъ искать невѣ-

домую долю. А гдѣ она, куда ступить, куда податься, куда поставить ногу и въ какую сторону повернуться, неизвѣстно. Стали наши, въ бѣлыхъ свитахъ, въ большихъ сапогахъ, въ высокихъ бараньихъ шапкахъ и съ большими палками въ рукахъ,—съ палками, вырѣзанными изъ родной лозы, надъ родною рѣчкою—и стоятъ, какъ потерянные, и дѣвушка со своимъ узелкомъ жмется межъ ними.

VI.

— Жидъ! А ей же Богу, пусть меня разобьетъ яснымъ громомъ, если это не жидъ, — сказалъ вдругъ первый Дыма, указывая на какого-то господина, одѣтаго въ круглую шляпу и въ кургузый, потертый пиджакъ. Хотя рядомъ съ нимъ стоялъ молодой барчукъ, одѣтый съ иголочки и уже вовсе не похожій на жиденка,—однако, когда господинъ повернулся, то уже и Матвѣй убѣдился, съ перваго взгляда, что это непремѣнно жидъ, да еще свой, изъ подъ Могилева или Житоміра, Минска или Смоленска, вотъ будто сейчасъ съ базара, только переодѣлся въ нѣмецкое платье.

Обрадовались они этому человѣку, будто родному. Да и жидъ, замѣтивъ бѣлыя свитки и барашковыя шапки,—тотчасъ подошелъ и поклонился.

— Ну, поздравляю съ пріѣздомъ. Какъ ваше здоровье, господа? Я сразу вижу, что это пріѣхали земляки.

— А что,— сказалъ Дыма, съ торжествующимъ видомъ. — Не говорилъ я? Вотъ вѣдь какой это народъ

хорошій. Гдѣ нужно его, тутъ онъ и есть. Здравствуйте, господинъ еврей, не знаю, какъ васъ назвать.

— А! Звали когда-то Борухъ, а теперь зовутъ Боркъ, мистеръ Боркъ,—къ вашимъ услугамъ,—сказалъ еврей и какъ-то гордо погладилъ бородку.

— А! Чтобъ тебя! Ну, слушай же ты, Берко...

— Мистеръ Боркъ,—поправилъ еврей съ еще большею гордостью.

— Ну, пускай такъ, мистеръ, такъ и мистеръ, чтобъ тебя взяло за бока... А гдѣ-же тутъ хорошая заѣзжая станція, чтобы, знаешь, не очень дорого и не очень ужъ плохо. Потому что, видишь ты... Мы хоть въ простыхъ свиткахъ, а не совсѣмъ уже мужики... однодворцы... При томъ еще съ нами, видишь самъ, дѣвушка...

— Ну, — развѣ я ужъ самъ не могу различить, съ кѣмъ имѣю дѣло, — отвѣтилъ мистеръ Боркъ съ большою политикой.—Что вы обо мнѣ думаете?.. Пхе! Мистеръ Боркъ дуракъ, мистеръ Боркъ не знаетъ людей... Ну, только и вамъ я скажу: это ваше большое счастье, что вы попали сразу на мистера Борка. Я вѣдь не каждый день хожу на пристань, зачѣмъ я сталъ бы каждый день ходить на пристань?.. а у меня вы сразу имѣете себѣ хорошее помѣщеніе, и для барышни найдемъ комнатку особо, вмѣстѣ съ моею дочкой.

— А, вотъ видите вы, какъ оно хорошо, — сказалъ Дыма и оглянулся, какъ будто это онъ самъ выдумалъ этого мистера Борка.—Ну, веди же ты насъ, когда такъ, на свою заѣзжую станцію.

— Можетъ, вамъ нужно взять еще вашъ багажъ?

— Э! Какой тамъ багажъ! Правду тебѣ сказать, такъ и все вотъ тутъ съ нами.

— Гэ, это не очень много. Джонъ!..—крикнулъ онъ на молодого человѣка, который таки оказался его сыномъ. — Ну, чего ты стоишь, какъ какой нибудь болванъ. Таке ту бэгеджъ офъ миссъ (возьми у барышни багажъ).

Молодой человѣкъ оказался не гордый. Онъ вѣжливо приподнялъ шляпу, схватилъ изъ рукъ Анны узелокъ, и они пошли съ пристани.

Прошли черезъ улицу и вошли въ другую, которая показалась прiѣзжимъ какой-то пещерой. Дома темные, высокiе, выходы изъ нихъ узкiе, да еще въ половину домовъ поверхъ улицы сдѣлана на столбахъ настилка, загородившая небо...

— А, Господи! Матерь Божья!—взвизгнула вдругъ въ испугѣ Анна и схватила за руку Матвѣя.

— Всякое дыханiе да хвалитъ Господа, — сказалъ про себя и Матвѣй,—а что же это еще такое?

— Ай-ай, чего вы это испугались,—сказалъ жидъ.— Да это только поѣздъ. Ну, ну, идите, что такое за важность... Пускай себѣ онъ идетъ своей дорогой, а мы пойдемъ своей. Онъ насъ не тронетъ, и мы его не тронемъ. Здѣсь, я вамъ скажу, такая сторона, что зѣвать некогда...

И мистеръ Боркъ пошелъ дальше. Пошли и наши, скрѣпя сердце, потому что столбы кругомъ дрожали, улица гудѣла, вверху лязгало желѣзо о желѣзо и— прямо надъ головами лозищанъ по настилкѣ—на всѣхъ

парахъ летѣлъ поѣздъ. Они посмотрѣли съ разинутыми ртами, какъ поѣздъ изогнулся въ воздухѣ змѣей, повернулъ за уголъ, чуть не задѣвая за окна домовъ,— и полетѣлъ опять по воздуху. дальше, то прямо, то извиваясь...

И показалось нашимъ, привыкшимъ только къ шуму родного бора, да къ шопоту тростниковъ надъ тихою рѣчкой Лозовою, да къ скрипу колесъ въ степи,— что они теперь попали въ самое пекло. Домà—шапка свалится, какъ посмотришь. Взглянешь назадъ,—корабельныя мачты, какъ горѣлый лѣсъ; поднимешь глаза къ небу, — небо закопчено и еще закрыто этой настилкой воздушной дороги, отъ которой въ улицѣ вѣчныя сумерки. А впереди человѣкъ видитъ опять, какъ въ воздухѣ, наперерѣзъ, съ улицы въ улицу летитъ уже другой поѣздъ, а воздухъ весь изрѣзанъ храпомъ, стономъ, лязганіемъ и свистомъ машинъ.

— Господи, Іисусе,—шептала Анна блѣдными губами. Матвѣй только закусилъ усъ, а Дыма мрачно понурилъ голову и шагалъ, согнувшись подъ своимъ узломъ. А за ними бѣжали кучи какихъ-то уличныхъ дьяволятъ, даже иной разъ совсѣмъ черныхъ, какъ хорошо вычищенный сапогъ, и заглядывали имъ прямо въ лица, и подпрыгивали, и смѣялись, а одинъ большой негодяй кинулъ въ Дыму огрызокъ какого-то плода.

— А ну, это человѣкъ, наконецъ, можетъ потерять всякое терпѣніе, — сказалъ Дыма, ставя свой узелъ на землю.— Послушай, Берко...

— Мистеръ Боркъ,—поправилъ еврей.

— А что же, мистеръ Боркъ, у васъ тутъ дѣлаетъ полиція?

— А что вамъ за дѣло до полиціи?—отвѣтилъ еврей съ неудовольствіемъ.— Зачѣмъ вамъ безпокоить полицію такими пустяками? Здѣсь не такая сторона, чтобы чуть что не такъ, и сейчасъ звать полицію...

— Это вѣрно называется свобода, — сказалъ Дыма очень язвительно. — Человѣку кинули въ лицо огрызокъ,—это свобода... Ну, когда здѣсь уже такая свобода, то, послушай, Матвѣй, дай этому висѣльнику хорошаго пинка, можетъ, тогда они насъ оставятъ въ покоѣ.

— Ну, пожалуйста, не надо этого дѣлать,—взмолился Берко, къ имени котораго теперь все приходилось прибавлять слово „мистеръ".—Мы уже скоро дойдемъ, уже совсѣмъ близко. А это они потому, что... какъ бы вамъ сказать... Имъ непріятно видѣть такихъ очень лохматыхъ, такихъ шорсткихъ, такихъ небритыхъ людей, какъ ваши милости. У меня есть тутъ по близости цирюльникъ... Ну, онъ васъ приведетъ въ порядокъ за самую дешевую цѣну. Самый дешевый цирюльникъ въ Нью-Іоркѣ.

— А это, я вамъ скажу, хорошая свобода, — чтобъ ее взяли черти,—сказалъ Дыма, сердито взваливая себѣ мѣшокъ на спину.

А въ это время въ Дыму опять полетѣла корка банана. Пришлось терпѣть и идти дальше. Впрочемъ, прошли немного, какъ мистеръ Боркъ остановился.

— Ну, а теперь, пожалуйста, пойдемъ на эту лѣстницу...

— Да куда же это мы пойдемъ, когда эта лѣстница не въ домѣ, — сказалъ Дыма. И дѣйствительно, лѣстница вела съ улицы наверхъ, на ту самую настилку, что была у нихъ надъ головами.

— Ну, намъ надо сѣсть сюда въ вагонъ.

— Не пойду, — сказалъ Дыма рѣшительно. — Богъ создалъ человѣка, чтобы онъ ходилъ и ѣздилъ по землѣ. Довольно и того, что человѣкъ проѣхалъ по этому проклятому морю, которое чуть не вытянуло душу. А тутъ еще лети, какъ какая-нибудь сорока, по воздуху. Веди насъ пѣшкомъ!

— Ай-ай! — сказалъ мистеръ Боркъ нетерпѣливо, — что же мнѣ съ вами дѣлать? Идите, пожалуйста!

— Не пойду! — рѣшительно сказалъ Дыма и, обращаясь къ Матвѣю и Аннѣ, сказалъ:

— И вы тоже не ходите!

Еврей что-то живо заговорилъ съ сыномъ, который только улыбался, — и потомъ, повернувшись къ Дымѣ, мистеръ Боркъ сказалъ очень рѣшительно:

— Ну, когда вы такой упрямый человѣкъ, что все хотите по своему... то идите, куда знаете. Я себѣ пойду въ вагонъ, а вы какъ хотите... Джонъ! Отдай барышнѣ багажъ. Каждый человѣкъ можетъ идти своей дорогой.

Джонъ усмѣхнулся, но не торопился отдавать Аннѣ багажъ. Матвѣй взялъ Дыму за руку и сказалъ:

— А! что тамъ! Пойдемъ уже.

— Пойдемъ, пожалуйста, — робко сказала и Анна.

— Га! Что дѣлать. Въ этой сторонѣ, видно, надо ко

всему привыкать, - отвѣтилъ Дыма и, взваливъ мѣшокъ на плечи, сердито пошелъ на лѣстницу.

На первомъ поворотѣ за конторкой сидѣлъ равнодушный американецъ, которому еврей далъ монету, а тотъ выдалъ ему 5 билетовъ. Эти билеты Боркъ кинулъ въ стеклянную коробку, и всѣ поднялись еще выше и вышли на платформу.

Поѣзда еще не было. Платформа была вровень съ третьими этажами домовъ. Внизу шли люди, ѣхали большіе фургоны, проходили, позванивая, вагоны конно-желѣзной дороги; вверху, по синему небу плыли облака, бѣлыя, свѣтлыя, совсѣмъ какъ наши. „Вотъ, думалъ Матвѣй, — полетитъ это облако надъ землей, надъ моремъ, пронесется надъ Лозищами, заглянетъ въ свѣтлую воду Лозовой рѣчки, увидитъ лозищанскіе дома и поле, и людей, которые ѣдутъ въ поле и съ поля, какъ Богъ велѣлъ, въ пароконныхъ телѣгахъ и съ драбинами. Подумаетъ ли кто нибудь въ Лозищахъ, что двое лозищанъ стоятъ въ эту минуту въ чужомъ городѣ, гдѣ надъ ними сейчасъ издѣвались, точно они не христіане и пріѣхали сюда на посмѣшище... Стоятъ ни на землѣ, ни на горѣ и собираются летѣть по воздуху въ какой-то машинѣ“. „Господи,—думала въ это время и Анна,—а ну, какъ это провалится, а ну, какъ полетимъ мы всѣ съ этой машиной внизъ, на каменную мостовую. Господи Іисусе, дѣва Марія, святой Іосифъ. Всякая душа хвалитъ Господа“. Дыма смотрѣлъ и кусалъ длинный усъ...

На рельсахъ вдали показался какой-то кругъ и по-

катился, и сталъ выростать, приближаться, желѣзо зазвенѣло и заговорило подъ ногами, и скоро передъ платформой пролетѣлъ цѣлый поѣздъ... Завизжалъ, остановился, открылись затворки — и нѣсколько десятковъ людей торопливо прошли мимо нашихъ лозищанъ. Потомъ они вошли въ вагонъ, заняли пустыя мѣста, и поѣздъ сразу опять кинулся со всѣхъ ногъ и полетѣлъ такъ, что только мелькали окна домовъ...

Матвѣй закрылъ глаза. Анна крестилась подъ платкомъ и шептала молитвы. Дыма оглядывался кругомъ вызывающимъ взглядомъ. Онъ думалъ, что американцы, сидѣвшіе въ вагонахъ, тоже станутъ глазѣть на ихъ шапки и свитки и, пожалуй, кидать огрызками банановъ. Но, видно, эти американцы были люди серьезные: никто на нихъ не пялилъ глазъ, никто не усмѣхался. Дымѣ это понравилось, и онъ. немного успокоился...

А тамъ поѣздъ опять остановился, и наши вышли благополучно и опять спустились по лѣстницѣ на улицу...

XII.

Заѣзжій дворъ мистера Борка совсѣмъ не походилъ на наши. Наши, т. е. тѣ, что на Волыни, или подъ Могилевомъ, или въ Полѣсьѣ, гораздо лучше: длинный, но невысокій домъ, на бѣлой стѣнѣ чернѣютъ широкія ворота такъ привѣтливо и пріятно, что лошади приворачиваютъ къ нимъ сами собой. За въѣздомъ — прямо крытый дворъ, съ высокою, соломенною стрѣхой; между стропилами летаютъ тучи воробьевъ и голуби

воркуютъ гдѣ-то такъ сладко, а гдѣ—и не увидишь... А тамъ — колодезь съ воротомъ, ясли съ „драбинами" для лошадей, куры, коза, корова, запахъ лошадинаго поту, запахъ дегтя и душистаго сѣна... Вспомнить, такъ и то до самой старости пріятно...

Нужно сказать, что Матвѣй и Дыма считались въ своихъ мѣстахъ людьми степенными, знающими, какъ обращаться въ свѣтѣ. Случалось имъ не разъ, на ярмаркѣ, или въ праздникъ, проѣздомъ въ мѣстечкахъ или въ какой нибудь корчмѣ на шляху—заставать полнымъ полно народу,—и это ихъ нисколько не смущало. Извѣстное дѣло,—всякій самъ себя знаетъ. Поставилъ человѣкъ лошадь къ мѣсту, кинулъ ей сѣна съ воза или подвязалъ торбу съ овсомъ, потомъ сунулъ кнутъ себѣ за поясъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы люди видѣли, что это не бродяга или нищій волочится на ногахъ по свѣту, а настоящій хозяинъ, со своей скотиной и телѣгой; потомъ вошелъ въ избу и сѣлъ на лавку ожидать, пока освободится за столомъ мѣсто. А пока—оглядѣлъ всѣхъ и сразу видно—что за народъ послалъ Богъ навстрѣчу, и сразу-же можно начать подходящій разговоръ: одинъ разговоръ съ простымъ мужикомъ, другой—со своимъ братомъ, однодворцемъ или мѣщаниномъ, третій—съ управляющимъ или подпанкомъ. Разумѣется, знали и свое мѣсто: если уже за столомъ разсѣлся проѣзжій баринъ,—то, конечно, приходилось и пообождать, хотя-бы мѣста было и достаточно. Однимъ словомъ,—ходили всегда по свѣту съ открытыми глазами,—знали себя, знали людей, а потому отъ равныхъ

видѣли радушіе и уваженіе, отъ гордыхъ сторонились и если встрѣчали отъ господъ иногда какія нибудь непріятности, то всетаки не часто.

Теперь они сразу стали точно слѣпые. Не пришли сюда пѣшкомъ, какъ, бывало, на богомолье, и не пріѣхали, а прилетѣли по воздуху. И дворъ мистера Ворка не похожъ былъ на дворъ. Это былъ просто большой домъ, довольно темный и непріятный. Боркъ открылъ своимъ ключомъ дверь, и они взошли наверхъ по лѣстницѣ. Здѣсь былъ небольшой корридорчикъ, на который выходило нѣсколько дверей. Войдя въ одну изъ нихъ, по указанію Борка, наши лозищане остановились у порога, положили узлы на полъ, сняли шапки и оглядѣлись.

Комната была просторная. Въ ней стояло нѣсколько кроватей, очень широкихъ, съ бѣлыми подушками. Въ одномъ только мѣстѣ стоялъ небольшой столикъ у кровати, и въ разныхъ мѣстахъ—нѣсколько стульевъ. На одной стѣнѣ висѣла большая картина, на которой фигура „Свободы“ подымала свой факелъ, а рядомъ—литографіи, на которыхъ были изображены пятисвѣчники и еврейскія скрижали. Такія картины Матвѣй видѣлъ у себя на Волыни, и подумалъ, что это Боркъ привезъ въ Америку съ собою.

Въ открытое окно виднѣлась линія воздушной дороги, вдоль улицы, по которой пріѣхали и они. И опять вдали показался круглый щитъ локомотива и сталъ все выростать. Лозищане смотрѣли на него съ нѣкоторымъ страхомъ. Лязгъ и грохотъ все прибли-

жался, локомотивъ выросталъ, и лозищанамъ казалось, что поѣздъ вкатится въ комнату. Но въ это время что-то вдругъ хлеснуло въ окно рѣзкой струей воздуха, и мимо, совсѣмъ близко съ противоположной стороны пронеслась какая-то стѣна съ окнами. Это былъ другой встрѣчный поѣздъ; въ окнахъ мелькнули головы, шляпы, лица, въ томъ числѣ нѣкоторыя черныя, какъ сажа... И черезъ нѣсколько секундъ все исчезло, повернуло, и поѣздъ понесся вдаль, все уменьшаясь, между тѣмъ, какъ прежній выросталъ и черезъ минуту самъ пронесся мимо оконъ. Клубъ пара и дыма, точно развѣвающаяся лента, махнулъ по окну, и нѣсколько клочьевъ ворвалось въ самую комнату...

— Всякое дыханіе да хвалитъ Господа!—сказалъ Матвѣй, крестясь съ испугомъ. И только когда оба поѣзда исчезли, онъ рѣшился оглядѣться хорошенько на новомъ мѣстѣ.

Въ комнатѣ стояло около десятка кроватей, но изъ жильцовъ въ ней находился только одинъ господинъ, званіе котораго лозищане опредѣлить не могли. На немъ было „городское платье“, какъ и на Боркѣ, свѣтлые клѣтчатые короткіе панталоны, большіе и тяжелые шнуровые ботинки, крахмальная сорочка и свѣтлый жилетъ. Онъ лежалъ на постели, полуприкрывшись огромнымъ листомъ газеты, и, отслонивъ ея уголъ, съ любопытствомъ смотрѣлъ на новоприбывшихъ. По виду это былъ настоящій „баринъ“ и если-бы такъ у себя, дома, то Дыма непремѣнно отвѣсилъ-бы ему низкій поклонъ и сказалъ-бы:

— Прошу прощенія... Можетъ, это жидъ Берко завелъ насъ сюда по ошибкѣ.

Во всякомъ случаѣ лозищане подумали, что видятъ передъ собой американскаго дворянина или начальника. Но мистеръ Боркъ скоро сошелъ по витой лѣсенкѣ сверху, куда онъ успѣлъ отвести Анну, и подвелъ лозищанъ къ кровати совсѣмъ рядомъ съ этимъ важнымъ бариномъ.

— Вотъ эта кровать,—сказалъ онъ,—стоитъ вамъ два доллара въ недѣлю.

— А что я тебѣ скажу, мистеръ Боркъ,—зашепталъ ему осторожно Дыма.—Хорошо ли, смотри, это у насъ выйдетъ?

— Ну, — обиженно отвѣтилъ Боркъ, — что же еще нужно за два доллара въ недѣлю? Вы, можетъ, думаете— это съ одного? Нѣтъ, это съ обоихъ. За обѣдъ особо...

— Богъ съ тобой,—отвѣтилъ Дыма всетаки шопотомъ,—если уже ты не можешь уступить подешевле. А только вотъ этому господину не покажется ли непріятно? Всетаки мы люди простого званія...

Боркъ въ отвѣтъ только свиснулъ и сказалъ, съ нескрываемымъ пренебреженіемъ посмотрѣвъ на американскаго дворянина:

— Фью-ю! На этотъ счетъ вы себѣ можете быть вполнѣ спокойны. Это совсѣмъ не та исторія, что вы думаете. Здѣсь свобода: всѣ равные, кто за себя платитъ деньги. И знаете, что я вамъ еще скажу? Вотъ вы простые люди, а я васъ больше почитаю... потому что я вижу: вы въ нашемъ мѣстѣ были хозяева. Это

же видно сразу. А этого шарлатана я, можетъ быть, и держать не сталъ бы, если бы за него не платили отъ Тамани-холла. Ну, что мнѣ за дѣло! У „босса“ денегъ много, каждую недѣлю я свое получаю аккуратно.

Дыма ловилъ налету все, что замѣчалъ въ новомъ мѣстѣ, и потому, обдумавъ не совсѣмъ понятныя слова Борка, покосился на лежавшаго господина и сказалъ:

— Я, мистеръ Боркъ, такъ понимаю твои слова, что это не баринъ, а бездѣльникъ, въ родѣ того, какъ и у насъ на ярмаркахъ. И шляпа на немъ, и бѣлая рубашка, и галстухъ... а глядишь, уже кто-нибудь кошелька и не досчитался...

Боркъ усмѣхнулся.

— Ну, вы таки умѣете попадать пальцемъ въ небо,— сказалъ онъ, поглаживая свою бородку.—Нѣтъ, насчетъ кошелька, такъ вы можете не бояться. Это не его ремесло. Я только говорю, что всякій человѣкъ долженъ искать солиднаго и честнаго дѣла. А кто продаетъ свой голосъ... пусть это будетъ даже настоящій голосъ... Но кто продаетъ его Тамани-холлу за деньги, того я не считаю солиднымъ человѣкомъ.

И вздохнувъ, онъ прибавилъ:

— У меня было здѣсь солидное заведеніе. Ну, что дѣлать! Заведеніе пошло прахомъ, осталась квартира до срока. Приходится какъ-нибудь колотиться со всякою дрянью.

Дыма не совсѣмъ понималъ, какъ можно продать свой голосъ, хотя бы и настоящій, и кому онъ нуженъ, но такъ какъ ему было обидно, что разъ онъ уже по-

палъ пальцемъ въ небо,—то онъ сдѣлалъ видъ, будто все понялъ, и сказалъ уже громко:

— А когда такъ, то и хорошо. Клади, Матвѣй, узелъ сюда. Что, въ самомъ дѣлѣ! Вѣдь и наши деньги не щербаты... А здѣсь, при томъ же, чортъ ихъ бей, свобода!

И онъ сѣлъ на свою кровать противъ американскаго господина—вдобавокъ еще разставивши ноги. Матвѣй боялся, что американецъ всетаки обидится. Но онъ оказался парень простой и покладливый. Услыхавъ, что разговоръ идетъ о Тамани-холлѣ,—онъ отложилъ газету, сѣлъ на своей постели, привѣтливо улыбнулся, и нѣкоторое время оба они сидѣли съ Дымой и пялили другъ на друга глаза.

— Гудъ-бай!—первый сказалъ американецъ и хлопнулъ Дыму по колѣну.

Дыма хлопнулъ его съ своей стороны и, очень мало подумавши, отвѣтилъ:

— Yes (да).

— Tammany-holl,—сказалъ опять американецъ, любезно улыбаясь,—вэри-уэллъ!

— Вэри-уэллъ,—кивнулъ головой Дыма.—Это значитъ, очень хорошо... Эхъ ты, баринъ! Ты вотъ научи меня, какъ это продать этому чорту Тамани-холлу свой голосъ, чтобы за это человѣка кормили и поили даромъ.

— Well!—отвѣтилъ американецъ, захохотавъ.

— Yes,—засмѣялся и Дыма.

Ирландецъ опять подмигнулъ, похлопалъ Дыму по колѣну, и они, видно, сразу стали пріятели.

VIII.

А Матвѣй подивился на Дыму („вотъ вѣдь какой даръ у этого человѣка“,—подумалъ онъ), но самъ сѣлъ на постели, грустно понуривъ голову, и думалъ:

„Вотъ человѣкъ и въ Америкѣ... что же теперь будемъ дѣлать?“

Правду сказать,—все не понравилось Матвѣю въ этой Америкѣ. Дымѣ тоже не понравилось, и онъ былъ очень сердитъ, когда они шли съ пристани по улицамъ. Но Матвѣй зналъ, что Дыма—человѣкъ легкаго характера: сегодня ему кто-нибудь не по душѣ, а завтра первый пріятель. Вотъ и теперь онъ крутитъ усъ, придумываетъ слова и посматриваетъ на американца веселымъ окомъ. А Матвѣю было очень грустно.

Да, вотъ и Америка! Еще вчера ночью она лежала передъ нимъ, какъ какое-нибудь облако, и онъ не зналъ, что-то явится, когда это облако разступится... Но все ждалъ чего-то чудеснаго и хорошаго... „Правду сказать,—думалъ онъ,—на этомъ свѣтѣ человѣкъ думаетъ такъ, а выходитъ иначе, и если бы человѣкъ зналъ, какъ выйдетъ, то, можетъ, вѣкъ бы свѣковалъ въ Лозищахъ съ родной бѣдою“. Вотъ и облако разступилось, вотъ и Америка, а сестры нѣтъ, и той Америки нѣтъ, о которой думалось такъ много надъ тихою Лозовою рѣчкой и на морѣ, пока корабль плылъ, колыхаясь на волнахъ, и океанъ пѣлъ свою смутную пѣсню, и облака неслись по вѣтру въ высокомъ небѣ то изъ

Америки въ Европу, то изъ Европы въ Америку... А на душѣ пробѣгали такія же смутныя мысли о томъ, что было тамъ, на далекой родинѣ, и что будетъ впереди за океаномъ, гдѣ придется искать новаго счастья...

Ищи его теперь, этого счастья, въ этомъ пеклѣ, гдѣ люди летятъ куда-то, какъ бѣшеные, по землѣ и подъ землей и даже,—прости имъ, Господи,—по воздуху... гдѣ все кажется не такимъ, какъ наше, гдѣ не различишь человѣка, какого онъ можетъ быть званія, гдѣ не схватишь ни слова въ человѣческой рѣчи, гдѣ за крещенымъ человѣкомъ бѣгаютъ мальчишки такъ, какъ въ нашей сторонѣ бѣгали бы развѣ за туркомъ...

— Вотъ что, Дыма,—сказалъ Матвѣй, отрываясь отъ своихъ горькихъ мыслей.—Надо поскорѣе писать письмо Осипу. Онъ здѣсь уже свой человѣкъ,—пусть же совѣтуетъ, какъ сыскать сестру, если она еще не пріѣхала къ нему, и что намъ теперь дѣлать съ собою.

— Да ужъ не иначе,—отвѣтилъ Дыма.

Попросили у Борка перо и чернилъ, устроились у окна и написали. Писалъ письмо Дыма, а такъ какъ и у него руки не очень-то привыкли держать такую маленькую вещь, какъ перо,—то прописали очень долго.

Кончили писать, Дыма сталъ отирать потъ со лба и вдругъ остановился съ разинутымъ ртомъ. Матвѣй тоже оглянулся,—и у него какъ-то пріятно замерло сердце.

Въ комнатѣ стояла старая барыня, въ поношенной, но видно, что когда-то шелковой мантильѣ, въ старой шляпкѣ съ желтыми цвѣтами и съ сумочкой на рукѣ.

Кромѣ того, на ленточкѣ она держала небольшую бѣлую собачку, которая поворачивалась во всѣ стороны и нюхала воздухъ.

— Наша,—шепнулъ Дыма Матвѣю.

И дѣйствительно, барыня сѣла у двери на стулъ, отдышалась немного и сказала съ перваго слова:

— Проклятая сторона, проклятый городъ, проклятые люди. Ну, скажите, пожалуйста, зачѣмъ вы сюда пріѣхали?

Наши очень обрадовались родной рѣчи, кинулись къ барынѣ и чуть не стукнулись головами, цѣлуя у нея руку.

Барынѣ, видно, это понравилось. Она сидѣла на стулѣ, не отнимала руки и глядѣла на лозищанъ, жалостно кивая головой.

— Подольскіе или изъ Волыни?

— Изъ Лозищей, милостивая госпожа.

— Изъ Лозищей! Прекрасно! А куда же это Богъ несетъ?

— Въ Миннезотѣ есть наши.

— Миннезота! Знаю, знаю. Болото, лѣсъ, мошка, лѣсные пожары и, кажется, индѣйцы... Ай люди, люди! И что вамъ только понадобилось въ этой Америкѣ? Жили бы въ своихъ Лозищахъ...

„Оно, можетъ, и правда“, — подумалъ Матвѣй. А Дыма отвѣтилъ:

— Рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше.

— Такъ... отъ этого-то рыба попадаетъ въ неводъ, а люди въ Америку... Это очень глупо. А впрочемъ,—

это не мое дѣло. А гдѣ же тутъ самъ хозяинъ?.. Да, вотъ и Берко.

— Мистеръ Боркъ, — поправилъ еврей, входя въ комнату.

— А, мистеръ Берко,—сказала барыня, и лозищане замѣтили, что она немного разсердилась. — Скажите, пожалуйста,—я и забыла! А впрочемъ, ваша правда, ясновельможный мистеръ Боркъ! Въ этой проклятой сторонѣ всѣ мистеры, и уже не отличишь ни жида, ни хлопа, ни барина... Вотъ и эти (она указала на лозищанъ) снимутъ завтра свои свитки, забудутъ Бога и тоже потребуютъ, чтобы ихъ звать господами...

— Это ихъ дѣло, всякій здѣсь устраиваетъ себя, какъ хочетъ,—сказалъ Боркъ хладнокровно и прибавилъ, поглаживая бородку:—Чѣмъ могу вамъ служить?

— Твоя правда,—сказала барыня.—Въ этой проклятой сторонѣ никто не долженъ думать о своемъ ближнемъ... Всякій знаетъ только себя, а другіе—хоть пропади въ этой жизни и въ будущей... Ну, вотъ я зачѣмъ пришла: мнѣ сказали, что у тебя тутъ есть наша дѣвушка. Или,—простите, мистеръ Боркъ... Не угодно ли вамъ позвать сюда молодую пріѣзжую лэди изъ нашихъ крестьянокъ.

— Ну, а зачѣмъ вамъ миссъ Эни?..

— Ты, кажется, самъ начинаешь вмѣшиваться въ чужія дѣла, мистеръ Берко.

Боркъ пожалъ плечами, и черезъ минуту сверху спустилась Анна. Старая барыня надѣла стеклышки на носъ и оглядѣла дѣвушку съ ногъ до головы. Лози-

щане тоже взглянули на нее, и имъ показалось, что барыня должна быть довольна и испуганнымъ лицомъ Анны, и глазами, въ которыхъ дрожали слезы, и крѣпкой фигурой, и тѣмъ, какъ она мяла рукой конецъ передника.

— Умѣешь ты убирать комнаты?—спросила барыня.

— Умѣю,—отвѣтила Анна.

— И готовить кушанье?

— Готовила.

— И вымыть бѣлье, и выгладить рубашку, и заправить лампу, потому что я терпѣть не могу здѣшняго газа, и поставить самоваръ или сварить кофе...

— Такъ, ваша милость. Умѣю.

— Ты пріѣхала сюда работать?

— Какъ же иначе? — отвѣтила дѣвушка совсѣмъ тихо.

— Почемъ я знаю, какъ иначе?.. Можетъ быть, ты разсчитывала выйти замужъ за президента... Только онъ, моя милая, уже женатъ.

Двѣ крупныя слезы скатились съ длинныхъ рѣсницъ Анны и упали на бѣлый передникъ, который она все переминала въ рукахъ. Матвѣю стало очень жаль дѣвушку, и онъ сказалъ:

— Она, ваша милость, сирота...

А Дыма прибавилъ:

— У нея на кораблѣ умеръ отецъ.

— Умнѣе ничего не могъ придумать! — сказала барыня спокойно.—Много здѣсь дураковъ прилетало, какъ мухи на медъ... Ну, вотъ что. Мнѣ некогда. Если

ты пріѣхала, чтобы работать, то я возьму тебя съ завтрашняго дня. Вотъ этотъ мистеръ Боркъ укажетъ тебѣ мой домъ... А эти—тебѣ родня?

— Нѣтъ, милостивая пани, но...

И Матвѣй видѣлъ, какъ испуганный глазъ дѣвушки остановился на немъ, будто со страхомъ и вопросомъ.

— Никакихъ „но“. Я не позволяю тебѣ водить ни любовниковъ, ни тамъ двоюродныхъ братьевъ. Впередъ тебѣ говорю: я строгая. Изъ за того и беру тебя, что не желаю имѣть американскую барыню въ кухаркахъ. Шведки тоже уже испорчены... Слышишь? Ну, а пока до свиданія. А паспортъ есть?

— Есть...

— То-то.

Барыня встала, гордо кивнула головой и вышла изъ помѣщенія.

— Наша!—сказалъ Матвѣй и глубоко вздохнулъ.

— А это, видно, и здѣсь такъ же, какъ и всюду на свѣтѣ,—прибавилъ къ этому Дыма.

Анна тихонько вытерла слезу концомъ передника.

Еврей посмотрѣлъ на дѣвушку съ сожалѣніемъ и сказалъ:

— Ну, что вы плачете, миссъ Эни! Я вамъ прямо скажу, это дѣло не пойдетъ, и плакать нечего...

— А почему же не пойдетъ?—возразилъ Матвѣй задумчиво, хотя и ему самому казалось, что не стоило ѣхать въ Америку, чтобы попасть къ такой строгой барынѣ. Можно бы, кажется, и пожалѣть сироту... А впрочемъ, въ сердцѣ лозищанина примѣшивалось къ

этому чувству другое. „*Наша* барыня, наша,—говорилъ онъ себѣ,—даромъ что строгая, за то своя и не дастъ дѣвушкѣ ни пропасть, ни избаловаться“...

— Ну, почему же не идетъ?—повторилъ онъ свой вопросъ.

— Га! Если миссъ Эни пріѣхала сюда искать своего счастья, то я скажу, что его надо искать въ другомъ мѣстѣ. Я эту барыню знаю: она любитъ очень дешево платить и чтобы ей очень много работали.

— Эхъ, мистеръ Боркъ, а кто же этого не любитъ на свѣтѣ?—сказалъ Матвѣй со вздохомъ.

— Ну, это правда, а только здѣсь всякій любитъ также получить больше, а работать меньше. А можетъ быть, вы думаете иначе, тогда мистеръ Боркъ будетъ молчать... это уже не мое дѣло...

И Боркъ поднялся съ своего мѣста и вскорѣ ушелъ, одѣвшись, на улицу.

Онъ былъ еврей серьезный, но неудачливый, и дѣла его шли неважно. Помѣщеніе было занято рѣдко, и буфетъ въ сосѣдней комнатѣ работалъ мало. Дочь его прежде ходила на фабрику, а сынъ учился въ коллегіи; но фабрика стала, самъ мистеръ Боркъ мѣнялъ уже третье занятіе и теперь подумывалъ о четвертомъ. Кромѣ того, въ Америкѣ дѣйствительно не очень любятъ вмѣшиваться въ чужія дѣла, поэтому и мистеръ Боркъ не сказалъ лозищанамъ ничего больше, кромѣ того, что покамѣстъ миссъ Эни можетъ помогать его дочери по хозяйству, и онъ ничего не возьметъ съ нея за помѣщеніе.

— Подождемъ еще, малютка, — сказалъ Матвѣй.— Можетъ быть, придетъ скоро отвѣтъ отъ Лозинскаго, тогда, пожалуй, и тебѣ найдется работа въ деревнѣ.

— Дай-то Боже, — отвѣтили въ одинъ голосъ дѣвушка и Дыма.

— А теперь,—прибавилъ Матвѣй,—напиши, Дыма, адресъ.

Но тутъ открылось вдругъ такое обстоятельство, что у лозищанъ кровь застыла въ жилахъ. Дѣло въ томъ, что бумажка съ адресомъ хранилась у Матвѣя въ кисетѣ съ табакомъ. Да какъ-то, видно, терлась и терлась, пока карандашъ на ней совсѣмъ не стерся. Первое слово видно, что губернія Миннезота, а дальше ни шагу. Осмотрѣли этотъ клочокъ сперва Матвѣй, потомъ Дыма, потомъ позвали дѣвушку, дочь Борка, не догадается ли она, потомъ вмѣшался новый знакомый Дымы— ирландецъ, но ничего и онъ не вычиталъ на этой бубажкѣ.

— Что же это теперь будетъ?—сказалъ Матвѣй печально.

Дыма посмотрѣлъ на него съ великою укоризной и постучалъ себѣ пальцемъ по лбу. Матвѣй понялъ, что Дыма не хочетъ ругать его при людяхъ, а только показываетъ знакомъ, чтó бы онъ могъ сказать о головѣ Матвѣя. Въ другое время Матвѣй бы, можетъ, и самъ отвѣтилъ, но теперь чувствовалъ, что всѣ они трое, по его винѣ, идутъ на дно—и смолчалъ.

— Эхъ,—сказалъ Дыма и заскребъ въ головѣ. Заскребъ въ головѣ и Матвѣй, но ирландецъ, человѣкъ

видно рѣшительный, схватилъ конвертъ, написалъ на немъ: „Миннезота, фармерскому работнику изъ Россіи, Іосифу Лозинскому“ и сказалъ:

— All right.

— Онъ говоритъ оллъ-райтъ,—обрадовался Дыма,— значитъ дойдетъ.

— Дай-то Богъ,—это будетъ чудо Господне,—сказалъ Матвѣй.

А ирландецъ вдобавокъ предложилъ Дымѣ сходить вмѣстѣ, отнести письмо. И когда они выходили,—ирландецъ, надѣвъ свой котелокъ и взявъ въ руки тросточку, а Дыма въ своей свиткѣ и бараньей шапкѣ,—то Матвѣю показались они оба какими-то странными, точно онъ ихъ видѣлъ во снѣ. Особенно, когда, у порога, ирландецъ, какъ-то изогнувшись, предложилъ Дымѣ выйти первому. Дыма, изогнувшись совершенно такъ же, предлагалъ пройти впередъ ирландцу. Потомъ они двинулись оба вмѣстѣ, и тутъ уже Дыма постарался всетаки пройти первымъ. Ирландецъ крѣпко хлопнулъ его по плечу и захохоталъ... Дыма посмотрѣлъ на Матвѣя съ гордымъ видомъ.

IX.

Дѣло это было въ пятницу, уже послѣ обѣда.

Матвѣй ждалъ Дыму, но Дыма съ ирландцемъ долго не шелъ. Матвѣй сѣлъ у окна, глядя, какъ по улицѣ снуетъ народъ, ползутъ огромные, какъ дома, фургоны, летятъ поѣзда. На небѣ, поднявшись надъ крышами,

показалась звѣзда. Роза, дѣвушка дочь Борка, покрыла столъ въ сосѣдней комнатѣ бѣлою скатертью и поставила на немъ свѣчи въ чистыхъ подсвѣчникахъ и два хлѣба прикрыла бѣлыми полотенцами.

Отъ этихъ приготовленій у Матвѣя что-то вдругъ прилило къ сердцу. Онъ вспомнилъ, что сегодня пятница, и что такимъ образомъ, на его родинѣ евреи приготовляются всегда встрѣчать субботу.

Дѣйствительно, скоро мистеръ Боркъ вернулся изъ синагоги, важный, молчаливый и, какъ показалось Матвѣю, очень печальный. Онъ стоялъ надъ столомъ, покачивался и жужжалъ свои молитвы съ закрытыми глазами, между тѣмъ, какъ въ окно рвался шумъ и грохотъ улицы, а изъ третьей комнаты доносился смѣхъ молодого Джона, вернувшагося изъ своей „коллегіи" и разсказывавшаго сестрѣ и Аннушкѣ что-то веселое. На зовъ отца дѣвушка вбѣжала въ комнату и подала ему на руки воду. Онъ мылъ руки, потомъ концы пальцевъ, брызгалъ воду и бормоталъ слова молитвы, а дѣвушка, видно, вспоминала что-то смѣшное и глядѣла на брата, который подошелъ къ столу и ждалъ, покачиваясь наноскахъ. Затѣмъ они усѣлись. Молодые люди продолжали весело разговаривать. Одинъ Боркъ что-то порой шепталъ про себя, тихонько разрѣзывая луковицу или бѣлый хлѣбъ, и часто и глубоко вздыхалъ...

Лозищанинъ глядѣлъ на еврея и вспоминалъ родину. Вотъ и шабасъ здѣсь не такой, думалъ онъ про себя, и родное мѣстечко вставало въ памяти, какъ

живое. Вотъ засіяла вечерняя звѣзда надъ потемнѣвшимъ лѣсомъ, и городокъ стихаетъ, даже перестали дымиться трубы въ еврейскихъ домахъ. Вотъ засвѣтилась огнями синагога, зажглись желтыя свѣчи въ окнахъ лачугъ, вотъ евреи степенно идутъ по домамъ, вотъ смолкаетъ на улицахъ говоръ и топотъ шаговъ, а за то въ каждое окно можно видѣть, какъ хозяинъ дома благословляетъ трапезу, окруженный семьей. Въ это время двери всюду открыты, чтобы Авраамъ, Іаковъ и другіе патріархи могли ходить невидимо отъ одной лачуги къ другой и заходить въ дома. Знакомые евреи говорили Матвѣю, что въ это время ангелы ходятъ вмѣстѣ съ Авраамомъ, а черти, какъ вороны, носятся надъ крышами, не смѣя приблизиться къ порогу.

Разумѣется, въ своемъ мѣстѣ, Матвѣй смѣялся надъ этими пустяками; очень нужно Аврааму, котораго чтутъ также и христіане, заходить въ грязныя лачуги некрещенныхъ жидовъ! Но теперь ему стало очень обидно за Борка и за то, что даже евреи, такой крѣпкій въ своей вѣрѣ народъ,—забыли здѣсь свой обычай... Молодые люди наскоро отужинали и убѣжали опять въ другую комнату, а Боркъ остался одинъ. И у Матвѣя защемило сердце при видѣ одинокой и грустной фигуры еврея.

Мистеръ Боркъ, какъ бы угадывая мысли Лозинскаго, вышелъ изъ-за стола и сѣлъ съ нимъ рядомъ.

— Вижу я, господинъ Боркъ,—обратился къ нему Матвѣй,—что твои дѣти не очень почитаютъ праздникъ?

Боркъ задумчиво погладилъ бороду и сказалъ:

— А! хотите вы знать, что я вамъ скажу? Америка— такая сторона, такая сторона... Она перемалываетъ людей, какъ хорошая мельница.

— Что, видно, и здѣсь не очень-то любятъ вашу вѣру?—сказалъ Матвѣй наставительно.

— Э, вы совсѣмъ не то говорите, что надо. Если бы вы захотѣли, я повелъ бы васъ въ нашу синагогу... Ну, вы увидѣли бы, какая у насъ хорошая синагога. А нашъ раввинъ здѣсь въ такомъ почетѣ, какъ и всякій священникъ. И когда его вызывали на судъ, то онъ сидѣлъ съ ихъ епископомъ, и они говорили другъ съ другомъ... Ну, совсѣмъ такъ, какъ двоюродные братья.

— А вы бросаете всетаки свою вѣру?—сказалъ лозищанинъ. Ему не совсѣмъ-то вѣрилось, чтобы и здѣсь можно было приравнять раввина къ священнику.

— Ну, это очень трудно вамъ объяснить. Видите что: Америка такая хитрая сторона, она не трогаетъ ничьей вѣры. Боже сохрани! Она беретъ себѣ человѣка. Ну, а когда человѣкъ станетъ другой, то и вѣра у него станетъ уже другая. Не понимаете? Ну, хорошо. Я вамъ буду объяснять еще иначе. Моя дочь кончила школу, а въ это время мои дѣла пошли очень плохо. Ну, мнѣ говорятъ, пусть ваша дочь идетъ на фабрику. Плата будетъ 10 долларовъ въ недѣлю, а когда выучится—тогда плата будетъ и 12 долларовъ въ недѣлю. Ну, что вы скажете на это? Вѣдь это 24 рубля въ недѣлю,—хорошія деньги?

— Очень хорошія деньги, — подтвердилъ Матвѣй. Такія деньги у насъ платятъ работнику отъ Покрова до Пасхи... Правда, на хозяйскихъ харчахъ.

— Ну, вотъ. Она пошла на фабрику къ мистеру Бэркли. А мистеръ Бэркли говоритъ: „хорошо. Еврейки работаютъ не хуже другихъ. Я могу принимать еврейку. Но только я не могу, чтобы у меня станокъ стоялъ пустой въ субботу. Это не платитъ. Ты должна ходить и въ субботу...“

— Ну?

— Ну... Я сказалъ: лучше я буду помирать или выйду на улицу продавать спички, а не позволю дочери ломать святую субботу. Хорошо. А въ это время пріѣхалъ къ намъ мистеръ Мозесъ. Вы не знаете, разумѣется, кто такой мистеръ Мозесъ. Это одинъ еврей изъ Луисвилля. У него умъ, какъ огонь, а языкъ, какъ молотъ. Ну, онъ перековалъ всѣхъ своихъ евреевъ въ Луисвиллѣ и поѣхалъ въ другіе города. Собрались мы въ синагогу слушать этого Мозеса, а онъ и говоритъ: „Слышалъ я, что многіе изъ васъ терпятъ нужду и умираютъ, а не хотятъ ломать субботу“. Мы говоримъ: ну, это и правда. Суббота святая! Суббота царица, свѣтъ Израиля! А онъ говоритъ: „вы похожи на человѣка, который собрался ѣхать, сѣлъ на осла задомъ напередъ и держится за хвостъ. Вы смотрите назадъ, а не впередъ, и потому всѣ попадете въ яму. Но если бы вы хорошо смотрѣли назадъ, то и тогда вы бы могли догадаться, куда вамъ ѣхать. Потому что, когда сыновъ Израиля стали избивать язычники, а было

это дѣло при Маккавеяхъ, то ваши отцы погибали, какъ овцы, потому что не брали меча въ субботу. Ну, что тогда сказалъ Господь? Господь сказалъ: если такъ будетъ дальше, то изъ-за субботы всѣхъ моихъ людей перерѣжутъ, какъ стадо, и некому будетъ праздновать самую субботу... пусть ужъ лучше берутъ мечъ въ субботу, чтобы у меня остались мои люди. Теперь подумайте сами: если можно брать мечъ, чтобы убивать людей въ субботу, то отчего не взять въ руки станокъ, чтобы вамъ не помирать съ голоду въ чужой сторонѣ"? А! Я же вамъ говорю: это очень умный человѣкъ, этотъ Мозесъ.

Матвѣй посмотрѣлъ на еврея, у котораго странно сверкали глаза, и сказалъ:

— Видно, и тебя начинаетъ тянуть туда же. А я тебя считалъ почтеннымъ человѣкомъ.

— Ну,—отвѣтилъ Боркъ, вздохнувъ,—мы старики, всетаки держимся, а молодежь... А! что тутъ толковать. Вотъ и моя дочь пришла ко мнѣ и говоритъ: „какъ хочешь, отецъ, незачѣмъ намъ пропадать. Я пойду на фабрику въ субботу. Пусть наша суббота будетъ въ воскресеніе".

Боркъ взялъ свою бороду обѣими руками, посмотрѣлъ на Матвѣя долгимъ взглядомъ и сказалъ:

— Вы еще не знаете, какая это сторона Америка! Вотъ вы посмотрите сами, какъ это вамъ понравится. Мистеръ Мозесъ сдѣлалъ изъ своей синагоги настоящую конгрегешенъ, какъ у американцевъ. И знаете, что онъ дѣлаетъ? Онъ вѣнчаетъ христіанъ съ еврейками, а евреекъ съ христіанами!

— Послушай, Берко, — сказалъ Матвѣй, начиная сердиться.—Ты, кажется, шутишь надо мной.

Но Боркъ смотрѣлъ на него все такъ же серьезно, и по его печальнымъ глазамъ Матвѣй понялъ, что онъ не шутитъ.

— Да,—сказалъ онъ, вздохнувъ.—Вотъ вы увидите сами. Вы еще молодой человѣкъ,—прибавилъ онъ загадочно...—Ну, а наши молодые люди уже всѣ реформаторы, или, еще хуже — эпикурейцы... Джонъ, Джонъ! А поди сюда на минуту!—крикнулъ онъ сыну.

Смѣхъ и разговоры въ сосѣдней комнатѣ стихли, и молодой Джонъ вышелъ, играя своей цѣпочкой. Роза съ любопытствомъ выглянула изъ-за дверей.

— Послушай, Джонъ,—сказалъ ему Боркъ. — Вотъ господинъ Лозинскій осуждаетъ васъ, зачѣмъ вы не исполняете вѣру отцовъ.

Джонъ, которому, видно, не очень любопытно было разговаривать объ этомъ,—поигралъ цѣпочкой и сказалъ:

— А развѣ господинъ тоже еврей?

Матвѣй выпрямился. У себя онъ бы, можетъ быть, поучилъ этого молокососа за такое обидное слово, но теперь онъ только отвѣтилъ:

— Я христіанинъ, и дѣды, и отцы были христіане— греко-уніаты...

— Оль райтъ!—сказалъ молодой Джонъ. — А какъ вы мнѣ скажете: можно-ли спастись еврею?

Матвѣй подумалъ и сказалъ, немного смутившись:

— По совѣсти тебѣ, молодой человѣкъ, скажу: не думаю...

— Уэллъ! Такъ зачѣмъ вы хотите, чтобы я держался такой вѣры, въ которой моя душа должна непремѣнно пропасть...

И видя, что Матвѣй долго не соберется отвѣтить,— онъ повернулся и опять ушелъ къ сестрѣ.

— А ну! Что вы скажете?—спросилъ Боркъ, глядя на лозищанина острымъ взглядомъ.—Вотъ какъ они тутъ умѣютъ разсуждать. Повѣрите вы мнѣ, на каждое ваше слово онъ вамъ сейчасъ вотъ такъ отвѣтитъ, что у васъ языкъ присохнетъ. По нашему лучшая вѣра та, въ которой человѣкъ родился,—вѣра отцовъ и дѣдовъ. Такъ мы думаемъ, глупые старики.

— Разумѣется,—отвѣтилъ Матвѣй, обрадовавшись.

— Ну, а знаете, что онъ вамъ скажетъ на это?

— Ну?

— Ну, онъ говоритъ такъ: значитъ будетъ на свѣтѣ много самыхъ лучшихъ вѣръ, потому что ваши дѣды вѣрили по вашему... Такъ? Ага! А наши дѣды—по нашему. Ну, что же дальше? А дальше будетъ вотъ что: лучшая вѣра такая, какую человѣкъ выберетъ по своей мысли... Вотъ какъ они говорятъ, молодые люди...

— А чтобъ имъ провалиться,—сказалъ Матвѣй.— Да это значитъ, сколько головъ, столько вѣръ.

— А что вы думаете,—тутъ ихъ развѣ мало? Тутъ что ни улица, то своя конгрегешенъ. Вотъ нарочно подите въ воскресенье въ Бруклинъ, такъ даже можете не мало посмѣяться...

— Посмѣяться? Въ церкви?

— Ну, они и молятся, и смѣются, и говорятъ о сво-

ихъ дѣлахъ, и опять молятся... Я вамъ говорю,—Америка такая сторона... Вотъ увидите сами...

И долго еще эти два человѣка: старый еврей и молодой лозищанинъ сидѣли вечеромъ и говорили о томъ, какъ вѣрятъ въ Америкѣ. А въ сосѣдней комнатѣ молодые люди все болтали и смѣялись, а за стѣной глухо гремѣлъ огромный городъ...

X.

Городъ гремѣлъ, а Лозинскій, помолившись Богу и рано ложась на ночь, закрывалъ уши, чтобы не слышать этого страшнаго, тяжелаго грохота. Онъ старался забыть о немъ и думать о томъ, что будетъ, когда они разыщутъ Осипа и устроятся съ нимъ въ деревнѣ...

Въ той самой деревнѣ, которая померещилась имъ еще въ Лозищахъ, изъ-за которой Лозищи показались имъ бѣдны и скучны, изъ-за которой они проѣхали моря и земли, которая виднѣлась имъ изъ-за дали океана, въ туманныхъ мечтахъ, какъ земля обѣтованная, какъ вторая родина, которая должна быть такая же дорогая, какъ и старая родина.

Такая же, какъ и старая, только гораздо лучше...

Такіе же люди, только добрѣе. Такіе же мужики, въ такихъ же свиткахъ, только мужики похожи на старыхъ лозищанъ, еще не забывшихъ о своихъ старыхъ правахъ, а свитки тоньше и чище, только дѣти здоровѣе и всѣ обучены въ школѣ, только земли

больше, и земля родитъ не по нашему; только лошади крѣпче и сытнѣе, только плуги берутъ шире и глубже, только коровы даютъ по ведру на удой...

И такія же села, только побольше, да улицы шире и чище, да избы просторнѣе и свѣтлѣе, и крыты не соломою, а тесомъ... а можетъ быть, и соломой,—только новой и свѣжей... И должно быть, около каждаго дома—садикъ, а на краю села у выѣзда корчма, съ привѣтливымъ американскимъ жидомъ, гдѣ по вечерамъ гудитъ басъ, тонко подпѣваетъ скрипка и слышенъ въ весенніе теплые вечера топотъ и пѣсни до ранней зари,—какъ было когда-то въ старые годы въ Лозищахъ. А посерединѣ села школа, а недалеко отъ школы—церковка, можетъ быть, даже уніатская.

А въ селѣ такія же дѣвушки и молодицы, какъ вотъ эта Анна, только одѣты чище, и лица у нихъ не такія запуганныя, какъ у Анны, и глаза смѣются, а не плачутъ.

Все такое же, только лучше. И конечно, такіе же начальники въ селѣ, и такой же писарь, только и писарь больше боится Бога и высшаго начальства. Потому что и господа въ этихъ мѣстахъ должны быть добрѣе и все только думаютъ и смотрятъ, чтобы простому человѣку жилось въ деревнѣ, какъ можно лучше...

Съ этими мыслями лозищанинъ засыпалъ, стараясь не слышать, что кругомъ стоитъ шумъ, глухой, непрерывный, глубокій. Какъ вѣтеръ по лѣсу, пронесся опять подъ окнами ночной поѣздъ, и окна тихо прозвенѣли

и смолкли,—а Лозинскому казалось, что это опять гудитъ океанъ за бортомъ парохода... И когда онъ прижимался къ подушкѣ, то опять что-то стукало, ворочалось, громыхало подъ ухомъ... Это потому, что надъ землей и въ землѣ стучали безъ отдыха машины, вертѣлись чугунныя колеса, бѣжали канаты...

И вотъ, ночью Матвѣю приснилось, что кто-то стоитъ надъ нимъ огромный, безъ лица и не похожій совсѣмъ на человѣка, стоитъ и кричитъ, совсѣмъ такъ, какъ еще недавно кричалъ въ его ушахъ океанъ подъ ночнымъ вѣтромъ:

— Глупые люди, бѣдные, темные люди. Нѣтъ такой деревни на свѣтѣ, и нѣтъ такихъ мужиковъ, и господъ такихъ нѣту, и нѣтъ такихъ писарей. И поле здѣсь не такое, и не то здѣсь въ полѣ родится, и люди иные. И нѣтъ уже тебя, Матвѣя Оглобли, и нѣтъ твоего пріятеля Дымы, и нѣту Анны!.. Прежній Матвѣй уже умеръ, и умеръ Дыма, и умерла ваша прежняя вѣра, и сердце у васъ станетъ другое, и иная душа, и чужая молитва... И если-бы встала твоя мать изъ заброшенной могилы, на тихомъ кладбищѣ подъ лозищанскимъ лѣсомъ,—то здѣсь въ дѣтяхъ твоихъ она не признала бы своихъ внуковъ... Потому что они не будутъ похожи ни на отца, ни на тебя, ни на дѣдовъ и прадѣдовъ... А будутъ американцы...

Матвѣй проснулся весь въ поту и сѣлъ на своей постели.

Онъ протиралъ глаза и не могъ вспомнить, гдѣ онъ. Въ комнатѣ было темно, но кто-то ходилъ, кто-то то-

палъ, кто-то сопѣлъ и кто-то стоялъ надъ самой его постелью.

Потомъ вдругъ комната освѣтилась, потому что кто-то зажегъ газовый рожокъ сѣрною спичкой. Комната освѣтилась, а Матвѣй все еще сидѣлъ и ничего не понималъ, и говорилъ съ испугомъ:

— Всякое дыханіе да хвалитъ Господа.

— Ну, что еще?.. Чего ты это испугался?—сказалъ кто-то знакомымъ голосомъ. Голосъ былъ какъ будто Дымы, но что-то еще было въ немъ странное и чужое. И человѣкъ, стоявшій надъ кроватью Матвѣя, былъ тоже Дыма, но какъ будто какой-то другой, на Дыму не похожій... Матвѣй думалъ, что это все еще сонъ, и сталъ протирать кулаками глаза... Когда онъ открылъ ихъ, въ комнатѣ было еще свѣтлѣе, и по ней двигались люди, только что вернувшіеся цѣлой гурьбой... Странные люди, чужіе люди, люди непонятные и незнакомые, люди неизвѣстнаго званія, люди съ такими лицами, по которымъ нельзя было опредѣлить, добрые они или злые, нравятся ли они человѣку или не нравятся... Они нахлынули въ комнату, точно толпа странныхъ привидѣній, которыя человѣку видятся порой только во снѣ—и тихо, безъ шума занимали свои мѣста. И Матвѣй долго еще не могъ сообразить, кто это, откуда, что здѣсь дѣлаютъ, и что онъ самъ дѣлаетъ среди нихъ...

А потомъ вспомнилъ: да, вѣдь это американцы. Тѣ, что летаютъ по воздуху, что смѣются въ церквахъ, что женятся у раввиновъ на еврейкахъ, что выбираютъ

себѣ вѣру, кто какъ захочетъ... Тѣ, что берутъ себѣ всего человѣка, и тогда у него мѣняется даже вѣра...

А тотъ, что стоялъ надъ самой постелью,—неужели это Дыма? Да, это и былъ Дыма, но только опять такой, какъ будто онъ приснился во снѣ. Онъ очень торопился раздѣваться и отворачивалъ лицо. Однако, отъ Матвѣя не ускользнуло, что этотъ Дыма скидаетъ съ себя совсѣмъ не свою одежду. На немъ не было ни бѣлой свитки, ни краснаго пояса, купленнаго передъ самымъ отъѣздомъ въ мѣстечкѣ, ни высокихъ смазныхъ сапогъ, ни широкихъ шароваръ изъ коричневой коломянки. Вмѣсто всего этого, онъ теперь старался поскорѣе вылѣзти изъ какой-то нѣмецкой кургузой куртки, не закрывавшей даже какъ слѣдуетъ того, что должно быть закрыто хорошей одеждой, шею его подпиралъ высокій воротникъ крахмальной рубашки, а ноги нельзя было высвободить изъ узкихъ штановъ... Когда же онъ, наконецъ, раздѣлся и полѣзъ къ Матвѣю подъ одно одѣяло,—то Матвѣй даже отшатнулся, до такой степени самое лицо Дымы стало чужое. Волосы его были коротко острижены и торчали вихромъ на лбу, усы подстрижены надъ губой, а отъ бороды осталась только узкая американская лопатка.

— Побойся ты Бога, Дыма,—сказалъ Матвѣй, вглядѣвшись.—На кого ты похожъ, и что это ты надъ собой сдѣлалъ?

Дыма, повидимому, чувствовалъ себя такъ, какъ человѣкъ, который вышелъ на базаръ, забывши на-

дѣть штаны... Онъ какъ-то все отворачивалъ лицо, закрывалъ ротъ рукою и говорилъ какимъ-то виноватымъ и слащавымъ голосомъ:

— Да вотъ, какъ меня видишь... Зашелъ съ проклятымъ ирландцемъ въ цырюльню, чтобы меня немного остригли. Повѣрь совѣсти, Матвѣй, я хотѣлъ чуть-чуть... А вышло вотъ что. Посадили меня въ кресло. Кресло, знаешь, такое хорошее, а только какъ сѣлъ въ него—и кончено. Ноги сейчасъ схватило чѣмъ-то и кинуло кверху, голову отвалило назадъ: ей-Богу, какъ баранъ на бойнѣ... Вижу, дѣлаетъ нѣмецъ не такъ, какъ надо, а двинуться не могу. Посмотрѣлъ потомъ на себя въ зеркало,—не я, да и только. „Что ты, говорю, собачій сынъ, надъ человѣкомъ сдѣлалъ"? А они оба довольны, хлопаютъ меня по плечу: „Уэлъ, уэлъ, верри уэлъ"!

Дыма тихонько полѣзъ подъ одѣяло, стараясь улечься на краю постели. Однако, когда въ комнатѣ погасили огонь и послѣдній изъ американцевъ улегся, онъ сначала все еще лицемѣрно вздохнулъ, потомъ поправился на своемъ мѣстѣ, улегся поудобнѣе и, наконецъ, сказалъ:

— Ну, а всетаки, признайся, Матвѣй... Всетаки этакъ человѣкъ какъ-то больше похожъ на американца.

— А зачѣмъ тебѣ непремѣнно походить на американца?—сказалъ Матвѣй холодно...

— И знаешь,—живо продолжалъ Дыма, не слушая,—когда я, вдобавокъ, вымѣнялъ у еврея на базарѣ эту одежу... съ небольшой, правда, придачей... то уже на

улицѣ подошелъ ко мнѣ какой-то господинъ и заговорилъ по англійски...

— Ахъ Иванъ, Иванъ!—сказалъ Матвѣй съ такой горечью, что Дыму что-то какъ-бы укололо, и онъ заворочался на мѣстѣ.—Правду, видно, говоритъ этотъ Берко: ты уже скоро забудешь и свою вѣру...

— Иные люди,—заворчалъ Дыма, отворачиваясь,—такъ упрямы, какъ лозищанскій волъ... Имъ лучше, чтобы въ нихъ кидали на улицѣ корками...

— Вотъ ты уже ругаешься Лозищами, въ которыхъ родился,—сказалъ Матвѣй и замолчалъ. Дыма еще поворчалъ, поворочался, повздыхалъ и затѣмъ заговорилъ тихо, немного заискивающимъ голосомъ:

— Охота тебѣ слушать Берка. Вотъ онъ облаялъ этого ирландца... И совсѣмъ напрасно... Знаешь, я таки разузналъ, что это такое Тамани-холлъ и какъ продаютъ свой голосъ... Дѣло совсѣмъ простое... Видишь-ли... Они тутъ себѣ выбираютъ голову, судей и прочихъ тамъ чиновниковъ... Одни подаютъ голоса за однихъ, другіе за другихъ... Ну, понимаешь, всякому хочется попасть повыше... Вотъ они и платятъ, только, говоритъ, подай голосъ за меня... Кто соберетъ десять голосовъ, кто двадцать... Ты, Матвѣй, слушаешь меня?

И, хотя Матвѣй ничего не отвѣтилъ, онъ продолжалъ:

— И по моему это таки справедливо: хочешь себѣ,—дай же и людямъ... И знаешь еще что?..

Тутъ Дыма понизилъ голосъ до шопота и повернулся совсѣмъ къ Матвѣю:

— Они говорятъ—этотъ ирландецъ, и еврей, у котораго я покупалъ одежу,—что и намъ-бы можно... Конечно, голоса не совсѣмъ настоящіе, но тоже чего-нибудь стоятъ...

Матвѣй хотѣлъ отвѣтить что-то очень внушительное, но въ это время съ одной изъ кроватей послышался сердитый окрикъ какого-то американца. Дыма разобралъ только одно слово devil, но и изъ него понялъ, что ихъ обоихъ посылаютъ къ дьяволу за то, что они мѣшаютъ спать... Онъ скорчился и юркнулъ подъ одѣяло.

А наверху, въ маленькой комнаткѣ спали вмѣстѣ Роза и Анна. Когда имъ пришлось ложиться,—Роза посмотрѣла на Аннушку и спросила:

— Вамъ, можетъ быть, непріятно будетъ спать на одной постели съ еврейкой?

Анна покраснѣла и сконфузилась.

Она собиралась молиться, вынула свой образокъ и только-что хотѣла приладить его гдѣ-нибудь въ уголку, какъ слова Розы напомнили ей, что она—въ еврейскомъ помѣщеніи. Она стояла въ нерѣшительности, съ образкомъ въ рукахъ. Роза все смотрѣла на нее и потомъ сказала:

— Вы хотите молиться и... я вамъ мѣшаю... Я сейчасъ уйду?

Анна сконфузилась. Она дѣйствительно думала, хорошо-ли молиться Богу въ присутствіи еврейки, и позволитъ-ли еврейка молиться по-христіански въ своей комнатѣ.

— Нѣтъ,—отвѣтила она.—Только... я думала,—не будетъ-ли вамъ непріятно?

— Молитесь,—просто сказала Роза и стала оправлять постель.

Аннушка прочитала свои молитвы, и обѣ дѣвушки стали раздѣваться. Потомъ Роза завернула газовый рожокъ, и свѣтъ погасъ. Черезъ нѣкоторое время въ темнотѣ обозначилось окно, а за окномъ высоко, надъ продолжающимъ гудѣть огромнымъ городомъ, стояла небольшая, блѣдная луна.

— О чемъ вы думаете?—спросила Роза лежащую съ ней рядомъ Анну.

— Я думаю... видятъ-ли теперь этотъ самый мѣсяцъ въ нашемъ городишкѣ.

— Нѣтъ, не видятъ,—отвѣтила Роза,—у насъ теперь день... А какой вашъ городъ?

— Нашъ городъ—Дубно...

— Дубно?—живо подхватила Роза.—Мы тоже жили въ Дубнѣ... А зачѣмъ вы оттуда уѣхали?

— Два брата уѣхали раньше... Я жила съ отцомъ и младшимъ братомъ. А послѣ брата... услали.

— Что онъ сдѣлалъ?

— Онъ... вы не думайте... Онъ не воръ и не что-нибудь... только...

Она замялась. Она не хотѣла сказать, что, когда разбивали еврейскіе дома, онъ разбивалъ тоже и послѣ стали драться съ войсками... Она думала, что лучше не говорить этого, и замолчала.

— Что-жъ,—сказала Роза,—со всякимъ можетъ слу-

читься несчастіе. Мы жили спокойно и тоже не думали ѣхать такъ далеко. А потомъ... вы, можетъ быть, знаете... когда стали громить евреевъ... Ну, что людямъ нужно?.. У насъ все разбили, и... моя мать...

Голосъ Розы задрожалъ.

— Она была слабая... и они ее очень испугали... и она умерла...

Анна подумала, что она хорошо сдѣлала, не сказавъ Розѣ всего о братѣ... У нея какъ-то странно сжалось сердце... И еще долго она лежала молча, и ей казались странными и этотъ глухо гудящій городъ, и люди, и то, что она лежитъ на одной постели съ еврейкой, и то, что она молилась въ еврейской комнатѣ, и что эта еврейка кажется ей совсѣмъ не такой, какой представлялась бы тамъ, на родинѣ...

Начинало уже свѣтать, когда, наконецъ, обѣ дѣвушки заснули крѣпкимъ молодымъ сномъ. А въ это самое время Матвѣй, приподнявшись на своей постели, послѣ легкаго забытья,—все старался припомнить, гдѣ онъ и что съ нимъ случилось. Ненадолго притихшій было городъ начиналъ просыпаться за стѣной. Быстрѣе ворочались колеса на какой-то близкой станціи и уже пронесся поѣздъ, шумя, какъ вѣтеръ въ бору передъ дождливымъ утромъ. Рядомъ на другой подушкѣ лежала голова Дымы, но Матвѣй съ трудомъ узнавалъ своего пріятеля. Лицо Дымы было красно, потому что его сильно подпиралъ тугой воротникъ не снятой на ночь крахмальной сорочки. Прежніе его казацкіе длинные усы были подстрижены, и одинъ еще держался

кверху тонко нафабреннымъ кончикомъ. Вообще,—при видѣ этого, почти чужого лица Матвѣю стало какъ-то обидно... Ему казалось, что Дыма становится чужимъ...

XI.

И дѣйствительно, съ слѣдующаго утра стало замѣтно, что у Ивана Дымы началъ портиться характеръ...

Когда онъ проснулся, то прежде всего, наскоро одѣвшись, подошелъ къ зеркалу и сталъ опять закручивать усы кверху, что дѣлало его совсѣмъ не похожимъ на прежняго Дыму. Потомъ, едва поздоровавшись съ Матвѣемъ, подошелъ къ ирландцу Падди и сталъ разговаривать съ нимъ, видимо гордясь его знакомствомъ и какъ будто даже щеголяя передъ Матвѣемъ своими развязными манерами. Матвѣю казалось, однако, что остальные американцы глядятъ на Дыму съ улыбкой.

Компанія жильцовъ мистера Борка была довольно разнообразна. Были тутъ и нѣмцы, и итальянецъ, и два-три англичанина, и нѣсколько ирландцевъ. Часть этихъ людей казалась Матвѣю солидными и серьезными. Они вставали утромъ, умывались въ ванной комнатѣ, мало разговаривали, пили въ сосѣдней комнатѣ кофе, которое подавали имъ Роза съ Анной, и потомъ уходили на работу или на поиски работы. Но была тутъ и кучка людей, которые оставались на цѣлые дни, курили, жевали табакъ и страшно плевались, стараясь попадать въ каминъ, иной разъ черезъ головы сосѣдей. У нихъ не было опредѣленныхъ часовъ работы. Иной разъ они

уходили куда-то гурьбой, и тогда звали съ собой и Дыму... Въ разговорахъ часто слышалось слово Тамани-холлъ... Дѣла этой компаніи, повидимому, шли въ это время хорошо. Возвращаясь изъ своихъ похожденій въ помѣщеніе Борка—они часто громко хохотали... И Дыма хохоталъ съ ними, что Матвѣю казалось очень противно.

Такъ прошло еще два-три дня.

Характеръ Дымы портился все больше. Правда, онъ сдѣлалъ большіе, даже удивительные успѣхи въ языкѣ. За двѣ недѣли на морѣ и за нѣсколько дней у Борка онъ уже говорилъ цѣлыя фразы, могъ спросить дорогу, могъ поторговаться въ лавкѣ и при помощи рукъ и разныхъ движеній—разговаривалъ съ Падди такъ, что тотъ его понималъ и передавалъ другимъ его слова... Это, конечно, не заслуживало еще осужденія. Но Матвѣя огорчало и даже сердило, что Дыма не просто говоритъ, а какъ будто гримасничаетъ и передразниваетъ кого-то: вытягиваетъ нижнюю губу, жуетъ, шипитъ, картавитъ... „Взялъ бы хоть примѣръ съ жида,—думалъ про него Матвѣй.—Онъ тоже говоритъ съ американцами на ихъ языкѣ, но,—какъ степенный и серьезный человѣкъ“. А Дыма уже и „мистеръ Боркъ“ произноситъ какъ-то особенно картаво,—мисте'гъ Бег'къ. А иной разъ, забывшись, онъ уже и Матвѣя начиналъ называть мистеръ Мэтью... Въ такихъ случаяхъ, Матвѣй смотрѣлъ на него долгимъ укоризненнымъ взглядомъ—и онъ немного смущался.

Въ одинъ день, послѣ того, какъ Падди долго го-

ворилъ что-то Дымѣ, указывая глазами на Матвѣя,— они оба ушли куда-то, вѣроятно, къ еврею лавочнику, который въ трудныхъ случаяхъ служилъ имъ переводчикомъ. Вернувшись, Дыма подошелъ къ Матвѣю и сказалъ:

— Послушай, Матвѣй, что я тебѣ скажу. Сидимъ мы здѣсь оба безъ дѣла и только тратимъ послѣднія деньги. А между тѣмъ, можно бы дѣйствительно кое-что заработать.

Матвѣй поднялъ глаза и, ничего не говоря, ожидалъ, что Дыма скажетъ дальше.

— Вотъ видишь ли... Тутъ эти вотъ шестеро—агенты или, по нашему, факторы Тамани-холла... Это, видишь ли, такая, скажемъ, себѣ компанія... Скоро выборы. И они хотятъ выбрать въ мэры надъ городомъ своего человѣка... И всѣхъ тогда назначатъ тоже своихъ... Ну, и тогда уже дѣлаютъ въ городѣ что хотятъ...

— Ну, такъ что же?—спросилъ Матвѣй.

— Такъ вотъ они собираютъ голоса. Они говорятъ, что, если бы оба наши голоса, то они и дали бы больше, чѣмъ за одинъ мой... А намъ что это стоитъ?.. Нужно только тутъ въ одномъ мѣстѣ записаться и не говорить, что мы недавно пріѣхали. А потомъ... Ну, они все сдѣлаютъ и укажутъ...

Матвѣй вспомнилъ, что разъ уже Дыма заговаривалъ объ этомъ; вспомнилъ также и серьезное лицо Борка, и презрительное выраженіе его печальныхъ глазъ, когда онъ говорилъ о профессіи Падди. Изъ

всего этого въ душѣ Матвѣя сложилось рѣшеніе, а въ своихъ рѣшеніяхъ онъ былъ упрямъ, какъ быкъ. Поэтому онъ отказался наотрѣзъ.

— Но отчего же ты не хочешь? Скажи!—спросилъ Дыма съ неудовольствіемъ.

— Не хочу,—упрямо отвѣтилъ Матвѣй. — Голосъ данъ человѣку не для того, чтобы его продавать.

— Э, глупости!—сказалъ Дыма.—Вѣдь не останешься же ты послѣ этого безъ голоса. Даже не охрипнешь. Если люди покупаютъ, такъ отчего не продать? Все-таки не убыль въ кошелѣ, а прибыль...

— А помнишь, какъ когда-то экономъ уговаривалъ насъ, чтобы мы подписали его бумагу. Что бы тогда вышло?

— Гм... да...—пробормоталъ Дыма, немного растерявшись.—Потеряли бы всю чиншевую землю! Такъ вѣдь тамъ было что терять. А тутъ... что намъ за дѣло? Даютъ, чортъ ихъ бей, деньги, и кончено.

Матвѣй не нашелъ, что отвѣтить, но онъ былъ человѣкъ упрямый.

— Не пойду,—сказалъ онъ,—и если хочешь меня послушать,—то и тебѣ не совѣтую. Не связывайся ты съ этимъ лодыремъ.

И Матвѣй безъ церемоніи ткнулъ пальцемъ по направленію къ Падди, который внимательно слѣдилъ за разговоромъ и, увидя, что Матвѣй указываетъ на него, весело закивалъ головой. Дыма, конечно, тоже не послушался. — Ну, что-жъ,—сказалъ онъ,—когда ты такой, то заработаю одинъ. Все-таки хоть что-нибудь...

И въ тотъ же день онъ сообщилъ, что его уже записали...

XII.

Письма все не было, а дни шли за днями. Матвѣй больше сидѣлъ дома, ожидая, когда, наконецъ, онъ попадетъ въ американскую деревню, а Дыма часто уходилъ и, возвращаясь, разсказывалъ Матвѣю что-нибудь новое.

— Сегодня Падди сводилъ меня на кулачную драку,—сказалъ онъ однажды.—Ты, Матвѣй, и представить себѣ не можешь, какъ этотъ народъ любитъ драться. Какъ только двое заспорятъ, то сейчасъ остальные станутъ въ кругъ,—кто съ трубкой, кто съ сигарой, кто съ жвачкой, и смотрятъ. А тѣ сейчасъ куртки долой, засучатъ рукава, отставятъ одну ногу назадъ, завертятъ-завертятъ руками и—хлопъ! Кто половчѣе, глядишь, и засвѣтилъ другому фонарь... И при томъ, больше всего любятъ бить по лицу, въ носъ, или, если ужъ не удастся—въ ухо. А въ темя или подъ сердце—Боже упаси! Но дерутся, замѣть, не сердито и, какъ только одинъ полетитъ пятками кверху, такъ его сейчасъ поднимутъ, обмоютъ лицо и опять сядутъ вмѣстѣ за игру или тамъ за кружки, какъ будто бы ничего и не случилось. И начнутъ говорить, кто какъ ударилъ, и какъ бы можно ударить еще лучше.

— Ну, это правда,—подтвердилъ Боркъ, слышавшій разсказъ Дымы.—Во всей Америкѣ боксъ очень любятъ. А если еще, вдобавокъ, выищутся какіе-нибудь

необыкновенные силачи, то ѣздятъ изъ города въ городъ и тузятъ другъ друга на людяхъ за хорошія деньги. И знаете что: въ это время за ними ѣздятъ газетчики и все записываютъ. И даже посылаютъ телеграммы: „въ два часа 15 минутъ 4 секунды Джонъ подбилъ Джеку правый глазъ, вотъ такимъ способомъ, а черезъ 3 секунды Джекъ свалилъ Джона съ ногъ такъ-то“. И тогда въ разныхъ городахъ люди ждутъ газетъ или сидятъ въ ресторанахъ, а имъ читаютъ извѣстія. И они спорятъ: какъ бы можно ударить Джона или Джека еще лучше... И что вы думаете: проигрываютъ на этомъ большія деньги.

— Лодыри!—сказалъ на это Матвѣй...

Въ одинъ день Дыма пришелъ подъ вечеръ и сказалъ, что сегодня они таки выбрали новаго мэра и именно того, кого хотѣлось Тамани-холлу.

— Жарко было, о вэллъ!—сказалъ онъ хвастливо.— А всетаки наша взяла... И знаешь: Падди мнѣ говоритъ, что много помогли наши „ненастоящіе голоса“.

Въ этотъ день Падди и его компанія были особенно веселы и шумны. Они ходили по кабачкамъ, много пили и угощали Дыму. Дыма вернулся съ ними красный, говорилъ громко, держался особенно развязно. Матвѣй сидѣлъ на своей постели, около газоваго рожка и, пристроивъ небольшой столикъ, читалъ библію, стараясь не обращать вниманія на поведеніе Дымы.

Однако, черезъ нѣсколько минутъ, Дыма подошелъ къ нему и, положивъ ему руку на плечо, наклонился

къ его лицу такъ близко, что отъ него запахло даже виномъ.

— Слушай, Матвѣй, — сказалъ онъ какимъ-то заискивающимъ голосомъ. — Вотъ видишь, что я тебѣ хочу сказать. Они... хотѣли бы угостить тебя.

— Спасибо, я не хочу, — отвѣтилъ Матвѣй, не отрываясь отъ книги.

— И видишь, что еще... Пожалуйста, не прими тамъ какъ-нибудь... того... въ дурную сторону. У всякаго народа свой обычай, и въ чужой монастырь, какъ говорится, не ходятъ со своимъ уставомъ.

— Къ чему ты это ведешь? — спросилъ Матвѣй строго.

— А къ тому, что этотъ Падди хочетъ съ тобой драться...

Матвѣй даже разинулъ ротъ отъ удивленія, и два пріятеля съ полъ-минуты молча глядѣли другъ на друга. Потомъ Дыма отвелъ глаза и сказалъ:

— Когда уже у нихъ здѣсь такой обычай...

— Послушай, Дыма, — сказалъ Матвѣй серьезно.— Почему ты думаешь, что ихъ обычай непремѣнно хорошъ? А по моему, у нихъ много такихъ обычаевъ, которыхъ лучше не перенимать крещеному человѣку. Это говорю тебѣ я, Матвѣй Лозинскій, для твоей пользы. Вотъ ты уже перемѣнилъ себѣ лицо, а потомъ застыдишься и своей вѣры. И когда придешь на тотъ свѣтъ, то и родная мать не узнаетъ, что ты былъ лозищанинъ.

— Э! — отвѣтилъ Дыма съ неудовольствіемъ. — Гдѣ

Крымъ, гдѣ Римъ, а гдѣ панская корчма. Съ какой стати ты приплелъ сюда мою покойницу мать? Мнѣ говорятъ: скажи, я и сказалъ. А ты какъ себѣ хочешь.

— Ну, такъ и я говорю: скажи ты своимъ пріятелямъ: пусть не просятъ своего Бога, чтобы я сталъ съ ними драться...

— Ну, вотъ видишь,—обрадовался Дыма.—Я имъ какъ разъ говорилъ, что ты у насъ самый сильный человѣкъ не только въ Лозищахъ, но и во всемъ уѣздѣ. А они говорятъ: ты не знаешь правильнаго боя.

Дыма отошелъ къ ирландцамъ, а Матвѣй опять обратился къ старой библіи и погрузился въ чтеніе.

Онъ сталъ читать, шевеля губами, о томъ, какъ двое молодыхъ людей пришли въ Содомъ къ Лоту, и какъ жители города захотѣли взять ихъ къ себѣ. Потомъ онъ поднялъ голову и началъ думать. Онъ думалъ о томъ, что вотъ они съ Дымой какъ разъ такіе молодые люди въ этомъ городѣ. Только у Дымы сразу сталъ портиться характеръ, и онъ самъ пошелъ къ жителямъ города...

Пока онъ размышлялъ такимъ образомъ, кто-то вдругъ погасилъ рожокъ, около котораго онъ сидѣлъ. Матвѣй оглянулся. За нимъ, недалеко, сидѣлъ мистеръ Падди, ирландецъ, пріятель Дымы, — и невинно улыбался.

Матвѣй досталъ спичку, зажегъ рожокъ и опять принялся за книгу. Однако, догадавшись, что Падди на этомъ не кончитъ,—онъ тотчасъ оглянулся. Падди

стоялъ сзади и уже вытянулъ ротъ, чтобы дунуть на огонь изъ-за плеча Матвѣя.

Матвѣй не очень сильно двинулъ локтемъ—и Падди упалъ на постель.

— All right (хорошо),—сказалъ онъ, подымаясь и скидая куртку.

— Wery well (отлично), — сказали его товарищи, отодвигая стулья и подходя къ тому мѣсту.

— Аль райтъ,—повторилъ за другими и Дыма какъ-то радостно.—Теперь выходи, Матвѣй, на середину, и, главное, защищай лицо. Онъ будетъ бить по носу и въ губы. Я знаю его манеру...

Но Матвѣй, какъ ни въ чемъ не бывало, сѣлъ опять и раскрылъ свою книгу.

Ирландцы были озадачены. Однако, такъ какъ у нихъ на все есть свои правила, то вскорѣ Падди сталъ подходить къ Матвѣю, присѣдая и вертя кулаками, точно мельницей.

— Ну, дѣлать нечего,—подумалъ Матвѣй,—если уже ты самъ этого хочешь.

И не успѣлъ еще Падди изловчиться, какъ уже сильный лозищанинъ всталъ во весь ростъ, какъ медвѣдь на охотника, поднялъ надъ головой Падди обѣ руки, потомъ сгребъ его за густые, хотя и не длинные волосы, нагнулъ и, зажавъ голову колѣнями, нѣсколько разъ шлепнулъ очень громко по мягкому мѣсту.

Все это случилось такъ быстро, что никто не успѣлъ и оглянуться. А когда Падди поднялся, озираясь кру-

гомъ, точно новорожденный младенецъ, который не знаетъ, что съ нимъ было до этой минуты,—то всѣ невольно покатились со смѣху.

На нѣсколько минутъ большая комната мистера Борка оглашалась только хохотомъ на разные лады и разными голосами. Даже длинный американецъ, съ сухимъ лицомъ и рыжей бородой въ видѣ лопатки, человѣкъ въ очень потертомъ клѣтчатомъ костюмѣ, на высохшемъ и морщинистомъ лицѣ котораго никогда не видно было даже подобія улыбки, теперь дѣлалъ какія-то невѣроятныя гримасы, какъ будто хватилъ нечаянно уксусу, и изъ его горла вылетало что-то такое, какъ будто онъ сильно заикался. А одинъ безусый юноша, недавно занявшій послѣднюю кровать у мистера Борка,—кинулся на свою постель и хохоталъ звонко, неудержимо, лягая въ воздухѣ ногами, какъ будто боялся, что иначе смѣхъ задушитъ его на смерть. На этотъ шумъ изъ другихъ комнатъ прибѣжали сначала Роза, а потомъ и Анна. Роза видѣла только, какъ Падди оглядывался по комнатѣ, и всетаки упала на стулъ, у двери, свѣсивъ руки и закинувъ голову отъ смѣха. А Анна уже ничего не видѣла, но всетаки смѣялась, зараженная общимъ хохотомъ и глядя на сухопараго американца, который все еще икалъ и какъ будто давился.

Дыма тоже смѣялся и сначала очень гордился своимъ пріятелемъ.—А, что! Я говорилъ вамъ,—сказалъ онъ, поворачиваясь къ смѣющимся американцамъ и забывая даже перевести свои слова.—Га! Вотъ какъ

дерутся у насъ, въ Лозищахъ.—Но послѣ, когда смѣхъ постепенно утихъ и всѣ принялись горячо обсуждать случившееся, лицо Дымы стало омрачаться и черезъ нѣкоторое время онъ сказалъ такъ, что Матвѣй разслышалъ ясно его слова:

— Хорошо, нечего сказать: драться, точно медвѣдь у берлоги... Это стыдъ передъ образованными людьми...

— Ничего,—отвѣтилъ Матвѣй спокойно, опять, какъ ни въ чемъ не бывало, принимаясь за библію,—хоть и по медвѣжьи, а здорово. Въ другой разъ твой Падди будетъ знать...

Ирландцы пошумѣли еще нѣкоторое время, потомъ разступились, выпустивъ Падди, который опять вышелъ впередъ и пошелъ на Матвѣя, сжавъ плечи, втянувъ въ нихъ голову, опустивши руки и изгибаясь, какъ змѣя. Матвѣй стоялъ, глядя съ нѣкоторымъ удивленіемъ на его странныя ужимки, и уже опять было приготовился повторить прежній урокъ, какъ вдругъ ирландецъ присѣлъ, руки Матвѣя напрасно скользнули въ воздухѣ, ноги, какъ будто сами, поднялись, и онъ полетѣлъ черезъ постель, на спину.

Постель треснула, и огромный лозищанинъ свалился на полъ.

— All right—одобрительно раздалось въ кучѣ ирландцевъ, а Падди, довольный, сталъ надѣвать свою куртку. Но въ это время Матвѣй тяжело поднялся изъ-за постели.

Его нельзя было узнать: всегда кроткіе, глаза его

теперь глядѣли дико, волосы торчали дыбомъ, зубы скрипѣли, и онъ озирался, что́ бы ему взять въ руку.

Ирландцы взяли Падди въ середину и сомкнулись тревожно, какъ стадо при видѣ медвѣдя. Всѣ они глядѣли съ недоумѣніемъ и тревогой на этого огромнаго человѣка, ожидая чего-то страшнаго, тѣмъ болѣе, что Дыма тоже стоялъ перепуганный и блѣдный...

Трудно сказать, что было бы дальше, но въ эту минуту Анна перебѣжала черезъ комнату и схватила Матвѣя за руку.

— Для Бога,—сказала она только.—О, для Бога!..

Матвѣй поглядѣлъ на нее сначала мутнымъ, не понимающимъ взглядомъ, но черезъ нѣсколько секундъ тяжело перевелъ духъ. Потомъ отвернулся и сѣлъ къ окну.

Ирландцы успокоились. Падди хотѣлъ даже подойти къ Матвѣю и протянуть ему руку, но Дыма остановилъ его, и они оставили Матвѣя въ покоѣ.

А за окномъ весь міръ представлялся сплошною тьмой, усѣянной свѣтлыми окнами. Окна большія, и окна маленькія, окна свѣтились внизу, и окна стояли гдѣ-то высоко въ небѣ, окна яркія и веселыя, окна чуть видныя и будто прижмуренныя. Окна вспыхивали и угасали, наконецъ, ряды оконъ пролетали мимо и въ нихъ мелькали, проносились и исчезали чьи-то фигуры, чьи-то головы, чьи-то едва видныя лица...

XIII.

Позднимъ вечеромъ Дыма осторожно улегся въ постель рядомъ съ Матвѣемъ, который лежалъ, заложивъ руки за голову, и о чемъ-то думалъ, уставивши глаза и сдвинувши брови. Всѣ уже спали, когда Дыма, собравшись съ духомъ, сказалъ:

— И чего бы, кажется, сердиться на пріятеля... Развѣ я тутъ виноватъ... Если уже какой-нибудь поджарый Падди можетъ повалить самаго сильнаго человѣка во всѣхъ Лозищахъ... Га! Это значитъ, такая уже въ этой сторонѣ во всемъ образованность. Тутъ сердиться нечего, ничего этимъ не поможешь, а видно надо какъ нибудь и самимъ ухитряться... Индѣйскій ударъ! Это у нихъ, видишь ли, называется индѣйскимъ ударомъ...

Матвѣй поднялся на постели, повернулъ лицо къ Дымѣ и спросилъ:

— А ты, Дыма Лозинскій, зналъ впередъ, что они мнѣ приготовили эту индѣйскую штуку?..

— А... развѣ я уже все понимаю по англійски,— отвѣчалъ Дыма уклончиво. И затѣмъ, обрадовавшись, что Матвѣй говоритъ спокойно, онъ продолжалъ уже смѣлѣе:

— Вотъ, знаешь что,—сходимъ завтра къ этому цирюльнику. Приведи ты и себя, какъ это здѣсь говорится, въ порядокъ и кончено. Ей-Богу, правда!—при-

бавилъ онъ сладкимъ голосомъ и уже собираясь заснуть.

Но вдругъ онъ съ испугомъ привскочилъ на кровати. Матвѣй тоже сидѣлъ. При слабомъ свѣтѣ съ улицы было всетаки видно, что лицо его блѣдно, волосы стоятъ дыбомъ, глаза горятъ, а рука приподнята кверху.

— Слушай ты, Дыма, что тебѣ скажетъ Матвѣй Лозинскій. Пусть громъ разобьетъ твоихъ пріятелей, вмѣстѣ съ этимъ мерзавцемъ Таманиголломъ, или какъ тамъ его зовутъ. Пусть громъ разобьетъ этотъ проклятый городъ и выбраннаго вами какого-то мэра. Пусть громъ разобьетъ и эту ихъ мѣдную свободу, тамъ на островѣ... И пусть ихъ возьмутъ всѣ черти, вмѣстѣ съ тѣми, кто продаетъ имъ свою душу...

— Тише, пожалуйста, Матвѣй,—пробовалъ остановить его Дыма.—Люди спятъ, и здѣсь не любятъ, когда кто кричитъ ночью...

Но Матвѣй не остановился, пока не кончилъ. А въ это время, дѣйствительно, и ирландцы повскакали съ кроватей, кто-то зажегъ огонь и всѣ, проснувшись, смотрѣли на разсвирѣпѣвшаго лозищанина.

— Смотрите, не смотрите, а это правда,—сказалъ онъ, повернувшись къ нимъ и грозя кулакомъ, и затѣмъ опять повалился на постель.

Американцы стали тревожно разговаривать между собой и потомъ, потребовавъ Дыму, спрашивали у него, въ своемъ-ли разумѣ его пріятель и не грозитъ-ли имъ ночью отъ него какая-нибудь опасность. Но

Дыма ихъ успокоилъ: теперь Матвѣй будетъ спать и никому ничего не сдѣлаетъ. Онъ человѣкъ добрый, только не знаетъ образованности, и теперь его дня два не надо трогать... Тогда американцы тихо разошлись по своимъ постелямъ, оглядываясь на Матвѣя. Погасили огни, и въ комнатѣ мистера Борка водворилась тишина. Только огни съ улицы свѣтили смутно и неясно, такъ что нельзя было видѣть, кто спитъ и кто не спитъ въ помѣщеніи мистера Борка.

XIV.

Матвѣй Лозинскій долго лежалъ въ темнотѣ съ открытыми глазами и забылся сномъ уже передъ утромъ, въ тотъ сѣрый часъ, когда заснули совсѣмъ даже улицы огромнаго города. Но его сонъ былъ мучителенъ и тревоженъ: онъ привыкъ уважать себя и не могъ забыть, что съ нимъ сдѣлалъ негодяй Падди. И какъ только онъ начиналъ засыпать,—ему снилось, что онъ стоитъ, неспособный двинуть ни рукой, ни ногой, а къ нему, присѣдая, подгибая колѣни и извиваясь, какъ змѣя, подходитъ кто-то,—не то Падди, не то какой-то курчавый негръ, не то Джонъ. И онъ не можетъ ничего сдѣлать, и летитъ куда-то среди грохота и шума, и передъ глазами его мелькаетъ испуганное лицо Анны.

Потомъ вдругъ все стихло, и онъ увидѣлъ еврейскую свадьбу: мистеръ Мозесъ изъ Луисвилля, еврей очень непріятнаго вида, вѣнчаетъ Анну съ молодымъ

Джономъ. Джонъ съ торжествующимъ видомъ топчетъ ногой рюмку, какъ это дѣлается на еврейской свадьбѣ, а кругомъ, надрываясь, всѣ въ поту, съ вытаращенными глазами, ирландцы гудятъ и пищатъ на скрипицахъ, и на флейтахъ, и на пузатыхъ контрабасахъ... А невдалекѣ, задумчивый и недоумѣвающій, стоитъ Бэрко и говоритъ:

— Ну, что вы на это скажете?.. И какъ вы это можете допустить?..

Матвѣй заскрежеталъ во снѣ зубами, такъ что Дыма проснулся и отодвинулся отъ него со страхомъ...—Гей-гей!—закричалъ Матвѣй во снѣ...—А гдѣ же тутъ христіане? Развѣ не видите, что жиды захватили христіанскую овечку!..

Дыма отодвинулся еще дальше, слушая бормотаніе Матвѣя,—но тотъ уже смолкъ, а сонъ шелъ своимъ чередомъ... Бѣгутъ христіане со всѣхъ сторонъ, съ улицъ и базаровъ, изъ шинковъ и отъ возовъ съ хлѣбомъ. Бѣгутъ христіане съ крикомъ и шумомъ, съ камнями и дреколіемъ... Быстро запираются двери домовъ и лавочекъ, звякаютъ стекла, слышны отчаянные крики женщинъ и дѣтей, летятъ изъ оконъ еврейскіе бѣбехи и всякая рухлядь, пухъ изъ перинъ кроетъ улицы, точно снѣгомъ...

Потомъ и это затихло, и въ глубокомъ снѣ къ Матвѣю подошелъ кто-то и сталъ говорить, голосомъ важнымъ и почтеннымъ, что-то такое, отчего у Матвѣя на лицѣ даже сквозь сонъ проступило выраженіе крайняго удивленія и даже растерянности...

И на этомъ онъ проснулся... Ирландцы спѣшно пили въ сосѣдней комнатѣ утренній кофе и куда-то торопливо собирались. Дыма держался въ сторонѣ и не глядѣлъ на Матвѣя, а Матвѣй все старался вспомнить, что это ему говорилъ кто-то во снѣ, теръ себѣ лобъ и никакъ не могъ припомнить ни одного слова. Потомъ, когда почти всѣ разошлись, и квартира Борка опустѣла,—онъ вдругъ поднялся на верхъ, въ комнату дѣвушекъ.

Тамъ онъ засталъ Джона. Въ послѣдніе дни молодой человѣкъ нерѣдко заходилъ туда, просиживалъ по получасу и болѣе и что-то оживленно разсказывалъ Аннѣ. На этотъ разъ, поднимаясь по лѣстницѣ, Матвѣй опять услышалъ голосъ молодого человѣка.

— Ну, вотъ видите,—говорилъ онъ,—такъ-то здѣсь живутъ, въ новомъ свѣтѣ, что? Развѣ плохо?

Увидя Матвѣя, онъ наскоро попрощался и выбѣжалъ, чтобы поспѣть къ поѣзду, а Матвѣй остался. Лицо его было немного блѣдно, глаза глядѣли печально, и Анна потупилась, ожидая, что онъ скажетъ. Обѣ дѣвушки посмотрѣли на него какъ-то застѣнчиво, какъ будто невольно вспоминали объ индѣйскомъ ударѣ и боялись, что Лозинскій догадается объ этомъ. Онъ тяжело присѣлъ на постель, посмотрѣлъ на Анну немного растеряннымъ взглядомъ и сказалъ:

— Хочешь-ли ты, сирота, послушать, что тебѣ скажетъ Матвѣй Лозинскій?

— Говорите, пожалуйста. Я васъ считаю за родного,—тихо отвѣтила дѣвушка, которая старалась по-

казать Матвѣю, что она не перестала уважать его послѣ вчерашняго случая.

Матвѣй мучительно задумался и сказалъ:

— Мало хорошаго въ этой сторонѣ, малютка. Повѣрь ты мнѣ,—мало хорошаго... Содомъ и Гоморра.

Роза невольно улыбнулась, но онъ говорилъ такъ печально, что у Анны навернулись на глаза слезы. Она подумала, что, по разсказамъ Джона, въ Америкѣ не такъ ужъ плохо, если только человѣкъ сумѣетъ устроиться. Но она не возражала и сказала тихо:

— Что же теперь дѣлать?

— А! Что дѣлать! Если бы можно, надѣлъ бы я котомку на плечи, взялъ бы въ руки палку, и пошли бы мы съ тобой назадъ, въ свою сторону, хотя бы Христовымъ именемъ... Лучше бы я сталъ стучаться въ окна на своей сторонѣ, лучше сталъ бы водить слѣпыхъ, лучше издохъ бы гдѣ-нибудь на своей дорогѣ... На дорогѣ или въ полѣ... на своей сторонѣ... Но теперь этого нельзя, потому что...

Онъ потеръ себѣ лобъ и сказалъ:

— Потому что море... А письма отъ Осипа не будетъ... И сидѣть здѣсь, сложа руки... ничего не высидимъ... Такъ вотъ что я скажу тебѣ, сирота. Отведу я тебя къ той барынѣ... къ нашей... А самъ посмотрю, на что здѣсь могутъ пригодиться здоровыя руки... И если... если я здѣсь не пропаду, то жди меня... Я никогда еще не лгалъ въ своей жизни и... если не пропаду, то приду за тобою...

— Нехорошо вы придумали!—горячо сказала на это

молодая еврейка. — Мы эту барыню знаемъ... Она всегда старается нанимать прiѣзжихъ.

— Богъ наградитъ ее за это,—сказалъ Матвѣй сухо.

— Но это потому...—сбиваясь, сказала Роза,—что она платитъ очень мало...

— Съ голоду не уморитъ...

— И заставляетъ очень много работать.

— Богъ любитъ трудъ...

Матвѣй посмотрѣлъ на Розу высокомѣрнымъ и презрительнымъ взглядомъ. Молодая еврейка хорошо знала этотъ взглядъ христiанъ. Ей казалось, что она начала дружиться съ Анной и даже питала симпатiю къ этому задумчивому волынцу, съ голубыми глазами. Но теперь она вдругъ вспыхнула и сказала:

— Дѣлайте, какъ себѣ хотите...—И она вышла изъ комнаты.

— Наше худое лучше здѣшняго хорошаго, — сказалъ Матвѣй поучительно, обращаясь къ Аннѣ.— Собери свои вещи. Мы пойдемъ сегодня.

Анна вздохнула, однако покорно стала собираться. Матвѣю не понравилось, что, уходя изъ помѣщенiя мистера Борка, она крѣпко поцѣловалась съ еврейкой, точно съ сестрой.

XV.

Въ этотъ день наши опять шли по улицамъ Нью-Iорка, съ узлами, какъ и въ день прiѣзда. Только въ этотъ разъ съ ними не было Дымы, который давно разстался съ своею бѣлою свитой, держался съ ирланд-

цами и даже плохо зналъ, что затѣваютъ земляки. За то Матвѣй и Анна остались точь въ точь, какъ были: на немъ была та же бѣлая свита со шнурами, на ней— бѣленькій платочекъ. Молодой Джонъ тоже считалъ очень глупымъ то, что надумалъ Матвѣй. Но, какъ американецъ, онъ не позволялъ себѣ мѣшаться въ чужія дѣла и только посвистывалъ отъ досады, провожая Матвѣя и Анну.

Сначала шли пѣшкомъ, потомъ пара лошадей потащила ихъ въ огромномъ вагонѣ, потомъ подымались наверхъ и летѣли по воздуху. Изъ улицы въ улицу— ѣхали долго. Пошли дома поменьше, попроще, улицы пошли прямыя, широкія и тихія.

На одномъ углу наши вышли и пошли прямо. Если бы поменьше камня, да если бы кое-гдѣ изъ - подъ камня пробилась мурава, да если бы на серединѣ улицы сидѣли ребята съ задранными рубашенками, да еслибы кое-гдѣ корова, да хоть одинъ домишко, вросшій окнами въ землю и съ провалившейся крышей, — то, думалось Матвѣю, улица походила-бы, пожалуй, на нашу. Только здѣсь всѣ дома были какъ одинъ: всѣ въ три этажа, всѣ съ плоскими крышами, у всѣхъ одинаковыя окна, одинаковыя крылечки, съ одинаковымъ числомъ ступенекъ, одинаковые выступы и карнизы. Однимъ словомъ, вдоль улицы ряды домовъ стояли, какъ родные братья близнецы, — и только черный номеръ на матовомъ стеклѣ, надъ дверью, отличалъ ихъ одинъ отъ другого.

Джонъ посмотрѣлъ въ свою записную книжку, по-

томъ разыскалъ номеръ и прижалъ пуговку у двери. Въ квартирѣ что-то затрещало. Дверь отворилась, и наши вошли въ переднюю.

Старая барыня, ждавшая мужа, сама отперла дверь. Она, какъ оказалось, мыла полы. Очки у нея были вздернуты на лобъ, на лицѣ виднѣлся потъ отъ усталости, и была она въ одной рубашкѣ и грязной юбкѣ. Увидѣвъ пришедшихъ, она оставила работу и вышла, чтобы переодѣться.

— Смотри, — шепнулъ Матвѣй Аннѣ, — вотъ какъ здѣсь живется нашимъ господамъ,—что ужъ говорить о простыхъ людяхъ!

— Ну,—отвѣтилъ Джонъ,—вы еще не знаете этой стороны, мистеръ Мэтью.—И съ этими словами онъ прошелъ въ первую комнату, сѣлъ развязно на стулъ, а другой подвинулъ Аннѣ.

Матвѣй строго посмотрѣлъ на невѣжливаго молодого человѣка, и оба съ Анной остались на ногахъ у порога. Матвѣй не взлюбилъ молодого еврея еще съ тѣхъ поръ, какъ говорилъ съ нимъ о религіи. А затѣмъ онъ не могъ не замѣтить, что Джонъ частенько остается дома, съ сестрой, помогаетъ дѣвушкамъ по хозяйству и поглядываетъ на Анну. Нужно сказать, что дѣвушка была хороша: голубые глаза, большіе и ясные, кроткій взглядъ, привѣтливая улыбка и нѣжное лицо, немного, правда, поблѣднѣвшее отъ дороги и отъ неизвѣстности. Никто изъ бездѣльниковъ, жившихъ у Борка, ни разу не позволилъ себѣ съ дѣвушкой ни одной вольности. Однако, не считая Дымы, ко-

торый вывертывался передъ нею въ своихъ диковинныхъ пиджакахъ,—еще и Падди тоже старался всячески услужить ей, когда встрѣчался въ корридорѣ или на лѣстницѣ. А тутъ еще Джонъ и разсказы Борка о Мозесѣ... Чего добраго,—думалъ Матвѣй,—вѣдь въ этомъ Содомѣ никто не смотритъ за такими дѣлами. Вотъ Дыма,—давній и испытанный пріятель, но и у него характеръ совершенно измѣнился въ какую нибудь недѣлю. Что-же можетъ статься съ молоденькой, неопытной дѣвушкой, немного еще, можетъ быть, и легкомысленной, какъ всѣ дочери Евы... Дурного, положимъ, она не сдѣлаетъ... Но вѣдь здѣсь и хорошее тоже ни чорта не стоитъ, а дѣвушка молода, неопытна и испугана.

Вспомнивъ, вдобавокъ, свой сонъ, Матвѣй даже вздохнулъ и оглянулся. Слава Богу,—вотъ квартира старой барыни, которая возьметъ къ себѣ Анну. Все нравилось Матвѣю въ этой квартирѣ. Въ первой комнатѣ стоялъ столъ, покрытый скатертью, въ сосѣдней виднѣлась кровать, подъ пологомъ, въ углу большой знакомый образъ Почаевской Божіей Матери, которую въ западномъ краѣ чтутъ одинаково католики и православные. За образомъ была воткнута восковая свѣча и пучокъ сухихъ вѣтокъ. Верба не верба, а всетаки былъ виденъ нашъ обычай, и у Матвѣя стало теплѣе на сердцѣ... Поэтому онъ сначала заложилъ руку за поясъ и очень гордо посмотрѣлъ на молодого еврея... Но тотчасъ-же ему пришлось смиренно согнуться почти до земли, потому что въ комнату вошла барыня, одѣтая, съ очками

на носу и съ вязаніемъ въ рукахъ. Видъ у нея былъ спокойный и даже величавый, такъ что Матвѣю было даже странно вспомнить, что онъ видѣлъ ее сейчасъ за мытьемъ половъ. Она сѣла на стулъ, досчитала петли, передернула спицу и сказала почтительно ожидавшимъ Матвѣю и Аннѣ, не кивнувъ даже Джону:

— Ну, что скажете?

— Къ вашей милости,—отвѣтили оба въ одинъ голосъ.

— Тебя, кажется, зовутъ Анной?..

— Анной, милостивая пани.

— А тебя... Матвѣемъ?

Лицо Матвѣя расцвѣло пріятной улыбкой.

— А что-же тотъ... третій?..

Матвѣй махнулъ рукой:

— А! Не знаю ужъ, что и сказать... Поступилъ на службу, или ужъ какъ... къ какому-то здѣшнему... Таманиголлу...

Барыня жалостно посмотрѣла на Матвѣя и покачала головой.

— Хорошій господинъ, нечего сказать! Шайка мошенниковъ!

— О, Господи,—вздохнулъ Лозинскій.

— Въ этой сторонѣ все навыворотъ,—сказала опять барыня.—У насъ такихъ молодцовъ сажаютъ въ тюрьмы, а здѣсь они выбираютъ висѣльниковъ въ городскіе мэры, которые облагаютъ честныхъ людей налогами.

Матвѣй вспомнилъ, что и Дыма выбиралъ мэра, и вздохнулъ еще глубже. У барыни спицы забѣгали бы-

стрѣе,—было видно, что она начинаетъ чего-то сердиться...

— Ну, что-же ты мнѣ скажешь, моя милая?—спросила она какъ-то ѣдко, обращаясь къ Аннѣ.—Ты пришла наниматься или, можетъ быть, тоже поищешь себѣ какого нибудь Тамани-голла?..

— Она дѣвушка честная,—вступился Матвѣй.

— А! Видѣла я за двадцать лѣтъ много честныхъ дѣвушекъ, которыя черезъ годъ, а то и меньше пропадали въ это проклятой странѣ. Сначала человѣкъ, какъ человѣкъ: тихая, скромная, послушная, боится Бога, работаетъ и уважаетъ старшихъ. А потомъ... Смотришь,—начала задирать носъ, потомъ обвѣшается лентами и тряпками, какъ ворона въ павлиньихъ перьяхъ, потомъ прибавляй ей жалованье, потомъ ей нуженъ отдыхъ два раза въ недѣлю... а потомъ уже барыня служи ей, а она хочетъ сидѣть сложа руки...

— Господи упаси! Гдѣ-же это видано!..—сказалъ съ ужасомъ Матвѣй.

Молодой Джонъ сидѣлъ на стулѣ, вытянувъ ноги и заложивъ руки въ карманы, съ видомъ человѣка, скучающаго отъ этихъ разговоровъ.

— Ну, чортъ еще не такъ страшенъ, какъ его малюютъ,—сказалъ онъ...

Барыня замолкла, даже перестала вязать и устремила внимательный взглядъ на Джона, который поднялъ безпечно голову къ потолку, какъ будто разглядывая тамъ что-то интересное. Нѣсколько секундъ стояло

молчаніе, барыня и Матвѣй укоризненно смотрѣли на молодого еврея. Анна покраснѣла.

— А все отчего?—начала опять барыня спокойно.—Все оттого, что въ этой странѣ нѣтъ никакого порядка. Здѣсь жидъ Берко—уже не Берко, а мистеръ Боркъ, а его сынъ Іоська превратился въ ясневельможнаго Джона...

— Чистая правда, — сказалъ Матвѣй съ убѣжденіемъ.—Слышишь, Анна?

Дѣвушка съ нѣкоторымъ удивленіемъ посмотрѣла на Матвѣя и покраснѣла еще больше. Ей казалось, что, хотя, конечно, Джонъ еврей, и сидитъ немного дерзко, но что говорить такъ въ глаза не слѣдуетъ...

— Да, все здѣсь перемѣшалось, какъ на Лысой горѣ,—продолжала барыня,—правду говоритъ одинъ мой знакомый: этотъ новый свѣтъ какъ будто сорвался съ петель и летитъ въ преисподнюю...

— И это святая правда,—подтвердилъ Матвѣй.

— Я вижу, что ты человѣкъ разумный,—сказала барыня снисходительно, — и понимаешь это... То-ли, самъ скажи,—у насъ?... Старый нашъ свѣтъ стоитъ себѣ спокойно... люди знаютъ свое мѣсто... жидъ такъ жидъ, мужикъ такъ мужикъ, а баринъ такъ баринъ. Всякій смиренно принимаетъ, кому что назначено отъ Господа... Люди живутъ и славятъ Бога...

— Ну, эту исторію надо когда-нибудь кончить,—сказалъ Джонъ, поднимаясь.

— Ахъ, извините, мистеръ Джонъ,—усмѣхнулась барыня.—Ну, что-жъ, моя милая, надо и въ самомъ дѣлѣ

кончать. Я возьму тебя, если сойдемся въ цѣнѣ... Только впередъ предупреждаю, чтобы ты знала: я люблю все дѣлать по своему, какъ у насъ, а не по здѣшнему.

— Это и всего лучше,—вставилъ Матвѣй.

— Я за тебя отвѣчаю передъ людьми и передъ Богомъ. По воскресеньямъ мы станемъ вмѣстѣ ходить въ храмъ божій, а на эти митинги и балы—ни ногой.

— Слушай барыню, Анна,—сказалъ Матвѣй.—Барыня тебя худому не научитъ... И ужъ она не обидитъ сироту.

— Пятнадцать долларовъ въ мѣсяцъ считается здѣсь совсѣмъ низкой платой, — сказалъ Джонъ, глядя на часы, — пятнадцать долларовъ, отдѣльная комната и свободный день въ недѣлю.

Барыня, все такъ же спокойно продолжая вязанье,—кинула на Джона уничтожающій взглядъ и сказала Аннѣ:

— Знаешь ты, что значитъ долларъ?

— А это два рубля, милостивая госпожа,—отвѣтилъ за Анну Матвѣй.

— Ты служила уже гдѣ-нибудь?

— Служила... горничной у г-жи Залѣсской.

— Сколько получала?

— Шесть рублей.

— Много что-то для нашей стороны,—вздохнула барыня.—Въ мое время такой платы не знали... А здѣсь, если хочешь получать тридцать,—то поди вотъ къ нему. Онъ тебѣ дастъ тридцать рублей, отдѣльную комнату и сколько хочешь свободнаго времени... днемъ...

Краска опять залила лицо Анны, а барыня, посмотрѣвъ на нее поверхъ очковъ, прибавила, обращаясь къ Матвѣю:

— Недалеко ходить: на этой-же улицѣ живетъ христіанская дѣвушка у еврея. И уже Богъ благословилъ ихъ ребеночкомъ.

— Вы-же знаете, что они обвѣнчаны, — сказалъ Джонъ сердито.

— Обвѣнчаны, конечно! — Кто-же ихъ это обвѣнчалъ, скажи, пожалуйста?

— Ихъ обвѣнчали въ меріи, вы знаете.

— Ну, вотъ видите, — обратилась барыня къ Матвѣю.—Они это называютъ вѣнчаніемъ...

Матвѣй съ ненавистью взглянулъ на еврея и сказалъ:

— Дѣвушка останется у васъ.

И потомъ, посмотрѣвъ на Анну, онъ добавилъ мягкимъ тономъ:

— Она, сударыня, круглая сирота... Грѣхъ ее обидѣть.

Барыня, перебирая спицы, кивнула головой. Между тѣмъ, Джонъ, которому очень не понравилось все это, а также и обращеніе съ нимъ Матвѣя, надѣлъ шляпу и пошелъ къ двери, не говоря ни слова. Матвѣй увидѣлъ, что этотъ непріятный молодой человѣкъ готовъ уйти безъ него,—и тоже заторопился. Наскоро попрощавшись съ Анной и поцѣловавъ у барыни руку,— онъ кинулся къ двери, но еще разъ остановился.

— А что... извините... я спросилъ-бы у васъ?

— Что такое?

— Не найдется ли и мнѣ у васъ мѣстечка? За дешевую плату... Можетъ, по двору, въ огородѣ или около лошади? Угла-бы я у васъ гдѣ-нибудь въ сараѣ не пролежалъ и цѣну-бы взялъ пустую. А?.. чтобы только не издохнуть...

— Нѣтъ, милый. Какіе огороды! Какія лошади. Здѣсь сенаторы садятся за пять центовъ въ общественный вагонъ рядомъ съ послѣднимъ оборванцемъ...

— Ну, прошу прощенія... А гдѣ-же?..

И, не окончивъ, Матвѣй торопливо выбѣжалъ на крыльцо, чтобы не потерять изъ виду Джона.

XVI.

На крыльцѣ непріятнаго молодого человѣка уже не было, но кто-то мелькнулъ за угломъ. Матвѣй побѣжалъ туда, хотя ему и показалось, что это въ другой сторонѣ. Повернувъ еще за уголъ, онъ догналъ шедшаго человѣка, но въ этой сторонѣ люди, какъ и дома, похожи другъ на друга. На незнакомцѣ былъ такой-же котелокъ на головѣ, такая-же тросточка въ рукахъ, такая-же походка, какъ и у Джона, но лицо человѣка, повернувшагося къ Матвѣю, было совсѣмъ чужое, удивленное и незнакомое. Матвѣй остолбенѣлъ и провожалъ взглядомъ уходившаго незнакомца; а на Матвѣя, съ обѣихъ сторонъ улицы, глядѣли занавѣшенныя окна домовъ, похожихъ другъ на друга, какъ двѣ капли воды...

Матвѣй попробовалъ вернуться. Онъ еще не пони-

малъ хорошенько, что такое съ нимъ случилось, но сердце у него застучало въ груди, а потомъ начало какъ будто падать. Улица, на которой онъ стоялъ, была точь въ точь такая, какъ и та, гдѣ былъ домъ старой барыни. Только занавѣски въ окнахъ были опущены на правой сторонѣ, а тѣни отъ домовъ тянулись на лѣвой. Онъ прошелъ кварталъ, постоялъ у другого угла, оглянулся, вернулся опять и началъ тихо удаляться, все оглядываясь, точно его тянуло къ мѣсту или на ногахъ у него были пудовыя гири.

А въ это время молодого Джона зазрила совѣсть, что онъ такъ невѣжливо бросилъ Матвѣя. Онъ быстро вернулся, позвонилъ и довольно сердито попросилъ выслать Лозинскаго, потому что ему некогда ждать: время—деньги.

Старая барыня посмотрѣла на него съ удивленіемъ, Анна, которая успѣла уже снести свой узелъ въ кухню и, поддернувъ подолъ юбки, принималась за мытье пола, покинутаго барыней,—наскоро оправившись, тоже выбѣжала къ Джону. Всѣ трое стояли на крыльцѣ и смотрѣли и направо, и налѣво. Никого не было видно, похожаго на Матвѣя, на тихой улицѣ.

— Ну, онъ, вѣрно, пошелъ на станцію другой дорогой,—сказалъ Джонъ.

Анна недовѣрчиво покачала головой.

— Нѣтъ,— сказала она,—онъ не знаетъ здѣсь никакой дороги.

Она посмотрѣла на улицу, на ряды однообразныхъ домовъ, и на глазахъ у нея появились слезы.

— Ну, милая, — сказала барыня, — глядѣть теперь нечего... Ничего не высмотришь... Да и не затѣмъ я взяла тебя... Тамъ полъ стоитъ недомытый.

— Можетъ быть... онъ вернется?—сказала Анна.

— Что-же! Ты такъ и будешь стоять тутъ до вечера?—спросила барыня, уже немного раздражаясь.

— Онъ у меня одинъ только близкій человѣкъ въ этой сторонѣ,—произнесла Анна тихо.

— Ну, и слава Богу, что только одинъ,—отвѣтила барыня.—Для молодой дѣвушки и одного слишкомъ много.

Анна кинула послѣдній взглядъ на улицу. За угломъ мелькнула фигура Джона, разспрашивавшаго какого-то прохожаго. Потомъ и онъ исчезъ. Улица опустѣла. Анна вспомнила, что она не оставила себѣ даже адреса мистера Борка и что она теперь такъ же потеряна здѣсь, какъ и Матвѣй.

Вскорѣ дверь за нею захлопнулась, и домъ старой барыни, недавно еще встревоженный, стоявшій съ открытою дверью и съ людьми на крыльцѣ, которые останавливали разспросами прохожихъ, — опять сталъ въ рядъ другихъ, ничѣмъ не отличаясь отъ сосѣдей: та-же дверь съ матовымъ стекломъ и черный номеръ: 1235.

Между тѣмъ, недалеко въ переулкѣ одинъ изъ прохожихъ, котораго разспрашивалъ Джонъ, — наткнулся на страннаго человѣка, который шелъ, точно тащилъ на плечахъ невидимую тяжесть, и все озирался. Американецъ ласково взялъ его за рукавъ, подвелъ къ углу и указалъ вдоль улицы:

— Тэрти-файфъ, тэрти-файфъ (тридцать пятый),— сказалъ онъ ласково, и послѣ этого, вполнѣ увѣренный, что съ такимъ точнымъ указаніемъ нельзя уже сбиться,—побѣжалъ по своему спѣшному дѣлу, а Матвѣй подумалъ, оглянулся и, подойдя къ ближайшему дому, позвонилъ. Дверь отворила незнакомая женщина, съ лицомъ въ морщинахъ и съ черными буклями по бокамъ головы. Она что-то сердито спросила, — и захлопнула дверь.

То-же случилось въ слѣдующемъ домѣ, тоже въ третьемъ. На углу онъ подумалъ, что надо повернуть, и онъ повернулъ, опять повернулъ и, увидя фонтанъ, мимо котораго, какъ ему казалось, они проходили часъ назадъ, повернулъ еще разъ. Передъ нимъ опять была такая же улица, только тѣни опять перебросились на правую сторону, а солнце прямо било въ занавѣски на лѣвой... Издали, точно гдѣ-то за горой, храпѣлъ поѣздъ... Матвѣй остановился на серединѣ улицы, какъ барка, которую сорвало съ причала и несетъ куда-то по теченію—и, безъ надежды найти жилье старой барыни,— пошелъ туда, откуда слышался шумъ. А въ это время, по улицѣ, черезъ которую только что прошелъ лозищанинъ,—опять пробѣжалъ молодой Джонъ, совсѣмъ встревоженный и огорченный. № 1235 опять отворился, и опять на крыльцѣ стояли двѣ женщины съ молодымъ человѣкомъ, совѣтусь и озираясь кругомъ. У Анны на глазахъ стояли слезы, Джонъ сконфуженно пожималъ плечами.

Поздно вечеромъ, заплаканная и грустная, Анна кон-

чала работу своего перваго дня на службѣ. Работы было много, такъ какъ болѣе двухъ недѣль уже барыня обходилась безъ прислуги. Вдобавокъ, въ этотъ день у барыни обыкновенно вечеромъ играли въ карты жильцы ея и гости. Засидѣлись далеко за-полночь, и Анна, усталая и печальная, ждала въ сосѣдней комнатѣ, чтобы быть готовой на первый зовъ.

Расходясь, гости благодарили хозяйку за пріятный вечеръ.

— А! Право только у васъ и почувствуешь себя иной разъ точно на родинѣ,—сказалъ одинъ изъ гостей, цѣлуя у хозяйки руку.—И какъ вы это все умѣете устроить?

— О, она у меня истинная волшебница!—сказалъ съ гордостью мужъ старой барыни, человѣкъ круглый, сѣдой, съ пробритой въ серединѣ бородкой и торчавшими по бокамъ сѣдыми баками.—А замѣтили вы новую горничную?

— Какъ не замѣтить. Навѣрное, изъ нашихъ странъ. Такіе хорошіе, покорные глаза. О, нашъ „народъ" еще не испорченъ.

— Скажите лучше: не весь еще испорченъ. Есть уже и у насъ эти каррикатуры на господъ. Даже въ деревню уже проникаетъ пиджакъ, замѣняя живописные костюмы простого народа.

— Да! А дѣвушка дѣйствительно пріятная; нѣтъ этого вызывающаго нахальства, этого... какъ бы сказать... Ну, однимъ словомъ, пріятно, когда видишь человѣка, знающаго свое мѣсто...

— Надолго ли только!—вздохнула барыня.—Портится

все это здѣсь необыкновенно скоро. И не знаешь, просто, откуда...

— Въ воздухѣ, въ воздухѣ... вродѣ эпидеміи,—сказалъ одинъ изъ жильцовъ, весело засмѣявшись...—И, проходя въ свою комнату, онъ благосклонно ущипнулъ Анну за подбородокъ...

А въ бордингъ-гоузѣ мистера Борка въ этотъ вечеръ долго стоялъ шумъ. Не смотря на то, что у Дымы испортился характеръ, ему теперь было очень совѣстно и жалко Матвѣя, и онъ чувствовалъ себя виноватымъ. Отправляясь на чужую сторону, они сговорились—жить или пропадать вмѣстѣ. Голова Дымы; сила, руки и ноги—Матвѣя. Теперь ноги однѣ ходили по свѣту, въ то время, какъ голова путалась съ чужими людьми. Совѣсть у Дымы проснулась, Дыма кричалъ, Дыма проклиналъ Джона, себя и своихъ пріятелей и даже толкнулъ Падди, когда тотъ сунулся съ какой-то шуткой. Падди обидѣлся и вызвалъ Дыму на единоборство. Дыма сначала послалъ его къ чорту; но Падди пустилъ ему немного крови изъ носу,—тогда онъ самъ сталъ совать руками, куда попало... Чувствуя, однако, что и головѣ приходится плохо безъ сильной руки товарища, онъ схватилъ стулъ, сталъ кричать, что ему наплевать на всѣ правила, и сильно уронилъ себя во мнѣніи Падди... Ночью онъ вскакивалъ съ постели и даже плакалъ.

Но это, конечно, не помогло. Пріятель потонулъ въ огромномъ городѣ, точно иголка на пыльномъ проѣзжемъ шляху...

XVII.

Впослѣдствіи, по причинамъ, которыя мы изложимъ дальше,—Матвѣй Лозинскій изъ Лозищей сталъ на цѣлыхъ два дня самымъ знаменитымъ человѣкомъ города Нью-Іорка, и каждый шагъ его въ эти дни былъ прослѣженъ очень точно. Прежде всего, человѣка въ странной бѣлой одеждѣ видѣли идущимъ по 4 avenue, потомъ онъ долго шелъ пѣшкомъ подъ настилкой воздушной дороги, къ Бруклинскому мосту. Казалось, его тянуло туда, гдѣ люднѣе и гуще. На углу Бродвэя и какого-то переулка онъ вошелъ въ булочную и, указавъ на огромный кусокъ бѣлаго хлѣба, — протянулъ руку, съ деньгами на ладони. Онъ говорилъ что-то продавцу-нѣмцу и даже, когда тотъ отдавалъ сдачу, старался схватить его за руку и тянулся къ ней губами. Нѣмецъ вырвалъ руку и занялся другими покупателями. Человѣкъ постоялъ, посмотрѣлъ на булочника грустными глазами, пытался еще говорить что-то и вышелъ на улицу.

Это былъ часъ выхода вечернихъ газетъ. На небольшой площадкѣ, невдалекѣ отъ огромнаго зданія газеты „Tribune“,—странный человѣкъ зачерпнулъ воды у фонтана и пилъ ее съ большою жадностью, не обращая вниманія на то, что въ грязномъ водоемѣ два маленькихъ оборванца плавали и ныряли за никелевыми и мѣдными монетками, которыя имъ на потѣху кидали прохожіе. Безчисленное количество газетныхъ мальчи-

шекъ, ожидавшихъ выхода номера и развлекавшихся пока чѣмъ попало, раздѣлили свое вниманіе между этими водолазами и странно одѣтымъ человѣкомъ, котораго они засыпали цѣлой тучей звонкихъ остротъ. Въ это время, черезъ площадку проходилъ газетный репортеръ-иллюстраторъ и наскоро набросалъ эту сцену въ своей книжкѣ. Безъ сомнѣнія, если бы этотъ джентльмэнъ могъ провидѣть будущее, онъ постарался бы сдѣлать свой рисунокъ какъ можно точнѣе. Но, во 1-хъ, онъ очень торопился и ему пришлось поэтому заканчивать набросокъ съ памяти, а во 2-хъ, онъ былъ введенъ въ заблужденіе присутствіемъ нырявшихъ мальчишекъ, которыхъ причислилъ къ семейству незнакомца. Наконецъ, онъ не зналъ, на что собственно можетъ пригодиться его эскизъ, такъ какъ странный незнакомецъ не могъ отвѣтить ничего на самые обыкновенные вопросы.

— Your nation?—спросилъ репортеръ, желая узнат ь какой Матвѣй націи.

— Какъ мнѣ найти мистера Борка?—отвѣтилъ тотъ.

— Your name? (ваше имя?)

— Онъ тутъ гдѣ-то... имѣетъ помѣщеніе. Нашъ... могилевскій жидъ.

— How do you like fnis conntry? — Это значило, что репортеръ желалъ знать, какъ Матвѣю понравилась эта страна,—вопросъ, который, по наблюденіямъ репортеровъ, обязаны понимать рѣшительно всѣ иностранцы...

Но незнакомецъ не отвѣтилъ, только глядѣлъ на

газетнаго джентльмэна съ такою грустью, что тому стало неловко. Онъ прекратилъ разспросы, ободрительно похлопалъ Матвѣя по плечу и сказалъ:

— Wery well! Это очень хорошо для васъ, что вы сюда пріѣхали. Америка лучшая страна въ мірѣ, Нью-Іоркъ лучшій городъ въ Америкѣ. Ваши милыя дѣти станутъ здѣсь когда-нибудь образованными людьми. Я долженъ только замѣтить, что полиція не любитъ, чтобы дѣтей купàли въ городскихъ бассейнахъ...

Затѣмъ, „съ талантомъ, отличающимъ карандашъ этого джентльмэна",—онъ украсилъ на рисункѣ свитку лозищанина нѣсколькими фантастическими узорами, изъ его волосъ, буйныхъ, нестриженныхъ и слипшихся, сдѣлалъ одно цѣлое—вмѣстѣ съ бараньей шапкой, и, наконецъ, всю эту странную прическу, по внезапному и слишкомъ торопливому вдохновенію, перевязалъ тесьмой или лентой. Ростъ Матвѣя онъ прибавилъ еще на $^1/_4$ аршина, а у его ногъ, въ водоемѣ, помѣстилъ двухъ младенцевъ, напоминавшихъ чертами предполагаемаго родителя.

Все это онъ наскоро снабдилъ надписью: „*Дикарь, купающій своихъ дѣтей въ водоемѣ на Бродвэѣ*", и затѣмъ, сунувъ книжку въ карманъ и оставляя до будущаго времени вопросъ о томъ, можно-ли сдѣлать что-либо полезное изъ такого фантастическаго сюжета,—онъ торопливо отправился въ редакцію.

Какъ разъ въ эту минуту вышло вечернее прибавленіе, и все вниманіе площадки и прилегающихъ переулковъ обратилось къ небольшому балкону, ви-

сѣвшему надъ улицей, на стѣнѣ Tribune-building (домъ газеты „Трибуна“). На этотъ балкончикъ выходили люди съ кипами газетъ, брали у толпившихся внизу мальчишекъ, запрудившихъ весь переулокъ,— ихъ марки, а взамѣнъ кидали имъ кипы газеты. Минутъ въ двадцать все было кончено. Сотни мальчишекъ мчали во всѣ стороны десятки тысячъ номеровъ, и ихъ звонкіе крики разносились съ этого мѣста по огромному городу.

На площадкѣ остался только лозищанинъ, да два оборванца вылавливали въ водоемѣ послѣднія монеты. Вскорѣ туда же подошелъ еще высокій господинъ въ партикулярномъ платьѣ, въ сѣрой большой шляпѣ, въ видѣ шлема, и съ короткою палкой въ рукѣ, въ родѣ гетманской булавы, украшенной цвѣтнымъ шнуркомъ и кистями. Это былъ полисмэнъ Гопкинсъ, лицо хорошо извѣстное всему Нью-Іорку. Полисмэнъ Гопкинсъ, какъ сообщалось въ тѣхъ-же газетныхъ замѣткахъ, изъ которыхъ я узналъ эту часть моей достовѣрной исторіи, былъ прежде довольно искуснымъ боксеромъ, на котораго ставились значительныя пари. Однако, въ послѣдніе годы ему пришлось испытать нѣсколько крупныхъ превратностей, связанныхъ съ этой профессіей, а одна изъ нихъ сопровождалась даже раздробленіемъ носовыхъ хрящей, потребовавшимъ серьезнаго лѣченія. Это побудило мистера Гопкинса къ перемѣнѣ рода занятій. Физическія данныя и любовь къ сильнымъ ощущеніямъ—рѣшили его выборъ, и онъ предложилъ свои услуги директору полиціи въ качествѣ полисмэна. Само

собою разумѣется, что услуги были охотно приняты, такъ какъ времена наступали довольно бурныя: участились стачки и митинги безработныхъ („которыми,—какъ писала одна благомыслящая газета,—эта цвѣтущая страна обязана коварной агитаціи завистливыхъ иностранцевъ")—и все это открывало новое поле природнымъ талантамъ мистера Гопкинса и его склонности къ физическимъ упражненіямъ болѣе или менѣе рискованнаго свойства. Увѣсистый „клобъ" изъ ясеня или дуба даетъ, вдобавокъ, рѣшительное преимущество полисмэну передъ любнымъ боксеромъ, и имя мистера Гопкинса опять стало часто мелькать въ хроникѣ газетъ. „Полисмэнъ Гопкинсъ, извѣстный неумѣреннымъ употребленіемъ клоба"—писали объ немъ рабочія газеты. За то другія отмѣчали съ восторгомъ, что „клобъ полисмэна Гопкинса, какъ всегда, отбивалъ барабанную дробь на головахъ этихъ анархистовъ"...

Случай пожелалъ, чтобы дороги знаменитаго полисмэна и бѣднаго лозищанина встрѣтились два раза. Въ первый разъ это произошло именно у описаннаго фонтана. Мистеръ Гопкинсъ шелъ мимо, какъ всегда, величаво и важно, играя на ходу своимъ клобомъ, и его внимательный взглядъ остановился на странной фигурѣ неизвѣстнаго иностранца. „Не видя, однако, законныхъ причинъ для какого-бы то ни было личнаго воздѣйствія",—такъ разсказывалъ впослѣдствіи Гопкинсъ газетнымъ интервьюэрамъ,—онъ рѣшилъ только подойти поближе для внимательнаго осмотра. Но тутъ незнакомецъ удивилъ его своимъ непонят-

нымъ поведеніемъ: „снявъ съ головы свой странный головной уборъ (повидимому, изъ бараньяго мѣха), онъ согнулъ станъ такимъ образомъ, что голова его пришлась вровень съ поясомъ Гопкинса и, внезапно поймавъ одной рукой его руку,—потянулся къ ней губами съ неизвѣстною цѣлью. Гопкинсъ не можетъ сказать навѣрное, что незнакомецъ хотѣлъ укусить его за руку, но не можетъ и отрицать этого“.

Вопросъ остался невыясненнымъ, такъ какъ въ это мгновеніе надъ поверхностью водоема появились внезапно головы двухъ водолазовъ. Они нырнули при появленіи Гопкинса и теперь опять вынырнули въ надеждѣ, что онъ уже прошелъ. Это было уже явное нарушеніе правилъ благочинія. Полисмэнъ тотчасъ-же взялъ обоихъ мальчишекъ за шивороты, поднялъ ихъ высоко надъ землей и сталъ встряхивать, точно двѣ мокрыя тряпицы. Видъ у него въ это время былъ величавъ и грозенъ, и какъ разъ въ эту-же минуту черезъ площадь пробѣгалъ прежній торопливый репортеръ. Онъ остановился, быстро набросалъ, около прежней фигуры лозищанина, фигуру мистера Гопкинса съ двумя дикаренками въ рукахъ и прибавилъ подпись:

„Полисмэнъ Гопкинсъ объясняетъ дикарю, что купаніе дѣтей въ городскихъ водоемахъ не согласно съ законами этой страны“.

Затѣмъ, сунувъ книжку въ карманъ, онъ ринулся со всѣхъ ногъ къ вагону канатной дороги, чтобы поспѣть на пожаръ. Въ его головѣ мелькалъ уже планъ цѣлой замѣтки: „Извѣстно, что нашъ городъ, величай-

шій въ мірѣ, привлекаетъ къ себѣ пришельцевъ изъ отдаленнѣйшихъ частей свѣта. На дняхъ мы имѣли случай наблюдать, какъ одинъ изъ этихъ дикарей"...

Вагонъ канатной дороги умчалъ талантливаго человѣка вмѣстѣ съ этимъ началомъ, а мистеръ Гопкинсъ поставилъ мальчишекъ на мостовую, далъ имъ по легонькому шлепку, при одобрительномъ смѣхѣ проходящихъ, и затѣмъ повернулся къ незнакомцу. Очень можетъ быть, что мистеру Гопкинсу удалось-бы лучше выяснить національность незнакомца, а также и то, „какъ ему нравится эта страна"... Можетъ быть, даже Матвѣй въ тотъ-же вечеръ попалъ-бы въ объятія Дымы, который весь день бѣгалъ съ Падди по городу,—если-бы... въ то время, пока Гопкинсъ возился съ мальчишками,—лозищанинъ не скрылся...

По всему поведенію Гопкинса онъ понялъ, что это полицейскій и даже, повидимому, не изъ послѣднихъ. А эта мысль тотчасъ-же привела за собой другую, Матвѣй вспомнилъ, что его паспортъ остался въ квартирѣ Борка... А такъ какъ онъ не зналъ, что въ этой странѣ даже не понимаютъ хорошенько, что такое паспортъ, — то его подрало по спинѣ. Сначала онъ попятился немного назадъ, потомъ еще, а потомъ, — какъ у насъ говорится, — взялъ ноги за поясъ и пошелъ, не оглядываясь, прочь. Съ тяжелой мыслью въ головѣ, что вотъ онъ теперь, вдобавокъ ко всему, сталъ въ этой сторонѣ безпаспортнымъ бродягой, — онъ смѣшался съ густой толпой на Бродвэѣ.

XVIII.

Тутъ еще разъ лозищанина приласкала надежда. Когда онъ шелъ по людной улицѣ, кто-то тронулъ его за рукавъ тихо и ласково. Рядомъ съ нимъ стоялъ негръ и что-то говорилъ ему, указывая рукою на стулъ, который стоялъ тутъ-же, на панели. Черное, лоснящееся лицо, красныя губы, сверкающіе бѣлки и вьющіеся волосы этого человѣка показались Матвѣю какъ будто знакомыми. Онъ даже подумалъ, — не одинъ-ли это изъ тѣхъ бездѣльниковъ, которые приставали къ нему на улицѣ, въ первый день пріѣзда. Но что-же ему нужно теперь? А можетъ быть, онъ узналъ Матвѣя, можетъ быть, онъ знаетъ Борка и Дыму, можетъ быть, онъ видѣлъ, что они ищутъ его по всему городу и предлагаетъ подождать здѣсь, а самъ пошлетъ когонибудь за пріятелями Матвѣя?

Дѣйствительно, сажая Матвѣя на стулъ, негръ сказалъ что-то своему мальчишкѣ и тотъ внезапно куда-то провалился. Очевидно, побѣжалъ за Дымой или Боркомъ. Матвѣй радостный сѣлъ и кивнулъ негру головой. Лицо чернаго человѣка теперь ему очень понравилось: глаза грустные и ласковые, губы добрыя. Правда, некрасивъ и черенъ, за то привѣтливъ и услужливъ. Онъ тоже кивнулъ Матвѣю головой, присѣлъ у его ногъ и вздумалъ, пока что, почистить Матвѣю сапоги. Матвѣй сначала противился, а потомъ подумалъ, что всякіе есть обычаи на свѣтѣ, пожалуй, какъ-бы

негръ не обидѣлся. И онъ согласился исполнить желаніе добраго человѣка, тѣмъ болѣе, что, дѣйствительно, сапоги совсѣмъ порыжѣли за дорогу. Негръ все также ласково сталъ тереть ноги Матвѣя щетками, мазалъ сапоги ваксой, плевалъ, дышалъ и опять теръ. Минутъ черезъ пять сапоги Матвѣя стали, какъ зеркало. Матвѣй кивнулъ головой и опять усѣлся на стулъ поудобнѣе, но негръ взялъ его за рукавъ и показалъ большимъ пальцемъ на свою ладонь. Матвѣй понялъ, что негръ проситъ „на водку", сошелъ со стула и полѣзъ въ карманъ.

— И стоитъ, — сказалъ онъ громко. — Вѣрно, что стоитъ. За такую услугу не знаю, чего-бы человѣкъ не отдалъ.

И онъ вынулъ изъ кармана двѣ монеты. Негръ взялъ лишь одну.

— Бери еще,—сказалъ Матвѣй добродушно.

Негръ покачалъ головой. „Вотъ вѣдь какой честный народъ",—подумалъ Матвѣй и опять хотѣлъ взгромоздиться на стулъ, но въ это время какой-то господинъ сѣлъ раньше его, а прибѣжавшій мальчишка принесъ негру кружку пива. Негръ сталъ пить пиво, а мальчишка принялся ваксить сапоги новоприбывшаго американца. Волосы у Матвѣя стали подыматься подъ шапкой.

— А Дыма, а Боркъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ старшему негру.

Тотъ повернулся, поглядѣлъ на Матвѣя, потомъ указалъ на его сапоги и сказалъ:

— Уэллъ (хорошо).

— Уэллъ,—вспомнилъ Матвѣй объясненіе Дымы.— Это значитъ „очень хорошо“. Что-же тутъ хорошаго? А, проклятый! Онъ говоритъ, что хорошо вычистилъ мои сапоги. Ему только этого и было нужно...

— Собака ты, черная собака,—подумалъ онъ очень горько.—Человѣкъ на тебя надѣялся, какъ на друга, какъ на брата... какъ на родного отца! Ты мнѣ казался небеснымъ ангеломъ. А вмѣсто всего— ты только вычистилъ мнѣ сапоги...

И бѣдный человѣкъ пошелъ дальше. Сапоги его блестѣли, какъ зеркало, но на душѣ стало еще темнѣе...

XIX.

Такъ вышелъ онъ на берегъ залива. Круглая площадка, на ней—небольшой садикъ, надъ головами прохожихъ вьется по столбамъ дорога, по дорогѣ пробѣжалъ поѣздъ, изогнулся надъ самымъ заливомъ и побѣжалъ дальше берегомъ, скрывшись за угломъ сѣраго дома и кинувши на воду клубъ чернаго дыма. Матвѣй сѣлъ на скамью и сталъ смотрѣть на заливъ. Вода колыхалась, искрилась, сверкала. Невдалекѣ свистнулъ пароходъ и отбѣжалъ отъ берега, нагруженный народомъ. Глаза Матвѣя побѣжали невольно за нимъ. Пароходикъ бѣжалъ прямо къ острову, на которомъ стояла знакомая мѣдная женщина. Мимо острова въ это самое время тихо проплывалъ гигантскій корабль, такой-же, какъ и тотъ, на которомъ пріѣхали лози-

щане. Распущенный флагъ плескался по вѣтру и, казалось, стлался у ногъ мѣдной женщины, которая держала надъ нимъ свой факелъ... Матвѣй смотрѣлъ, какъ европейскій корабль тихо расталкиваетъ своей грудью волны, и на глаза его просились слезы... Какъ недавно еще онъ съ такого-же корабля глядѣлъ до самаго разсвѣта на эту статую, пока на ней угасали огни и лучи солнца начинали золотить ея голову, а Анна тихо спала, склонясь на свой узелъ...

Невдалекѣ отъ этого мѣста стоитъ круглое, невысокое зданіе, вродѣ цирка. Теперь это зданіе уже заколочено, а прежде, еще недавно, здѣсь получали пріютъ эмигранты изъ Европы, пріѣзжавшіе на эмигрантскихъ пароходахъ. Если бы Матвѣй зналъ это, то навѣрное подошелъ бы поближе. А если бы подошелъ, то могъ бы увидѣть, какъ изъ воротъ, веселая и нарядная, выходитъ его сестра Анна, объ руку съ Осипомъ Лозинскимъ. Осипъ одѣтъ, какъ господинъ, такъ же, какъ одѣлся Дыма, только на Осипѣ все уже облежалось и не торчитъ, какъ на коровѣ сѣдло. Они вышли и пошли берегомъ, направо, къ пристанямъ, въ надеждѣ, что, можетъ быть, Матвѣй и Дыма пріѣхали на томъ эмигрантскомъ кораблѣ изъ Германіи, который только что проплылъ мимо „Свободы". А въ это время Матвѣй поднялся и пошелъ налѣво, вдоль берега, за убѣжавшимъ поѣздомъ.

Часа въ 4 страннаго человѣка видѣли опять у моста. Только что прошелъ мостовой поѣздъ, локомотивъ дѣлалъ поворотъ по кругу, съ лѣстницы сходила цѣ-

лая толпа пріѣхавшихъ съ той стороны американцевъ,— и они обратили вниманіе на страннаго человѣка, который, стоя въ серединѣ этого людского потока, кричалъ:

— Кто въ Бога вѣруетъ, спасите!

Но, разумѣется, никто его не понялъ. Если бы такъ крикнулъ кто теперь, въ большомъ американскомъ городѣ, то, навѣрно, ему отозвался бы кто-нибудь изъ толпы, потому что въ послѣдніе годы корабль за кораблемъ привозитъ множество нашихъ: поляковъ, духоборовъ, евреевъ. Они расходятся отсюда по всему побережью, пробуютъ пахать землю въ колоніяхъ, нанимаются въ приказчики, работаютъ на фабрикахъ. Инымъ удается, иные богатѣютъ, иные пристраиваются къ землѣ, и тогда черезъ нѣсколько лѣтъ уже не узнаешь еврейскихъ мальчиковъ, выростающихъ въ здоровыхъ фармерскихъ работниковъ. Но многіе также терпятъ неудачи; тогда, обѣднѣвшіе и испуганные, они опять кидаются въ города, цѣпляются за прежнюю жизнь. Кто разложитъ на телѣжкѣ плохіе ножики и замочки, кто торгуетъ съ рукъ всякой мелочью, кто носитъ книжки съ картинками Нью-Іорка, Ніагары, великой дороги, кто бѣгаетъ на побѣгушкахъ у своей братьи и пріѣзжихъ. Идетъ такой бѣдняга съ дряннымъ товаромъ, порой со спичками, только бы прикрыть чѣмъ-нибудь свое нищенство, идетъ лохматый, оборванный и грязный, съ потускнѣвшими и грустными глазами, и по всему сразу узнаешь нашего еврея, только еще болѣе несчастнаго на чужой сторонѣ, гдѣ жизнь дороже, а удача встрѣчаетъ не всѣхъ.

Но тогда ихъ было еще не такъ много, и на несчастіе Матвѣя ему не встрѣтилось ни одного, когда онъ стоялъ среди толпы и кричалъ, какъ человѣкъ, который тонетъ. Американцы останавливались, взглядывали съ удивленіемъ на страннаго человѣка и шли дальше... А когда опять къ этому мѣсту сталъ подходить полисмэнъ, то Лозинскій опять быстро пошелъ отъ него и скрылся на мосту...

За мостомъ онъ пошелъ все прямо по улицамъ Бруклина. Онъ ждалъ, что за рѣкой кончится этотъ проклятый городъ и начнутся поля, но ему пришлось идти часа три, пока, наконецъ, дома стали меньше, и между ними, на большихъ разстояніяхъ, не потянулись деревья.

Лозинскій вздохнулъ полной грудью и сталъ жадными глазами искать полей съ желтыми хлѣбами или луговъ съ зеленой травой. Онъ разсчиталъ, что, по нашему, теперь травы уже поспѣли для косьбы, а хлѣба должны наливаться, и думалъ про себя:

— А! Подойду къ первому, возьму косу изъ рукъ, взмахну разъ-другой, такъ тутъ уже и безъ языка поймутъ, съ какимъ человѣкомъ имѣютъ дѣло... Да и народъ, работающій около земли, долженъ быть проще, а паспорта навѣрное не спросятъ въ деревнѣ. Только когда, наконецъ, кончится этотъ проклятый городъ?..

Теперь по бокамъ дороги пошли уже скромные коттэджи, въ одинъ и два этажа, на иныхъ висѣли вывѣски, какъ на нашихъ деревенскихъ магазинахъ—по дверямъ и въ окнахъ. Сады становились все чаще, дома все тѣ же, мощеная дорога лежала прямо, точно разо-

стланная на землѣ холстина, надъ которой съ обѣихъ сторонъ склонились зеленыя деревья. Порой на дорогѣ показывался вагонъ, какъ темная коробочка, мелькалъ въ солнечныхъ пятнахъ, выросталъ и прокатывался мимо, и вдали появлялся другой... Порой казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ все это кончится и откроется даль, съ шоссейной дорогой, которая бѣжитъ по полямъ, съ однимъ рядомъ телеграфныхъ столбовъ, съ одинокой почтовой телѣжкой и съ моремъ спѣлыхъ хлѣбовъ по сторонамъ, до самаго горизонта. А тамъ свѣтлая рѣчка, мостикъ, лужокъ—и привѣтливый деревенскій народъ на работѣ.

Но вмѣсто этого, внезапно, цѣлая куча домовъ опять выступала изъ-за зелени, и Матвѣй опять попадалъ въ нихъ, какъ будто въ новый городъ; порой даже среди скромныхъ коттэджей опять подымались гордые дома въ 6 и 7 этажей, а черезъ нѣсколько минутъ опять маленькіе домики и такая же дорога, какъ будто этотъ городъ не можетъ кончиться, какъ будто онъ занялъ уже весь свѣтъ...

И все здѣсь было незнакомо, все не наше. Кое-гдѣ въ садахъ стояла странная зелень, что-то вилось по тычинкамъ, связаннымъ дугами,—и, приглядѣвшись, Матвѣй увидѣлъ кисти винограда...

Наконецъ, въ сторонѣ, мелькнулъ межъ вѣтвей кусокъ черной, какъ бархатъ, пашни. Матвѣй быстро кинулся туда и сталъ смотрѣть съ дороги изъ-за деревьевъ...

Но то, что онъ здѣсь увидѣлъ, облило кровью его

сердце. Это былъ кусокъ плоскаго поля, десятинъ въ 15, огороженнаго не плетнемъ, не тыномъ, не жердями, а желѣзной проволокой, съ колючками. На одномъ краю этого поля дымилась труба завода, закопченнаго и чернаго. На другомъ—стоялъ локомобиль,—красивая и сверкающая машина на колесахъ. Маховое колесо быстро вертѣлось, суетливо стучали поршни, бѣлый паръ вырывался тоненькой, хлопотливой и прерывистой струйкой. Тутъ же, мѣрно волнуясь, плылъ въ воздухѣ приводный канатъ. Прослѣдивъ его глазомъ, Матвѣй увидѣлъ, что съ другого конца пашни, какъ животное, сердито взрывая землю, ползетъ желѣзная машина и грызетъ, и роетъ, и отваливаетъ широкую борозду чернозема.

Матвѣй перекрестился. Всякое дыханіе да хвалитъ Господа! На что же теперь можетъ пригодиться въ этой сторонѣ деревенскій человѣкъ, вотъ такой пахарь, какъ Матвѣй Лозинскій, на что нужна умная лошадь, почтенный волъ, твердая рука, вѣрный глазъ и сноровка? И что же онъ станетъ дѣлать въ этой сторонѣ, если здѣсь такъ пашутъ землю?

Нѣсколько человѣкъ слѣдили за этой работой. Можетъ быть, они пробовали машину, а можетъ быть, обрабатывали поле, но только ни одинъ не былъ похожъ на нашего пахаря. Матвѣй пошелъ отъ нихъ въ другую сторону, гдѣ сквозь зелень блеснула вода...

Онъ жадно наклонился къ ней, но вода была соленая. Это уже было взморье,—и два-три паруса виднѣлись между берегомъ и островомъ. А тамъ, гдѣ

островъ кончался,—надъ линіей воды тянулся чуть видный дымокъ парохода. Матвѣй упалъ на землю, на береговомъ откосѣ, на самомъ краю американской земли, и жадными, воспаленными, сухими глазами смотрѣлъ туда, гдѣ за моремъ осталась вся его жизнь. А дымокъ парохода тихонько таялъ, таялъ и, наконецъ, исчезъ...

Между тѣмъ, за островомъ сѣло солнце. Волна за волной тихо набѣгала на берегъ и пѣна ихъ становилась бѣлѣе, а волны темнѣли. Матвѣю казалось, что онъ спитъ, что это во снѣ тихо плещутся эти странныя волны, угасаетъ заря, полный мѣсяцъ, большой и задумчивый, повисъ въ вечерней мглѣ, лиловой, прозрачной и легкой... Волны все бѣжали и плескались, а на ихъ верхушкахъ, закругленныхъ и зыбкихъ, играли то бѣлая пѣна, то переливы глубокаго синяго неба, то серебристые отблески мѣсяца, то, наконецъ, красные огни фонарей, которые какой-то человѣкъ, сновавшій по водѣ въ легкой лодкѣ, зажигалъ зачѣмъ то въ разныхъ мѣстахъ, надъ моремъ...

Потомъ, опять будто во снѣ, послышались голоса, крики, звонкій смѣхъ. Нѣсколько мужчинъ, женщинъ и дѣвушекъ, въ странныхъ костюмахъ, съ обнаженными руками и ногами до колѣнъ, появились изъ маленькихъ деревянныхъ будокъ, построенныхъ на берегу, и, взявшись за руки, кинулись со смѣхомъ въ волны, расплескивая воду, которая брызгала у нихъ изъ-подъ ногъ тяжелыми каплями, точно расплавленное золото. Еще сильнѣе закачались зыбкіе гребни,

еще быстрѣе запрыгали въ водѣ огни, перемѣшиваясь съ цвѣтными клочками неба и мѣсяца, а лодки подъ фонарями, черныя, точно изъ цѣльнаго угля,—забились и запрыгали на верхушкахъ...

Матвѣю все казалось, что онъ спитъ или грезитъ. Чужое небо, незнакомая красота чужой природы, чужое, непонятное веселье, чужой закатъ и чуждое море—все это разслабляло его усталую душу...

— Господи, Іисусе, святая дѣва...

— Всякое дыханіе... Помилуй меня грѣшнаго.

Потихоньку бормотаніе страннаго человѣка стихало. Онъ дѣйствительно спалъ, откинувшись на спину, на откосѣ...

XX.

Проснулся онъ внезапно, точно кто толкнулъ его въ бокъ,—вскочилъ и, не отдавая себѣ очета, куда и зачѣмъ, пошелъ опять къ дорогѣ. Море совсѣмъ угасло, на берегу никого не было, дорога тоже была пуста. Коттэджи спали, освѣщаемые мѣсяцемъ сверху, спали также высокія незнакомыя деревья съ густою тяжелою зеленью, спало недопаханное квадратное поле, огороженное проволокой, спала прямая дорога, бѣлѣвшая и искрившаяся блѣдною полоской...

Послышался звонъ. Вагонъ вынырнулъ на свѣтъ изъ тѣни деревьевъ и вздрагивая, позванивая, гудя, какъ ночной жукъ, пробѣжалъ мимо. Матвѣй посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Лошадей не было, не было ни трубы,

ни дыма, ни пара. Только наверху, откинувшись спереди назадъ, точно щупальце этого страннаго животнаго изъ стекла, желѣза и дерева,—торчалъ желѣзный стержень съ утолщеніемъ на концѣ. Онъ какъ будто хватался вверху за тонкую проволоку, чуть видную въ темномъ воздухѣ, и всякій разъ, какъ ему встрѣчался узелъ,—на его верхушкѣ вспыхивала яркая, синеватая искра.

Вагонъ уменьшался, стихалъ его гудящій звонъ, и искорки блѣднѣли и угасали вдали, а изъ тѣни уже подходилъ другой, также гудя и позванивая.

Это, должно быть, былъ уже послѣдній и шелъ почти пустой. Полусонный кондукторъ, замѣтивъ одинокую фигуру на дорогѣ, позвонилъ, вагонъ задрожалъ, заскрежеталъ на рельсахъ и замедлилъ ходъ. Кондукторъ наклонился, взялъ Лозинскаго подъ локоть и посадилъ на скамью. Лозинскій подалъ монету, раздался металлическій звонокъ счетчика, и вагонъ опять покатился, а мимо убѣгали назадъ коттэджи, сады, переулки, улицы. Сначала все это спало или засыпало. Потомъ какъ будто пробуждалось, гремѣло, говорило, свѣтилось. На небѣ разливалось зарево. Замелькали окна, уходя все выше и выше къ небу.

— Бриджъ (мостъ),—сказалъ кондукторъ. Матвѣй вышелъ, сожалѣя, что нельзя ѣхать такимъ образомъ вѣчно. Передъ нимъ зіяло опять, точно пещера, устье Бруклинскаго моста. Вверху пыхтя, опять завернулся локомотивъ и подхватилъ поѣздъ. Въ лѣвой сторонѣ вкатывались вагоны канатной дороги, справа выбѣгали

другіе, а рядомъ въѣзжали фургоны и шли рѣдкіе пѣшеходы...

Дойдя до половины моста, Матвѣй остановился. Въ ушахъ у него шумѣло, въ головѣ что-то ворочалось. Мимо бѣжали поѣзда, вагоны, коляски, мостъ гудѣлъ, и было страшно слушать тонкіе свистки пароходовъ, долетавшіе снизу—такъ они казались далеко и глубоко, въ какой-то безднѣ, переполненной снующими огоньками... А въ небо уходили два гигантскихъ пролета, съ которыхъ спускались канаты невиданной толщины. Цѣлая сѣть желѣзныхъ стержней, которые казались Матвѣю съ корабля такой красивой паутинкой, тянулись отъ канатовъ, поддерживая мостъ на вѣсу. Изъ-за нихъ едва можно было разглядѣть рѣку, сливавшуюся съ заливомъ въ одно серебристое сіяніе, въ которомъ утопали и изъ котораго виднѣлись опять огни пароходовъ. И дальше тысячи огней, какъ звѣзды, висѣли надъ водой, уходя вдаль, туда, гдѣ новые огни горѣли въ Нью-Джерси. И среди всего этого моря огня, вдалекѣ, острые глаза Матвѣя едва различили круглую огненную діадему и факелъ свободы. Ему казалось, что онъ видитъ въ синеватомъ свѣтѣ и голову мѣдной женщины, и поднятую руку. Но это уже свѣтилось слабо, чуть-чуть мерцая, какъ недавніе дни съ мечтами о счастьи на чужой сторонѣ...

Въ черной громадѣ пролета, точно нора, свѣтилось оконце мостового сторожа, и самъ онъ, какъ ничтожный свѣтлякъ, выползъ изъ этой норы, съ фонаремъ. Онъ тотчасъ же увидѣлъ на мосту иностранца, а это

всегда нравится американцу. Сторожъ похлопалъ Матвѣя по плечу и сказалъ нѣсколько ободрительныхъ словъ.

— Нельзя-ли у тебя переночевать?—спросилъ Матвѣй усталымъ голосомъ.

— О уэлъ!—отвѣтилъ тотъ по своему и сталъ объяснять Матвѣю, что Америка больше всего остального свѣта, — это извѣстно. Нью-Іоркъ самый большой городъ Америки, а этотъ мостъ самый большой въ Нью-Іоркѣ. Изъ этого Матвѣй, если бы понималъ слова сторожа, могъ бы заключить, чего стоятъ остальные мостишки передъ этимъ.

Потомъ сторожъ поглядѣлъ въ глаза страннаго человѣка, прочелъ въ нихъ тоску, вмѣсто удивленія, и мысли его приняли другое направленіе... Конечно, если уже человѣку жизнь не мила, то, пожалуй, лестно кинуться съ самаго большого моста въ свѣтѣ, но, во-1-хъ, это трудно, — не перелѣзешь черезъ эту сѣть проволокъ и канатовъ, а во-вторыхъ, мостъ построенъ совсѣмъ не для того. Все это сторожъ объяснилъ Матвѣю, а затѣмъ довольно рѣшительно повернулъ его и сталъ провожать, поталкивая сзади. Впрочемъ, странный человѣкъ пошелъ покорно, какъ заведенная машина, туда, гдѣ надъ городомъ стояло зарево и, точно вѣнецъ, плавало въ воздухѣ кольцо электрическихъ огней надъ зданіемъ газетнаго дома...

За мостомъ онъ уже безъ приглашенія кондуктора взобрался въ вагонъ, на которомъ стояла надпись: Central park. Спокойное сидѣніе и ровный бѣгъ вагона

манили невольно безпріютнаго человѣка, а куда ѣхать,— ему было теперь все равно. Только-бы ѣхать, чѣмъ дальше, тѣмъ лучше, не думая ни о чемъ, давая отдыхъ усталымъ ногамъ, пока дремота налетаетъ вмѣстѣ съ ровнымъ постукиваніемъ колесъ...

Ему было очень непріятно, когда постукиваніе вдругъ прекратилось, и передъ нимъ всталъ кондукторъ, взявшій его за рукавъ. Онъ опять вынулъ деньги, но кондукторъ сказалъ — No, — и показалъ рукой, что надо выйти.

Матвѣй вышелъ, а пустой вагонъ какъ-то радостно закатился по кругу. Кондукторъ гасилъ на ходу огни, окна вагона точно зажмуривались, и скоро Матвѣй увидѣлъ, какъ онъ вкатился во дворъ станціи и сталъ подъ навѣсомъ, гдѣ, покрытые тѣнью, отдыхали другіе такіе-же вагоны...

Здѣсь было довольно тихо. Луна стала совсѣмъ маленькая, и синяя ночь была довольно темна, хотя на небѣ виднѣлись звѣзды, и большая, еще не застроенная площадь около Центральнаго парка смутно бѣлѣла подъ серебристыми лучами... Далекіе дома перемежались съ пустырями и заборами, и только въ одномъ мѣстѣ какой-то гордый человѣкъ вывелъ домъ этажей въ шестнадцать, высившійся черною громадой, весь обставленный еще лѣсами... Эта вавилонская башня рѣзко рисовалась на заревѣ отъ освѣщеннаго города...

До ушей Матвѣя донесся шумъ деревьевъ. Лѣсъ всегда тянетъ къ себѣ безпріютнаго бродягу, а Матвѣй Лозинскій чувствовалъ себя настоящимъ бродягой.

Поэтому онъ быстро повернулся и пошелъ къ парку. Если-бы кто смотрѣлъ на него въ это время съ площади, то могъ-бы видѣть, какъ бѣлая одежда то теряется въ тѣни деревьевъ, то мелькаетъ опять на мѣсячномъ свѣтѣ.

Онъ шелъ такъ нѣсколько минутъ и вдругъ остановился. Передъ нимъ поднималась въ чащѣ огромная клѣтка изъ тонкой проволоки, точно колпакомъ покрывшая дерево. На вѣтвяхъ и перекладинахъ сидѣли и тихо дремали птицы, казавшіяся какими-то сѣрыми комками. Когда Матвѣй подошелъ поближе, большой коршунъ поднялъ голову, сверкнулъ глазами и лѣниво расправилъ крылья. Потомъ опять усѣлся и втянулъ голову между плечъ.

Матвѣй отошелъ, боясь, чтобы птицы не подняли возню. Онъ ступалъ тихо и оглядывался, ища себѣ пріюта. Вскорѣ передъ нимъ забѣлѣло продолговатое зданіе. Половина его была темная и Матвѣю показалось, что это какой-нибудь сарай, гдѣ можно свернуться и заснуть до утра. Но, подойдя, онъ опять увидѣлъ желѣзную рѣшетку, отъ которой отскочилъ въ испугѣ. Изъ-за нея сверкнули на него огнемъ два глаза. Большой сѣрый волкъ стоялъ надъ спящею волчицей и зорко слѣдилъ за подозрительнымъ человѣкомъ въ бѣлой одеждѣ, который бродитъ неизвѣстно зачѣмъ ночью около звѣринаго жилья.

Въ то же время откуда-то изъ тѣни человѣческій голосъ сказалъ что-то по-англійски рѣзко и сердито. Матвѣю этотъ окрикъ показался хуже ворчанія лѣсного

звѣря. Онъ вздрогнулъ и пугливо пошелъ опять къ опушкѣ. Тутъ онъ остановился и погрозилъ кулакомъ. Кому? Неизвѣстно, но человѣкъ безъ языка чувствовалъ, что и въ немъ просыпается что-то волчье...

XXI.

Легкое журчаніе воды потянуло его дальше. Это струился въ бассейнъ неплотно запертый фонтанъ. Вода сочилась кверху, будто сонная, и, то поднимаясь, то падая совсѣмъ низко, струйка звенѣла и плескалась. Матвѣй склонился къ водоему и сталъ жадно пить. Потомъ онъ снялъ шапку и перекрестился, рѣшившись лечь тутъ же въ кустахъ. Издалека, въ тишинѣ ночи, до него донесся свистокъ... Ему показался онъ звукомъ изъ какого-то другого міра. Онъ самъ когда-то тоже пріѣхалъ на пароходѣ... Можетъ быть, это еще такой же пароходъ изъ старой Европы, на которомъ люди пріѣхали искать въ этой Америкѣ своего счастья,—и теперь смотрятъ на огромную статую съ поднятой рукой, въ которой чуть не подъ облаками свѣтится факелъ... Только теперь лозищанину казалось, что онъ освѣщаетъ входъ въ огромную могилу.

Съ сокрушеніемъ, снявъ шапку и глядя въ звѣздное небо, онъ сталъ молиться готовыми словами вечернихъ молитвъ. Небо тихо горѣло своими огнями въ бездонной синевѣ и казалось ему чужимъ и далекимъ. Онъ вздохнулъ, бережно положилъ около себя кусокъ хлѣба, съ которымъ все не разставался,—и легъ въ

кусты. Все стихло, все погасло, все заснуло на площади, около звѣринца и въ паркѣ. Только плескалась струйка воды, да гдѣ-то вскрикивала въ клѣткѣ ночная птица, да въ кустахъ шевелилось что-то бѣлое, и порой человѣкъ бормоталъ во снѣ что-то печальное и сердитое, можетъ быть, молитву, или жалобы, или проклятія.

Ночь продолжала тихій бѣгъ надъ землей. Поплыли въ высокомъ небѣ бѣлыя облака, совсѣмъ похожія на наши. Луна закатилась за деревья; становилось свѣжѣе и какъ будто свѣтлѣло. Отъ земли чувствовалась сырость...

Тутъ съ Матвѣемъ случилось небольшое происшествіе, котораго онъ не забылъ во всю свою послѣдующую жизнь, и хотя онъ не могъ считать себя виноватымъ, но все же оно камнемъ лежало на его совѣсти.

Онъ начиналъ дремать, какъ вдругъ раздвинулись кусты, и какой-то человѣкъ остановился надъ нимъ, заглядывая въ его ночное убѣжище.

Часъ былъ сѣрый, сумеречный. Матвѣй плохо видѣлъ лицо незнакомца. Впослѣдствіи ему припоминалось, что лицо было блѣдно, а большіе глаза смотрѣли страдающе и грустно...

Очевидно, это былъ тоже ночной бродяга, какой-нибудь несчастливецъ, которому, видно, не повезло въ этотъ день, а можетъ, не везло уже много дней и теперь не было нѣсколькихъ центовъ, чтобы заплатить за ночлегъ. Можетъ быть, это былъ тоже человѣкъ безъ языка, какой-нибудь бѣдняга-итальянецъ, одинъ изъ тѣхъ, что идутъ сюда цѣлыми стадами изъ своей бла-

гословенной страны, бѣдные, темные, какъ и наши, и съ такой же тоской о покинутой родинѣ, о родной бѣдѣ, подъ роднымъ небомъ... Одинъ изъ безработныхъ, выкинутыхъ этимъ огромнымъ потокомъ, который лишь ненадолго затихъ тамъ, въ той сторонѣ, гдѣ высились эти каменныя вавилонскія башни и зарево огней тихо догорало, какъ будто и оно засыпало передъ разсвѣтомъ. Можетъ быть, и этого человѣка грызла тоска; можетъ быть, его уже не носили ноги; можетъ быть, его сердце уже переполнилось тоской одиночества; можетъ быть, его просто томилъ голодъ, и онъ радъ бы былъ куску хлѣба, которымъ могъ бы съ нимъ подѣлиться Лозинскій. Можетъ быть, и онъ могъ бы указать лозищанину какой-нибудь выходъ...

Можетъ быть... Мало ли что можетъ быть! Можетъ быть, эти два человѣка нашли бы другъ въ другѣ братьевъ до конца своей жизни, если бы они обмѣнялись нѣсколькими братскими словами въ эту теплую, сумрачную, тихую и печальную ночь на чужбинѣ...

Но человѣкъ безъ языка шевельнулся на землѣ такъ, какъ недавно шевельнулся ему навстрѣчу волкъ въ своей клѣткѣ. Онъ подумалъ, что это тотъ, чей голосъ онъ слышалъ недавно, такой рѣзкій и враждебный. А если и не тотъ самый, то, можетъ быть, садовый сторожъ, который прогонитъ его отсюда...

Онъ поднялъ голову съ враждой на душѣ, и четыре человѣческихъ глаза встрѣтились съ выраженіемъ недовѣрія и испуга...

— Джерменъ?—спросилъ незнакомецъ глухимъ го-

лосомъ... — Френчъ? Тэдеско, итальяно?.. (германецъ? французъ? итальянецъ?)

— Что тебѣ нужно?—отвѣтилъ Матвѣй.—Неужели и здѣсь не дашь человѣку минутку покоя?..

Они еще обмѣнялись нѣсколькими фразами. Голоса обоихъ звучали сердито и враждебно...

Незнакомецъ тихо выпустилъ вѣтку, кусты сдвинулись, и онъ исчезъ.

Онъ исчезъ, и шаги его стали стихать... Матвѣй быстро приподнялся на локтѣ съ какимъ-то испугомъ. „Уходитъ,—подумалъ онъ.—А что же будетъ дальше"... И ему захотѣлось вернуть этого человѣка. Но потомъ онъ подумалъ, что вернуть нельзя, да и незачѣмъ. Все равно—не пойметъ ни слова.

Онъ слушалъ, какъ шаги стихали, потомъ стихли, и только деревья что-то шептали передъ разсвѣтомъ въ сгустившейся темнотѣ... Потомъ съ моря надвинулась мглистая туча и пошелъ тихій дождь, недолгій и теплый, покрывшій весь паркъ шорохомъ капель по листьямъ.

Сначала этотъ шорохъ слышали два человѣка въ Центральномъ паркѣ, а потомъ только одинъ...

Другого на утро ранняя заря застала висящимъ на одномъ изъ шептавшихъ деревьевъ, съ страшнымъ, посинѣвшимъ лицомъ и застывшимъ стекляннымъ взглядомъ.

Это былъ тотъ, что подходилъ къ кустамъ, заглядывая на лежавшаго лозищанина. Человѣкъ безъ языка увидѣлъ его первый, поднявшись съ земли отъ холода,

отъ сырости, отъ тоски, которая гнала его съ мѣста. Онъ остановился передъ нимъ, какъ вкопанный, невольно перекрестился и быстро побѣжалъ по дорожкѣ, съ лицомъ, блѣднымъ, какъ полотно, и съ испуганными, сумасшедшими глазами... Можетъ быть, ему было жалко, а можетъ быть также... онъ боялся попасть въ свидѣтели... Что онъ скажетъ, онъ, человѣкъ безъ языка, безъ паспорта судьямъ этой проклятой стороны?..

Въ это время его увидѣлъ сторожъ, который, зѣвая, потягивался подъ своимъ навѣсомъ. Онъ подивился на странную одежду огромнаго человѣка, вспомнилъ, что какъ будто видѣлъ его ночью около волчьей клѣтки, и потомъ съ удивленіемъ разсматривалъ огромные слѣды огромныхъ сапогъ лозищанина на сырой, песчаной дорожкѣ...

XXII.

Въ это утро безработные города Нью-Іорка рѣшили устроить митингъ. Часъ былъ назначенъ ранній, такъ, чтобы шествіе обратило вниманіе всѣхъ, кто самъ спѣшитъ на работу, въ конторы, на фабрики и въ мастерскія.

О предстоящемъ митингѣ уже за недѣлю писали въ газетахъ, сообщая его программу и имена ораторовъ Предвидѣли, что толпа можетъ „выйти изъ порядка“, интервьюировали директора полиціи и вожаковъ рабочаго движенія. Газеты биржевиковъ и Тамани-холла громили „агитаторовъ“, утверждая, что только ино-

странцы да еще лѣнтяи и пьяницы остаются безъ работы въ этой свободной странѣ. Рабочія газеты возражали, но тоже призывали къ достоинству, порядку и уваженію къ законамъ. „Не давайте противникамъ повода обвинять васъ въ некультурности“ — писали извѣстные вожаки рабочаго движенія.

Газета „Sun“, одна изъ наиболѣе распространенныхъ, обѣщала самое подробное описаніе митинга въ нѣсколькихъ его фазахъ, для чего каждые полчаса должно было появляться спеціальное прибавленіе. Одинъ изъ репортеровъ былъ поэтому командированъ раннимъ утромъ, чтобы дать замѣтку: „Центральный паркъ передъ началомъ митинга“.

Ему очень повезло. Прежде всего, обѣгая всѣ закоулки парка, онъ наткнулся на Матвѣя и тотчасъ-же нацѣлился въ него своимъ фотографическимъ аппаратомъ. И хотя Матвѣй быстро отъ него удалился, но онъ успѣлъ сдѣлать моментальный снимокъ, къ которому намѣревался прибавить подпись: „первый изъ безработныхъ, явившійся на митингъ“. Онъ представлялъ себѣ, какъ подхватятъ эту фигуру газеты, враждебныя рабочему движенію: „первымъ явился какой-то дикарь въ фантастическомъ костюмѣ. Наша страна существуетъ не для такихъ субъектовъ“...

Затѣмъ, зоркій глазъ репортера замѣтилъ въ чащѣ висящее тѣло. Надо отдать справедливость этому газетному джентльмэну: первой его мыслью было,—что, можетъ быть, несчастный еще живъ. Поэтому, подбѣжавъ къ трупу, онъ вынулъ изъ кармана свой ножикъ,

чтобы обрѣзать веревку. Но, пощупавъ совершенно охладѣвшую руку,—спокойно отошелъ на нѣсколько шаговъ и, выбравъ точку,—набросалъ снимокъ въ альбомъ... Это должно было тоже произвести впечатлѣніе,—хотя уже съ другой стороны. Это подхватятъ рабочія газеты... „Человѣкъ, который явился на митингъ еще ранѣе... Еще одна жертва нужды въ богатѣйшей странѣ міра“... Во всякомъ случаѣ замѣтка вызоветъ общую сенсацію, и редакція будетъ довольна.

Дѣйствительно, и замѣтка, и изображеніе мертваго тѣла появились въ газетѣ ранѣе, чѣмъ о происшествіи стало извѣстно полиціи. По странной оплошности („что, впрочемъ, можетъ случиться даже съ отличной полиціей“—писали впослѣдствіи въ нѣкоторыхъ газетахъ)—толпа уже стала собираться и тоже замѣтила тѣло, а полиція все еще не знала о происшествіи...

Матвѣй Лозинскій, ничего, конечно, не читавшій о митингѣ, увидѣлъ, что къ парку съ разныхъ сторонъ стекается народъ. По площади, изъ улицъ и переулковъ шли кучами какіе-то люди въ пиджакахъ, правда, довольно потертыхъ, въ сюртукахъ, правда, довольно засаленныхъ, въ шляпахъ, правда, довольно измятыхъ, въ крахмальныхъ, правда, довольно грязныхъ рубахахъ. Общій видъ этой толпы, изможденныя, порой бородатыя лица производили на Лозинскаго успокоительное впечатлѣніе. Онъ чувствовалъ что-то какъ будто родственное и симпатичное. Всѣ они собирались къ фонтану, затѣмъ узнавали о самоубійствѣ и, какъ муравьи, тол-

пились около этого мѣста, сумрачные, озлобленные, печальные.

Лозинскій теперь смѣлѣе вышелъ на площадку, около которой расположилась группа черномазыхъ и густоволосыхъ людей, еще болѣе оборванныхъ, чѣмъ остальные. Глаза у нихъ были, какъ сливы, лица смуглыя, порой остроконечныя шляпы съ широкими полями, а языкъ звучалъ, какъ музыка—мягко и мелодично. Это были итальянцы. Они напомнили Матвѣю словаковъ, заходившихъ въ Лозищи изъ Карпатъ, и онъ довѣрчиво попытался заговорить съ ними. Но и тутъ его никто не понялъ. Итальянцы лѣниво поворачивали къ нему головы; одинъ подошелъ, пощупалъ его бѣлую свиту и съ удивленіемъ щелкнулъ языкомъ. Потомъ онъ съ удовольствіемъ ощупалъ мускулы его рукъ и сказалъ что-то товарищамъ, которые выразили свое одобреніе шумными криками... Но больше ничего отъ нихъ Матвѣй не добился... Онъ замѣтилъ только, что глаза у нихъ сверкаютъ, какъ огонь, а у иныхъ, подъ куртками у поясовъ, висятъ небольшіе ножи.

Вскорѣ толпа залила уже всю площадку. Надъ ней стояла тонкая пыль, залегавшая, какъ туманъ, между зеленью, и сплошной гулъ голосовъ носился надъ людскими головами...

Около дерева, гдѣ висѣлъ человѣкъ, началось движеніе. Суровые и важные, туда прошли полисмэны въ своихъ сѣрыхъ шляпахъ. Надъ ними смѣялись, ихъ закидали враждебными криками и остротами, показывая номеръ газеты, но они не обращали на это вни-

манія. Только около самаго дерева произошло какое-то замѣшательство,—сѣрыя каски какъ-то странно толклись между черными, рыжими и пестрыми шляпенками, потомъ подымались кверху и опускались деревянныя палки и что-то суетливо топталось и шарахалось. Потомъ мертвое тѣло колыхнулось, голова мертвеца вдругъ выступила изъ тѣни въ свѣтлое пятно, потомъ поникла, а тѣло, будто произвольно, тихо опустилось вровень съ толпой.

Матвѣй снялъ шапку и перекрестился. А въ это время, съ другой стороны, съ площади, послышались вдругъ звуки музыки. Повернувъ туда голову, лозищанинъ увидѣлъ, что изъ переулка, на той сторонѣ площади, около большой постройки, выкатился клубъ золотистой пыли и покатился къ парку. Точно гнали стадо, или шло большое войско. А изъ облака неслись звуки музыки, то стихая, — и тогда слышался какъ будто одинъ только гулкій топотъ тысячи ногъ,—то вдругъ вылетая впередъ визгомъ кларнетовъ и мѣдныхъ трубъ, стукомъ барабановъ и звономъ литавровъ. Впереди бѣжали двумя рядами уличные мальчишки, и высокій тамбуръ-мажоръ шагалъ, выдѣлывая тактъ большимъ жезломъ. За нимъ двигались музыканты, съ раздутыми и красными щеками, въ каскахъ съ перьями, въ цвѣтныхъ мундирахъ съ огромными эполетами на плечахъ, расшитые и изукрашенные до такой степени, что, кажется, не оставалось на нихъ ни клочка, чѣмъ нибудь не расцвѣченнаго, не завѣшаннаго какимъ-нибудь галуномъ или позументомъ.

Матвѣй думалъ, что далѣе онъ увидитъ отрядъ войска. Но, когда пыль стала ближе и прозрачнѣе, онъ увидѣлъ, что за музыкой идутъ сначала рядами, а потомъ какъ попало, въ безпорядкѣ—все такіе же пиджаки, такія-же мятыя шляпы, такія-же пыльныя и полинялыя фигуры. А впереди всей этой пестрой толпы, высоко надъ ея головами, плыветъ и колышется знамя, укрѣпленное на высокой платформѣ на колесахъ. Кругомъ знамени, точно стража, съ десятокъ людей двигались вмѣстѣ съ толпой...

Гремя, стуча, колыхаясь, подъ яркіе звуки марша, подъ неистовые крики и свистъ ожидавшаго народа, знамя подошло къ фонтану и стало. Складки его колыхнулись и упали, только ленты шевелились по вѣтру, да порой полотнище плескалось, и на немъ струились золотыя буквы...

Тогда въ толпѣ поднялся настоящій шабашъ. Одни звали новоприбывшихъ къ дереву, гдѣ недавно висѣлъ самоубійца, другіе хотѣли остаться на заранѣе назначенномъ мѣстѣ. Знамя опять колыхнулось, платформа поплыла за толпой, но скоро вернулась назадъ, отраженная плотно сомкнувшимся у дерева отрядомъ полиціи.

Когда пыль, поднятую этой толкотней, пронесло дальше, къ площади, знамя опять стояло неподвижно, а подъ знаменемъ всталъ человѣкъ съ открытой головой, длинными, откинутыми назадъ волосами и черными сверкающими глазами южанина. Онъ былъ невеликъ ростомъ, но возвышался надъ всею толпой на своей

платформѣ, и у него былъ удивительный голосъ, сразу покрывшій говоръ толпы. Это былъ мистеръ Чарльзъ Гомперсъ, знаменитый ораторъ рабочаго союза.

Толпа вся стихла, когда, протянувъ руку къ дереву, гдѣ еще недавно висѣлъ самоубійца, онъ сказалъ негромко, но съ какой-то особенной торжественной внятностью:

— Прежде всего отдадимъ почетъ одному изъ нашихъ товарищей, который еще этой ночью изнемогъ въ трудной борьбѣ.

Надъ многотысячной толпой точно пронесся вѣтеръ, и безчисленныя шляпы внезапно замелькали въ воздухѣ. Головы обнажились... Складки знамени рванулись и заплескались среди гробовой тишины печально и глухо. Потомъ Гомперсъ началъ опять свою рѣчь.

Въ груди у Матвѣя что-то дрогнуло. Онъ понялъ, что этотъ человѣкъ говоритъ о *немъ*, о томъ, кто ходилъ этой ночью, по парку, несчастный и безпріютный, какъ и онъ, Лозинскій, какъ и всѣ эти люди съ истомленными лицами. О томъ, кого, какъ и ихъ всѣхъ, выкинулъ сюда этотъ безжалостный городъ, о томъ, кто недавно спрашивалъ у него о чемъ-то глухимъ голосомъ... О томъ, кто бродилъ здѣсь со своей глубокой тоской и кого теперь уже нѣтъ на этомъ свѣтѣ.

Было слышно, какъ вѣтеръ тихо шелеститъ листьями, было слышно, какъ порой тряхнется и глухо ударитъ по вѣтру своими складками огромное полотнище знамени... А рѣчь человѣка, стоявшаго выше всѣхъ,

съ обнаженной головой, продолжалась, плавная, задушевная и печальная...

Потомъ онъ повернулся и протянулъ руку къ городу, гнѣвно и угрожающе.

И въ толпѣ будто стукнуло что-то разомъ во всѣ сердца,—произошло внезапное движеніе. Всѣ глаза повернулись туда-же, а итальянцы приподнимались на цыпочкахъ, сжимая свои грязные, загорѣлые кулаки, вытягивая свои жилистыя руки.

А городъ, объятый тонкою мглою собственныхъ испареній, стоялъ спокойно, будто тихо дыша и продолжая жить своею обычною, ничѣмъ не возмутимою жизнью. По площади тянулись вагоны, грохотали экспрессы, пыхтѣлъ гдѣ-то въ туннелѣ быстрый поѣздъ... Вѣтеръ несъ надъ площадью пыльное облако. Облако это точно лента, пронизанная солнцемъ,—повисло въ половинѣ огромнаго не достроеннаго дома, напоминавшаго вавилонскую башню. Вверху среди лѣсовъ и настилокъ копошились, какъ муравьи, занятые постройкой рабочіе, а снизу то и дѣло подымались огромныя тяжести... Подымались, исчезали въ облакѣ пыли и опять плыли кверху, между тѣмъ, какъ внизу гигантскіе краны безшумно ворочались на своихъ основаніяхъ, подхватывая все новыя платформы съ глыбами кирпичей и гранита...

И на все это свѣтило яркое солнце веселаго яснаго дня.

Въ груди лозищанина подымалось что-то незнакомое, неиспытанное, сильное. Въ первый еще разъ на амери-

канской землѣ онъ стоялъ въ толпѣ людей, чувство которыхъ ему было понятно, было въ то же время и его собственнымъ чувствомъ. Это нравилось ему, это его какъ-то странно щекотало, это его подмывало на что-то. Ему захотѣлось еще большаго, ему захотѣлось, чтобы и его увидѣли, чтобы узнали и его исторію, чтобы эти люди поняли, что и онъ ихъ понимаетъ, чтобы они оказали ему участіе, которое онъ чувствуетъ теперь къ нимъ. Ему хотѣлось еще чего-то сраннаго, необычнаго, опьяняющаго, ему казалось, что сейчасъ будетъ что-то, отъ чего станетъ лучше всѣмъ, и ему, лозищанину, затерявшемуся, точно иголка, на чужой сторонѣ. Онъ не зналъ, куда онъ хочетъ идти, что онъ хочетъ дѣлать, онъ забылъ, что у него нѣтъ языка и паспорта, что онъ бродяга въ этой странѣ. Онъ все забылъ и, ожидая чего-то, все проталкивался впередъ, опьяненный, послѣ одиночества, сознаніемъ своего единенія съ этой огромной массой въ какомъ-то общемъ чувствѣ, которое билось и трепетало здѣсь, какъ море въ крутыхъ берегахъ. Онъ какъ-то кротко улыбался, говорилъ что-то тихо, но быстро, и все проталкивался впередъ, туда, гдѣ подъ знаменемъ стоялъ человѣкъ, такъ хорошо понимавшій всѣ чувства, такъ умѣло колыхавшій ихъ своимъ глубокимъ, проникающимъ голосомъ...

XXIII.

Совершенно неизвѣстно, что сдѣлалъ бы Матвѣй Лозинскій, если-бы ему удалось подойти къ самой платформѣ, и чѣмъ-бы онъ выразилъ оратору, мистеру Гомперсу, волновавшія его чувства. Въ той мѣстности, откуда онъ былъ родомъ, люди, носящіе сермяжныя свиты, имѣютъ обыкновеніе выражать свою любовь и уваженіе къ людямъ въ сюртукахъ—посредствомъ низкихъ, почти до земли, поклоновъ и цѣлованья руки. Очень можетъ быть, что мистеръ Гомперсъ получилъ бы это проявленіе удивленія къ своему ораторскому искусству, если-бы роковой случай не устроилъ это дѣло иначе, а именно такъ, что ранѣе мистера Гомперса, предсѣдателя рабочихъ ассоціацій и искуснаго оратора, на пути лозищанина оказался мистеръ Гопкинсъ, бывшій боксеръ и полисмэнъ. Мистеръ Гопкинсъ, на ряду съ другими людьми въ сѣрыхъ каскахъ и съ клобами въ рукахъ,—стоялъ неподвижно, какъ статуя, и, разумѣется, не былъ тронутъ краснорѣчіемъ мистера Гомперса. Нью-Іоркская полиція отлично знала этого популярнаго джентльмэна и дѣйствіе его краснорѣчія оцѣнивала съ своей точки зрѣнія. Она знала, что мистеръ Гомперсъ человѣкъ очень искусный и никогда въ своихъ рѣчахъ не „выйдетъ изъ порядка“. Но за-то—таково было обычное дѣйствіе его слова,—слушатели выходили изъ порядка слишкомъ часто. Безработные всегда склонны къ этому въ особенности, а сегодня, вдобавокъ, отъ этого прокля-

таго дерева, на которомъ полиція прозѣвала повѣсившагося бѣднягу и позволила ему висѣть „внѣ всякаго порядка“ слишкомъ долго,—на толпу вѣяло чѣмъ-то особеннымъ. Между тѣмъ, давно уже не бывало митинга такого многолюднаго, и каждому полисмэну, въ случаѣ свалки, приходилось бы имѣть дѣло одному на сто.

Въ такихъ случаяхъ, полиція держится крѣпко насторожѣ, слѣдя особенно за иностранцами. Пока все въ порядкѣ,—а въ порядкѣ все, пока дѣло ограничивается словами, хотя-бы и самыми страшными, и жестами, хотя-бы очень драматическими,—до тѣхъ поръ полисмэны стоятъ въ своихъ сѣрыхъ шляпахъ, позволяя себѣ порой даже знаки одобренія въ особенно удачныхъ мѣстахъ рѣчи. Но лишь только въ какой-нибудь части толпы явится стремленіе перейти къ дѣлу и „выйти изъ порядка“—полиція тотчасъ-же занимаетъ выгодную позицію нападающей стороны. И клобы пускаются въ ходъ быстро, рѣшительно, съ самой прискорбной неожиданностью. И толпа—порой тысячъ въ двадцать—отступаетъ передъ сотней-другою палокъ, при чемъ задніе бѣгутъ, закрывая, на всякій случай, головы руками...

Матвѣй Лозинскій, разумѣется, не зналъ еще, къ своему несчастью, мѣстныхъ обычаевъ. Онъ только шелъ впередъ, съ раскрытымъ серцемъ, съ какими-то словами на устахъ, съ надеждой въ душѣ. И когда къ нему внезапно повернулся высокій господинъ въ сѣрой шляпѣ, когда онъ увидѣлъ, что это опять вче-

рашній полицейскій,—онъ излилъ на него все то чувство, которое его теперь переполняло: чувство огорченія и обиды, безпомощности и надежды на чью-то помощь. Однимъ словомъ, онъ поклонился и хотѣлъ поймать руку мистера Гопкинса своими губами.

Мистеръ Гопкинсъ отскочилъ шагъ назадъ и—клобъ свистнулъ въ воздухѣ... Въ толпѣ рѣзко прозвучалъ первый ударъ...

Лозищанинъ внезапно поднялся, какъ разъяренный медвѣдь... По лицу его текла кровь, шапка свалилась, глаза стали дикіе. Онъ былъ страшнѣе, чѣмъ въ тотъ разъ въ комнатѣ Борка. Только теперь не было уже человѣческой силы, которая была бы въ состояніи сдержать его. Неожиданное оскорбленіе и боль переполнили чашу терпѣнія въ душѣ большого, сильнаго и кроткаго человѣка. Въ этомъ ударѣ для него вдругъ сосредоточилось все то, что онъ пережилъ, перечувствовалъ, перестрадалъ за это время, вся ненависть и гнѣвъ бродяги, котораго, наконецъ, затравили, какъ дикаго звѣря.

Неизвѣстно, зналъ ли мистеръ Гопкинсъ индѣйскій ударъ, какъ Падди, во всякомъ случаѣ и онъ не успѣлъ примѣнить его во время. Передъ нимъ поднялось что-то огромное и дикое, поднялось, навалилось—и полисмэнъ Гопкинсъ упалъ на землю, среди толпы, которая вся уже волновалась и кипѣла... За Гопкинсомъ послѣдовалъ его ближайшій товарищъ, а черезъ нѣсколько секундъ огромный человѣкъ, въ невиданной одеждѣ, лохматый и дикій, одинъ опрокинулъ ближайшую цѣпь полицейскихъ города Нью-Іорка... За нимъ, съ гром-

кими криками и горящими глазами первые кинулись итальянцы. Американцы оставались около знамени, гдѣ мистеръ Гомперсъ напрасно надрывалъ грудь призывами къ порядку, указывая въ то же время на одну изъ надписей: „порядокъ, достоинство, дисциплина"!

Черезъ минуту вся полиція была смята, и толпа кинулась на площадь...

Была одна минута, когда, казалось, городъ дрогнулъ подъ вліяніемъ того, что происходило около Central park'а... Уѣзжавшіе вагоны заторопились, встрѣчные остановились въ нерѣшимости, перестали вертѣться краны, и люди на постройкѣ перестали ползать взадъ и впередъ... Рабочіе смотрѣли съ любопытствомъ и сочувствіемъ на толпу, ѳпрокинувшую полицію и готовую ринуться черезъ площадь на ближайшія зданія и улицы.

Но это была только минута. Площадь была во власти толпы, но толпа совершенно не знала, что ей дѣлать съ этой площадью. Между тѣмъ, большинство осталось около знамени и понемногу голова толпы, которая, точно змѣя, потянулась было по направленію къ городу,—опять притянулась къ туловищу. Затѣмъ, послѣ короткаго размышленія,—вожаки рѣшили, что митингъ сорванъ, и, составивъ наскоро резолюцію, протестующую противъ дѣйствій полиціи, они двинулись обратно. Впереди, какъ ни въ чемъ не бывало, опять выстроился наемный оркестръ, и облако пыли опять покатилось вмѣстѣ съ музыкой черезъ площадь. А за нимъ сомкнутымъ строемъ шли оправившіеся полицейскіе, ободрительно помахивая клобами и поощряя отстававшихъ...

Черезъ полчаса паркъ опустѣлъ; подъемные краны опять двигались на своихъ основаніяхъ, рабочіе опять сновали чуть не подъ облаками на постройкѣ, опять мѣрно прокатывались вагоны, и проѣзжавшіе въ нихъ люди только изъ вечернихъ газетъ узнали о томъ, что было полчаса назадъ на этомъ мѣстѣ. Только сторожа ходили около фонтана, качая головами и ругаясь за помятые газоны...

XXIV.

Нѣсколько дней газеты города Нью-Іорка, благодаря лозищанину Матвѣю Лозинскому, работали очень бойко. Въ его честь типографскія машины сдѣлали сотни тысячъ лишнихъ оборотовъ, сотни репортеровъ сновали за извѣстіями о немъ по всему городу, а на площадкахъ, передъ огромными зданіями газетъ „World", „Tribune", „Sun" и „Herald"—толпились лишнія сотни газетныхъ мальчишекъ. На одномъ изъ этихъ зданій, Дыма, все еще рыскавшій по городу въ надеждѣ встрѣтиться съ товарищемъ, увидѣлъ экранъ, на которомъ висѣло объявленіе:

ДИКАРЬ ВЪ НЬЮ-ІОРКѢ!

Происшествіе на митингѣ безработныхъ. Кафръ, патагонецъ или славянинъ?

Сильнѣе полисмэна Гопкинса.

УГРОЗА ЦИВИЛИЗАЦІИ.

Оскорбленіе законовъ этой страны!

Мы дадимъ портретъ дикаря, убившаго полисмэна Гопкинса.

Черезъ часъ листы уже летѣли въ толпу мальчишекъ, которые тотчасъ же ринулись во всѣ стороны. Они шныряли подъ ногами лошадей, вскакивали на ходу въ вагоны электрической дороги, черезъ полчаса были уже на концѣ подземной дороги и въ предмѣстьяхъ Бруклина, — и всюду раздавались ихъ звонкіе крики:

„Дикарь въ Нью-Іоркѣ!.. Портретъ дикаря на митингѣ безработныхъ!.. Оскорбленіе законовъ этой страны!“

Газетный джентльмэнъ, нарисовавшій вчера фантастическое изображеніе дикаря, купающаго свою семью въ городскомъ водоемѣ, не подозрѣвалъ, что его рисунокъ получитъ столь скорое примѣненіе. Теперь это талантливое произведеніе красовалось въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, и серьезные американцы, возвращавшіеся изъ своихъ конторъ, развертывали на ходу газету именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилась фигура дикаря, „дважды нарушившаго законы этой страны“. А такъ какъ очень трудно воздержаться отъ невольныхъ сопоставленій, то газета, пока не выяснятся окончательно мотивы загадочнаго преступленія этого загадочнаго человѣка,—предлагала свое объясненіе, не настаивая, впрочемъ, на полной его достовѣрности. „Вчера бѣдный Гопкинсъ разъяснилъ дикарю всю неумѣстность купанія дѣтей въ городскихъ водоемахъ. Извѣстно, что дикари мелочны и мстительны. Кто знаетъ, быть можетъ, Гопкинсъ палъ невинною жертвой ревностнаго исполненія своего долга на Бродвеѣ“.

Въ другой газетѣ, болѣе серьезной, дано было из-

ложеніе событія по свѣжимъ слѣдамъ. Замѣтка носила названіе: „*Митингъ безработныхъ*“:

„Спѣшимъ дать нашимъ читателямъ точное изложеніе событія въ Центральномъ паркѣ. Какъ уже извѣстно, митингъ безработныхъ былъ назначенъ утромъ, и уже чуть не съ разсвѣта площадка и окружающая мѣстность стали наполняться людьми въ количествѣ, которое привело въ нѣкоторое замѣшательство полицейскаго коммисара. Въ виду этого, были вызваны полицейскіе резервы. Въ числѣ послѣднихъ оказался извѣстный Гопкинсъ, бывшій боксеръ, лицо достаточно популярное въ этомъ городѣ.

„Къ несчастью, случай, одинъ изъ тѣхъ, которые, конечно, могутъ встрѣтиться во всякомъ городѣ этого штата, во всякомъ штатѣ этой страны, во всякой странѣ этого міра (гдѣ всегда будетъ богатство и бѣдность, что бы ни говорили опасные утописты)—такой случай внесъ особенное возбужденіе въ настроеніе этой толпы. Неподалеку отъ фонтана, по сосѣдству съ мѣстомъ митинга, въ эту ночь повѣсился какой-то бѣднякъ, имя, родъ занятія, даже національность котораго остаются пока неизвѣстны. Какъ бы то ни было,—полиція проявила несомнѣнную оплошность. Одинъ изъ репортеровъ успѣлъ срисовать даже изображеніе самоубійцы прежде, чѣмъ полиція узнала о фактѣ. Вынимать тѣло изъ петли пришлось уже въ то время, когда въ паркѣ было много людей, судьба которыхъ, вслѣдствіе случайныхъ, но тѣмъ не менѣе прискорбныхъ причинъ, очень грустно иллюстрировалась видомъ и судьбой

этого бѣдняги. Первая попытка полиціи снять тѣло— оказалась неудачна, вслѣдствіе сопротивленія, оказаннаго сильно возбужденной толпой. Но затѣмъ, когда силы полиціи увеличились, это было, наконецъ, сдѣлано,—хотя, нужно признаться, не безъ содѣйствія клобовъ, которые, какъ мы это указывали многократно, полиція наша пускаетъ въ ходъ нерѣдко при обстоятельствахъ, менѣе оправдывающихъ употребленіе этого орудія въ цивилизованной странѣ.

„Въ назначенное время прибылъ на мѣсто извѣстный рабочій агитаторъ мистеръ Гомперсъ, въ сопровожденіи хора музыки и со знаменемъ, на которомъ была надпись:

Работы!
Терпѣніе народа истощено.
Соединяйтесь!
Петиція новому мэру!

„Безпристрастіе требуетъ прибавить, что, кромѣ этихъ, была еще надпись слѣдующаго содержанія: „Достоинство, порядокъ, дисциплина!“

За этой замѣткой слѣдовала въ газетѣ другая, имѣвшая опять три заглавія:

«Чарли Гомперсъ былъ горекъ.
«Онъ громилъ богатство и роскошь.
«Порицалъ порядки этой страны, а этотъ городъ называлъ вавилонской блудницей».

„Чарли Гомперсъ, ораторскому таланту котораго нельзя не отдать должной дани удивленія, прекрасно

воспользовался даннымъ положеніемъ. Едва прибывъ на мѣсто, въ сопровожденіи хора м-ра Ивэнса (Second avenue, № 00), и узнавъ объ утреннемъ происшествіи, онъ началъ свою рѣчь блестящей импровизаціей, въ которой въ самыхъ мрачныхъ краскахъ изобразилъ положеніе лишенныхъ работы и судьбу, ожидающую, быть можетъ, въ близкомъ будущемъ многихъ изъ этихъ несчастливцевъ. Вслѣдъ за этимъ онъ воспользовался контрастами, которые на всякомъ шагу развертываетъ этотъ городъ, какъ извѣстно, самый большой и самый богатый въ этой странѣ. Эта рѣчь Чарли Гомперса, имѣвшая цѣлью пригласить безработныхъ къ петиціи на имя городского мэра, а также пропагандировавшая идею рабочихъ ассоціацій,—вызвала, повидимому, самыя дурныя страсти. Правда, англичане и американцы (которыхъ, впрочемъ, было очень немного), даже большинство ирландцевъ и нѣмцы,—остались въ порядкѣ. Но наименѣе цивилизованные элементы толпы,—въ лицѣ итальянцевъ, отчасти русскихъ евреевъ и въ особенности какого-то дикаго человѣка неизвѣстной націи—вспыхнули при этомъ, какъ порохъ отъ спички“.

«Мнѣніе о происшествіи сенатора Робинзона».

„Мистеръ Робинзонъ, любезно принявшій у себя нашего репортера, находитъ, что въ этомъ происшествіи съ особенной яркостью выразилась сила законнаго порядка этой страны. „Сэръ,—сказалъ мистеръ Робинзонъ нашему репортеру,—что вы видите въ данномъ случаѣ? Мятежники побѣдили полицію. Преграда между ними

и цивилизаціей рушилась въ лицѣ браваго Гопкинса и его товарищей. И что же,—мятежники не находятъ ничего лучшаго, какъ вернуться самопроизвольно къ порядку. Я позволилъ бы себѣ, однако, предложить мистеру Гомперсу и въ его лицѣ подобнымъ ему агитаторамъ одинъ вопросъ, который, надѣюсь, поставилъ бы ихъ въ не малое затрудненіе: *зачѣмъ вы, сэръ возбуждаете страсти и подстрекаете толпу на дѣло, самый успѣхъ котораго не можете ни въ какомъ случаѣ обратить въ свою пользу?*"

„Въ слѣдующемъ №,—прибавляла редакція,—мы надѣемся дать читателямъ отвѣтъ мистера Гомперса на уничтожающій вопросъ почтеннаго сенатора".

На утро газета исполнила свое обѣщаніе. Она дала, во-первыхъ, портретъ мистера Гомперса, а затѣмъ подробное изложеніе бесѣды его съ репортеромъ. При этомъ мистеръ Гомперсъ въ изображеніи репортера рисовался столь же благожелательными красками, какъ и сенаторъ Робинзонъ. „Мистеръ Гомперсъ въ личной жизни—человѣкъ привлекательный и симпатичный, его обращеніе съ репортеромъ было необыкновенно привѣтливо и любезно, но его отзывы о дѣлѣ—очень горячи и энергичны. Мистеръ Гомперсъ винитъ во всемъ несдержанность полиціи этого города. Самъ онъ былъ „въ порядкѣ". Правда, какъ это совершенно справедливо было отмѣчено нашимъ репортеромъ, онъ „былъ горекъ" въ своей рѣчи. Онъ этого не отрицаетъ. Но съ какихъ же это поръ для американца въ этой странѣ считается обязательнымъ произносить только сладкія

рѣчи?! Кому не нравится сравненіе этого города съ блудницей, тотъ не долженъ слушать по воскресеньямъ проповѣди, хотя-бы, напримѣръ, достопочтеннаго ревере́ндъ-Джонса, такъ какъ это его любимое сравненіе. И, однако, никто не обвиняетъ за это священниковъ въ возбужденіи дурныхъ страстей или въ оскорбленіи страны. Надо думать, что Таманирингъ, котораго, сколько извѣстно, м-ръ Робинзонъ является дѣятельнымъ членомъ, еще не въ силахъ ограничить въ этой странѣ свободу слова, завѣщанную великими творцами ея конституціи! (здѣсь репортеръ выражаетъ сожалѣніе, что онъ не въ силахъ передать ни великолѣпнаго жеста, ни возвышеннаго паѳоса, съ какимъ мистеръ Гомперсъ произнесъ послѣднюю фразу. Онъ констатируетъ, однако, что они сдѣлали-бы честь первымъ ораторамъ страны). Мистеръ Гомперсъ очень сожалѣетъ о томъ, что случилось, но пострадавшими въ этомъ дѣлѣ считаетъ себя и своихъ друзей, такъ какъ митингъ оказался сорваннымъ и право собраній грубо нарушено въ ихъ лицѣ. Какъ началась свалка, онъ не видѣлъ. Онъ далекъ также отъ мысли заподозрѣвать добросовѣстность талантливаго джентльмэна, давшаго изображеніе дикаря. Однако, и наружность, и костюмъ этого дикаря кажутся ему достаточно маскарадными, чтобы быть изобрѣтеніемъ полиціи. Безъ сомнѣнія, онъ готовъ удовлетворить любопытство достопочтеннаго сенатора Робинзона. Какъ уже ясно изъ предыдущаго, онъ не подстрекалъ никого къ нападенію на полицію, такъ же, какъ не подстрекалъ полицейскихъ къ слиш-

комъ усердному употребленію клобовъ. Что же касается до плодовъ его агитаціи, то они видны уже и теперь. Два года назадъ ассоціація рабочихъ, которой онъ имѣетъ честь быть предсѣдателемъ, считала ровно вдвое меньшее число членовъ, чѣмъ имѣетъ въ настоящее время. Таковы плоды непосредственные. Что же касается дальнѣйшихъ, то мистеръ Робинзонъ, сенаторъ и крупный фабрикантъ, можетъ сказать кое-что по этому поводу, такъ какъ на его собственной фабрикѣ съ прошлаго года рабочіе часы сокращены безъ сокращенія платы. „И мы съ гордостью предвидимъ,— прибавилъ м-ръ Гомперсъ съ неподражаемой ироніей,— тотъ день, когда м-ру Робинзону придется еще поднять плату безъ увеличенія рабочаго дня"... Наконецъ, мистеръ Гомперсъ сообщилъ, что онъ намѣренъ начать процессъ передъ судьей штата о нарушеніи неприкосновенности собраній. Какъ извѣстно, сказалъ онъ,—ученымъ этой страны до сихъ поръ не удалось выяснить вопроса о національности загадочнаго дикаря. М-ръ Гомперсъ не теряетъ, однако, надежды, что суду это удастся и что директору полиціи (которому онъ неотказываетъ, впрочемъ, въ должномъ уваженіи),—уже и теперь извѣстно кое-что по этому поводу".

„Однимъ словомъ—такъ заканчивалась замѣтка,— если оставить въ сторонѣ нѣкоторые щекотливые вопросы, вызывающіе (быть можетъ, и справедливое) осужденіе,—м-ръ Гомперсъ оказался не только превосходнымъ ораторомъ и тонкимъ политикомъ, но и очень пріятнымъ собесѣдникомъ, которому нельзя отказать

въ искреннемъ паѳосѣ и возвышенномъ образѣ мыслей. Самъ м-ръ Гомперсъ полагаетъ, впрочемъ, что онъ и его единомышленники оказываютъ истинную услугу странѣ, внося организацію, порядокъ, сознательность и надежду въ среду, бѣдствія, отчаяніе и справедливое негодованіе которой легко могли-бы сдѣлать ее добычей анархіи"...

Нѣсколько дней еще происшествіе въ Центральномъ паркѣ не сходило со столбцовъ нью-іоркскихъ газетъ. Репортеры обѣгали весь городъ и въ редакціи являлись разныя лица, видѣвшія въ разныхъ мѣстахъ странныхъ людей, навлекавшихъ подозрѣніе въ тожественности съ загадочнымъ дикаремъ. Дикарей въ Нью-Іоркѣ оказалось достаточно. Исходя изъ перваго изображенія, нѣкоторые болѣе или менѣе ученые джентльмэны высказывали свои мнѣнія о его національности. Отзывы были весьма различны, но, по мѣрѣ того, какъ свѣдѣнія становились многочисленнѣе и точнѣе, заключенія ученыхъ джентльмэновъ начинали вращаться въ кругѣ все болѣе ограниченномъ. Первый приблизился къ истинѣ нѣкто мистеръ Аткинсонъ, взявшій исходнымъ пунктомъ „разрушительныя тенденціи незнакомца и его безпредѣльную ненависть къ цивилизаціи и культурѣ". Судя по этимъ признакамъ, онъ причислялъ его къ славянскому племени... Къ сожалѣнію, пустившись въ дальнѣйшія гипотезы, мистеръ Аткинсонъ отнесъ къ славянскому племени также „кавказскихъ черкесовъ и самоѣдовъ, живущихъ въ глубинахъ снѣжной Сибири".

Потомъ кругъ около загадочной личности смыкался все болѣе. Въ замѣткахъ, становившихся все болѣе краткими, но за то и болѣе точными—появлялись все новыя мѣста и лица, такъ или иначе прикосновенныя къ личности „дикаря". Негръ Самъ, чистильщикъ сапогъ на Бродвеѣ, мостовой сторожъ, подозрѣвавшій незнакомца въ какомъ-нибудь покушеніи на цѣлость бруклинскаго моста, кондукторъ вагона, въ которомъ Матвѣй прибылъ вечеромъ къ Central-park'у, другой кондукторъ, который подвергалъ свою жизнь опасности, оставаясь съ глазу на глазъ съ дикаремъ въ электрическомъ вагонѣ, въ пустынныхъ предмѣстьяхъ Бруклина, наконецъ, старая барыня, съ буклями на вискахъ, къ которой таинственный дикарь огромнаго роста и ужасающаго вида позвонился однажды съ неизвѣстными, но, очевидно, недобрыми цѣлями, когда она была одна въ своемъ домѣ... Къ счастью, престарѣлая лэди успѣла захлопнуть свою дверь какъ разъ во время для спасенія своей жизни.

XXV.

О другой старой барынѣ, изъ дома № 1235, въ газетахъ не упоминалось. Не упоминалось также и объ Аннѣ, которая только вздыхала порой, при воспоминаніи о пропавшемъ безъ вѣсти Матвѣѣ. Человѣкъ канулъ точно въ воду, и сама она тоже попала, какъ лодка, въ тихую заводь. Каждый день, когда мужъ и жильцы старой барыни уходили,—она, точно невиди-

мая фея, являлась въ оставленныя комнаты, убирала постели, подметала полы, а разъ въ недѣлю перетирала стекла и чистила газовые рожки. Каждый день выносила соръ на улицу въ корзину, откуда его убирали городскіе мусорщики, и готовила обѣдъ для господъ и для двухъ джентльмэновъ, обѣдавшихъ съ ними. Два раза въ мѣсяцъ она ходила въ церковь вмѣстѣ съ барыней...—Вообще все для нея въ этомъ уголкѣ было такъ, какъ на родинѣ. Все было какъ на родинѣ въ такой степени, что дѣвушкѣ становилось до боли грустно: зачѣмъ же она ѣхала сюда, зачѣмъ мечтала, надѣялась и ждала, зачѣмъ встрѣтилась съ этимъ высокимъ человѣкомъ, задумчивымъ и страннымъ, который говорилъ: „Моя доля будетъ и твоя доля, малютка". Молодой Джонъ и Дыма не являлись. Жизнь ея истекала скучными днями, какъ двѣ капли воды похожими другъ на друга... Она нашла здѣсь родину, ту самую, о которой такъ вздыхалъ Лозинскій,—и не разъ она горько плакала объ этомъ по ночамъ въ своей кухонкѣ, въ подвальномъ этажѣ, низкомъ и тѣсномъ... И не разъ ей хотѣлось вернуться къ той минутѣ, когда она послушалась Матвѣя, вмѣсто того, чтобы послушать молодую еврейку... Вернуться и начать жить здѣсь по иному, искать иной доли, можетъ быть, дурной, да иной...

Однажды почталіонъ, къ ея великому удивленію, подалъ ей письмо. На конвертѣ совершенно точно стоялъ ея адресъ, написанный по-англійски, а наверху печатный штемпель: „соединенное общество лицъ, занятыхъ

домашними услугами". Не понимая по-англійски, она обратилась къ старой барынѣ, съ просьбой прочесть письмо. Барыня подозрительно посмотрѣла на нее и сказала:

— Поздравляю! Ты уже заводишь шашни съ этими бунтовщиками!

— Я ничего не знаю,—отвѣтила Анна.

Въ письмѣ былъ только печатный бланкъ, съ приглашеніемъ поступить въ члены общества. Сообщался адресъ и размѣръ членскаго взноса. Цифра этого взноса поразила Анну, когда барыня иронически перевела приглашеніе... Однако, дѣвушка спрятала письмо и порой вынимала его по вечерамъ и смотрѣла съ задумчивымъ удивленіемъ: кто-же это могъ замѣтить ее въ этой странѣ и такъ правильно написать на конвертѣ ея имя и фамилію?

Это было вскорѣ послѣ ея поступленія на службу. А еще черезъ нѣсколько дней старая барыня съ суровымъ видомъ сообщила ей новость:

— Хорошія дѣла, нечего сказать, надѣлалъ этотъ твой... Матвѣй, что-ли!—сказала она.—Вотъ и вѣрь послѣ этого наружности. Казался такимъ почтительнымъ и смирнымъ.

— Что такое?—спросила Анна съ тревогой.

— Убилъ полицейскаго, ни болѣе ни менѣе.

— Не можетъ быть!—вскрикнула дѣвушка невольно.

Старая барыня показала ей кучку газетъ, которыя принесъ ей мужъ, когда уже личность Матвѣя стала выясняться. Въ фантастическомъ изображеніи трудно было

признать добродушную фигуру лозищанина, хотя все-же сохранились нѣкогорыя черты и окладъ бороды. Затѣмъ, въ слѣдующихъ №№ былъ приведенъ портретъ Дымы, на этотъ разъ въ свитѣ и бараньей шапкѣ,—какъ соотечественника исчезнувшей знаменитости. Старая барыня, надѣвъ очки, цѣлый день читала газеты, сообщая отъ времени до времени вычитанныя свѣдѣнія и Аннѣ. Сама она была искренно удивлена, узнавъ, что Матвѣй попалъ на митингъ и оказался предводителемъ банды итальянцевъ, опрокинувшихъ полицію и побуждавшихъ толпу безработныхъ ограбить ближайшіе магазины.

— А вѣдь какимъ казался почтительнымъ и тихимъ,—сказала барыня въ раздумьи, вспоминая покорную фигуру Матвѣя, его синіе глаза и убѣжденное поддакиваніе на всѣ ея мнѣнія... Да, да! Вѣрь послѣ этого наружности.

Она подозрительно покосилась даже на Анну, готовая видѣть въ ней сообщницу страшнаго человѣка, но открытый взглядъ дѣвушки разсѣялъ ея опасенія.

— Онъ очень вспыльчивъ,—сказала Анна грустно, вспоминая страшную минуту во время столкновенія съ Падди...—И... и... знаете что... Какъ это тамъ написано: потянулся губами къ рукѣ... Вѣдь это онъ... прошу васъ... хотѣлъ, вѣрно, поцѣловать у него руку...

— Хотѣлъ поцѣловать?.. и убилъ?.. Что-то все это странно,—сказала барыня.—Во всякомъ случаѣ, если его поймаютъ, то непремѣнно повѣсятъ... Видишь, до чего здѣсь доводятъ эти... общества разныя... Я бы этихъ

Гомперсовъ!.. Смотри, вотъ они и тебя хотятъ завлечь въ свои сѣти...

Анна видѣла, что барыня говоритъ совершенно искренно, а происшествіе съ Матвѣемъ придавало ея словамъ еще большее значеніе. Однако, когда, въ отсутствіи барыни, опять пришло письмо на ея имя съ тѣмъ же штемпелемъ,—она обратилась за прочтеніемъ не къ ней, а къ одному изъ жильцовъ. Это былъ человѣкъ молчаливый и суровый, не участвовавшій въ карточныхъ вечерахъ у хозяевъ и не сказавшій никогда съ Анной лишняго слова. Онъ все сидѣлъ въ своей комнатѣ, цѣлые дни писалъ что-то и дѣлалъ какія-то выкладки. Въ домѣ говорили, что онъ „считаетъ себя изобрѣтателемъ". Почему-то Анна питала къ суровому человѣку безотчетное довѣріе и уваженіе.

Онъ взялъ изъ ея рукъ письмо и добросовѣстно перевелъ слово въ слово. Содержаніе письма очень удивило Анну: въ немъ писали, что комитету общества стало извѣстно, что миссъ Анна служитъ на такихъ условіяхъ, которыя, во-первыхъ, унизительны для человѣческаго достоинства своей неопредѣленностью, а во-вторыхъ, понижаютъ общій уровень вознагражденія. 10 долларовъ въ мѣсяцъ и одинъ свободный день въ недѣлю—это минимальныя требованія, принятыя въ одномъ изъ собраній „соединеннаго общества лицъ, занятыхъ домашними услугами". Въ виду этого, ей опять предлагаютъ поступить въ члены общества и предъявить повышенныя требованія своей хозяйкѣ, иначе ея сотоварищи вынуждены будутъ считать ее „врагомъ своего класса"...

Анна выслушала съ испугомъ это странное обращеніе.

— Что же мнѣ будетъ?—спросила она, глядя на чтеца совсѣмъ округлившимися глазами и не понимая хорошенько, кто это пишетъ и по какому праву.

— Ну, я въ эти дѣла не мѣшаюсь,—отвѣтилъ сурово молчаливый жилецъ и опять повернулся къ своимъ бумагамъ. Но между глазами и бумагой ему почудилось испуганное лицо миловидной дѣвушки, растерявшейся и безпомощной, и онъ опять съ неудовольствіемъ повернулся, подымая привычнымъ движеніемъ свои очки на лобъ:

— Ты еще здѣсь?—сказалъ онъ, глядя въ упоръ на Анну своими близорукими глазами, устремленными какъ бы въ пространство или видѣвшими что-то за ней.— Странно: твое лицо мнѣ мѣшаетъ... Ты спрашивала мое мнѣніе... Ну, такъ вотъ: по моему мнѣнію, все это глупости! Когда-то и я вѣрилъ въ эти бирюльки и увлекался пока не понялъ, что только наука способна измѣнить всѣ человѣческія отношенія. Понимаешь: наука! Вопросъ рѣшается не на улицѣ, а въ кабинетѣ ученаго... Вотъ здѣсь (онъ положилъ руку на бумаги) рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ. Скоро всѣ узнаютъ... и ты въ томъ числѣ. Ну, а пока—иди съ Богомъ. Твое лицо мнѣ мѣшаетъ... А мое дѣло и для тебя важнѣе всей этой сутолоки.

И онъ опять наклонился надъ чертежами и выкладками, махая Аннѣ лѣвой рукой, чтобы она уходила. Анна пошла въ кухню, думая о томъ, что всетаки не все здѣсь похоже на наше и что она никогда еще не

видѣла такого страннаго господина, который бы такъ торжественно произносилъ такія непонятныя слова.

Она захотѣла посовѣтоваться еще съ Дымой и Розой. Въ церковь она ходила мимо Борка и уже узнала дорогу. Однажды, когда барыня осталась дома и она одна пошла въ церковь,—дѣвушка забѣжала въ знакомую квартиру. Розы и Джона не было, а Боркъ былъ очень занятъ. Отъ него она узнала только, что Дыма уѣхалъ, такъ какъ письмо его, наконецъ, дошло, и Лозинскіе его увезли въ Миннесоту. Это было для него очень кстати, такъ какъ пріятели-ирландцы разбрелись, Тамани-голлъ не нуждался болѣе въ его услугахъ, а работы все не находилось... Временная знаменитость и появленіе его портрета въ газетахъ—плохо утѣшали Дыму въ потерѣ пріятеля. Впрочемъ, въ это время публика перестала уже интересоваться инцидентомъ въ Центральномъ паркѣ, въ особенности послѣ того, какъ оказалось, вдобавокъ, что и здоровье мистера Гопкинса, вовсе не убитаго, приведено въ надлежащее состояніе.

Исторія дикаря отступала все далѣе и далѣе, на четвертую, пятую, шестую страницы, а на первыхъ, за отсутствіемъ другихъ предметовъ сенсаціи, красовались черезъ нѣсколько дней портреты миссъ Лиззи и мистера Фрэда, двухъ совсѣмъ еще молодыхъ особъ, которые, обвѣнчавшись самовольно въ Балтиморѣ, устроили своимъ родителямъ, извѣстнымъ милліонерамъ города Нью-Іорка, „неожиданный сюрпризъ". И веселая, кудрявая головка миссъ Лиззи, съ лукавыми черными глазками, глядѣла на читателя съ того самаго мѣста

и даже нарисованная тѣмъ самымъ карандашомъ, который изображалъ недавно нашего земляка.

Изъ этого слѣдуетъ, какъ легко стать знаменитымъ въ этой странѣ и какъ это бываетъ ненадолго...

И только Дыма да Лозинскіе читали, что могли, о Матвѣѣ, думая о томъ, какъ имъ теперь разыскать бѣднягу, опять потонувшаго безъ слѣда въ людскомъ океанѣ...

XXVI.

А самъ виновникъ волненія публики въ день знаменитаго митинга подъ вечеръ ѣхалъ въ экстренномъ поѣздѣ на Детройтъ, на Бэффало, на Ніагару и на Чикаго...

Какъ онъ попалъ въ этотъ поѣздъ, онъ помнилъ потомъ очень смутно. Когда толпа остановилась, когда онъ понялъ, что болѣе уже ничего не будетъ, да и быть болѣе уже нечему, кромѣ самаго плохого, когда, наконецъ, онъ увидѣлъ Гопкинса лежащимъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ упалъ, съ бѣлымъ, какъ у трупа, лицомъ и закрытыми глазами, онъ остановился, дико озираясь вокругъ и чувствуя, что его въ этомъ городѣ настигаетъ, наконецъ, настоящая погибель. Съ этой минуты онъ сталъ опять, точно безпомощный ребенокъ, и покорно побѣжалъ за какимъ-то долговязымъ итальянцемъ, который схватилъ его за руку и увлекъ за собой.

Черезъ площадь они пробѣжали вмѣстѣ съ другими, потомъ вбѣжали въ переулокъ, потомъ спустились въ

какой-то подвалъ, гдѣ было еще съ десятокъ бѣглецовъ, частью мрачныхъ, частью, повидимому, довольныхъ сегодняшнимъ днемъ. Мрачны были старики, довольны молодые бобыли и въ томъ числѣ долговязый спаситель Матвѣя. Это былъ тотъ самый молодой человѣкъ, который хлопалъ Матвѣя по плечу и щупалъ его мускулы. Веселому малому, кажется, очень понравилась манера Матвѣя расправляться съ полиціей. Онъ и нѣсколько его товарищей кинулись вслѣдъ за Матвѣемъ, расчистившимъ дорогу, но затѣмъ, когда толпа остановилась озадаченная, не зная, что ей дѣлать дальше,—онъ сообразилъ, что теперь остается только скрыться, такъ какъ дѣло принимало оборотъ очень серьезный. И онъ счелъ своей обязанностью позаботиться также о странномъ незнакомцѣ.

Изъ переулка Матвѣя ввели въ какое-то помѣщеніе, длинное, узкое и довольно темное. Здѣсь столпилось десятка два человѣкъ, разныхъ національностей, которые, повидимому, чувствуя себя въ безопасности, обсуждали событія дня. Они горячо спорили при этомъ: одни находили, что митингъ сорванъ напрасно, другіе доказывали, что, наоборотъ, все вышло—хорошо, и фактъ прямого столкновенія съ полиціей произведетъ впечатлѣніе даже сильнѣе „слишкомъ умѣренныхъ" рѣчей Гомперса. Все это привело, наконецъ, споривших къ вопросу: что же имъ дѣлать съ страннымъ незнакомцемъ?

Они приступили къ Матвѣю съ разспросами на разныхъ языкахъ, но онъ только глядѣлъ на нихъ сво-

ими синими глазами, въ которыхъ виднѣлась щемящая тоска, и повторялъ: Миннесота... Дыма... Лозинскій...

Наконецъ, долговязый юноша пришелъ къ заключенію, что не остается ничего другого, какъ переодѣть Матвѣя и отправить по желѣзной дорогѣ въ Миннесоту. Достали одежду, которая сразу затрещала по швамъ, когда ее напялили на Матвѣя, а затѣмъ привели парикмахера изъ членовъ того же общества. Сначала Матвѣй оказалъ было сопротивленіе, но когда молодой верзила очень краснорѣчивымъ жестомъ показалъ на шею, какъ бы охватывая ее петлей,—Матвѣй понялъ и покорно отдался своей судьбѣ. Черезъ десять минутъ, въ небольшое зеркальце на Матвѣя глядѣло чужое, незнакомое лицо, съ подстриженными усами и небольшой лопаткой вмѣсто бороды.

Молодой человѣкъ похлопалъ его по плечу. Лозищанинъ понялъ, что эти люди заботятся о немъ, хотя его удивляло, что этотъ безпечный народъ относился къ его печальному положенію съ какимъ-то непонятнымъ для него весельемъ. Какъ бы то ни было, подъ вечеръ, совершенно преображенный, онъ покорно послѣдовалъ за молодыми людьми на станцію желѣзной дороги. Здѣсь у него взяли деньги, отсчитали сколько было нужно, остальное (не очень много)—отдали ему вмѣстѣ съ билетомъ, который продѣли за ленту шляпы. Передъ самымъ отходомъ поѣзда долговязый принесъ еще двѣ бутылки сидра, большой бѣлый хлѣбъ и нѣсколько фруктовъ. Все это было уложено въ корзинѣ.

Это до глубины души тронуло Матвѣя, который крѣпко обнялъ своего благодѣтеля.

— Ты мнѣ все равно, какъ родной,—сказалъ Матвѣй.—Никогда тебя не забуду...—Долговязый похлопалъ его по плечу, и вся компанія, весело кивая и смѣясь, проводила взглядами поѣздъ, который понесъ Матвѣя по туннелямъ, по улицамъ, по насыпямъ, а кое-гдѣ, кажется, и по крышамъ, все время звоня мѣрно и печально. Нѣкоторое время въ окнахъ вагона еще мелькали дома проклятаго города, потомъ засинѣла у самой насыпи вода, потомъ потянулись зеленыя горы, съ дачами среди деревьевъ, кудрявые острова на большой рѣкѣ, синее небо, облака... потомъ большая луна, какъ вчера на взморьѣ—всплыла и повисла въ голубоватой мглѣ надъ рѣчною гладью...

Корзина съ провизіей склонилась въ рукахъ ослабѣвшаго человѣка, сидѣвшаго въ углу вагона, и груши изъ нея посыпались на полъ. Ближайшій сосѣдъ поднялъ ихъ, тихо взялъ корзину изъ рукъ спящаго и поставилъ ее рядомъ съ нимъ. Потомъ вошелъ кондукторъ, не будя Матвѣя, вынулъ билетъ изъ-за ленты его шляпы и на мѣсто билета положилъ туда же бѣлую картонную марку съ номеромъ. Огромный человѣкъ крѣпко спалъ, сидя, и на лицѣ его бродила печальная судорога, а порой губы сводило, точно отъ испуга...

А поѣздъ летѣлъ, и звонъ, мѣрный, печальный, оглашалъ то спящія ущелья, то долину, то улицы небольшихъ городовъ, то станціи, гдѣ рельсы скрещивались, какъ паутина, гдѣ, шумя, какъ вѣтеръ въ непо-

году, пролетали такіе же поѣзда по всѣмъ направленіямъ, съ такимъ же звономъ, ровнымъ и печальнымъ.

XXVII.

Впослѣдствіи Матвѣю случалось ѣздить тою же дорогой, но впослѣдствіи все въ Америкѣ казалось ему уже другимъ, чѣмъ въ эти печальные дни, когда поѣздъ мчалъ его отъ Нью-Іорка, а куда—неизвѣстно. Онъ проспалъ чудные берега Гудзона и проснулся на время лишь въ Сиракузахъ, гдѣ въ окна засвѣтилось что-то снаружи зловѣщимъ, краснымъ свѣтомъ. Это были громадные литейные заводы. Расплавленный чугунъ огненнымъ озеромъ лежалъ на землѣ, кругомъ стояли черныя зданія, черные люди бродили, какъ нечистые духи, черный дымъ уходилъ въ темное мглистое небо, и колокола все звонили среди ночи, однообразно и тревожно... Затѣмъ Бэффало, весь тоже во мглѣ и въ дыму. Потомъ, уже на зарѣ,—въ вагонѣ застучали отодвигаемыя окна, повѣяло утренней свѣжестью, американцы высунулись въ окна, глядя куда-то съ видимымъ любопытствомъ.

— Найáгара, Найáгара-фоллъ,—сказалъ кондукторъ, торопливо проходя вдоль поѣзда, и тронулъ лозищанина за рукавъ, съ удивленіемъ глядя на человѣка, который одинъ сидитъ въ своемъ углу и не смотритъ Ніагару.

Матвѣй поднялся и заглянулъ въ окно. Было еще темно, поѣздъ какъ-то робко вползалъ на мостъ, висѣвшій надъ клубящейся далеко внизу быстрой рѣкой. Мостъ

вздрагивалъ и напрягался подъ тяжестью, какъ туго натянутая струна, а другой такой же мостъ, кинутый съ берега на берегъ, на страшной высотѣ, казался тонкой полоской кружева, сквозившей во мглѣ. Внизу шумѣло пѣнистое теченіе рѣки, на скалахъ дремали зданія городка, а подъ ними изъ камней струилась и падала книзу вода тонкими бѣлыми лентами. Дальше пѣна рѣки сливалась съ бѣловатымъ туманомъ, который клубился и волновался точно въ гигантскомъ котлѣ, закрывая зрѣлище самаго водопада. Только глухой шумъ, неустанный, ровный и какой-то безнадежный, рвался оттуда, наполняя трепетомъ и дрожаніемъ сырой воздухъ мглистой ночи. Будто въ туманѣ ворочалось и клокотало что-то огромное и глухо стонало, жалуясь, что нѣтъ ему покоя отъ вѣка до вѣка...

Поѣздъ продолжалъ боязливо ползти надъ бездной, мостъ все напрягался и вздрагивалъ, туманъ клубился, какъ дымъ огромнаго пожара, и, подымаясь къ небу, сливался тамъ съ грядой дальнихъ облаковъ. Потомъ вагонъ пошелъ спокойнѣе, подъ вагономъ зазвучала твердая земля, поѣздъ сошелъ съ моста и потянулся, прибавляя ходъ, вдоль берега. Тогда стало вдругъ свѣтлѣе, изъ-за облака, которое стояло надъ всѣмъ пространствомъ огромнаго водопада, приглушая его грохотъ,—выглянула луна, и водопадъ оставался сзади, а надъ водопадомъ все стояла мглистая туча, соединявшая небо и землю... Казалось, какое-то летучее чудовище припало въ этомъ мѣстѣ къ рѣкѣ и впилось въ нее среди ночи, и ворчитъ, и роется, и клокочетъ...

Детройтъ остался у Матвѣя въ памяти только тѣмъ, что желѣзная дорога, какъ будто, вся цѣликомъ отдѣлилась отъ земли и вмѣстѣ съ рельсами и поѣздомъ поплыла по водѣ. Это было уже слѣдующей ночью, и на другомъ берегу рѣки, на огромномъ разстоянія разлегся городъ и тихо пламенѣлъ и сверкалъ синими, бѣлыми, желтыми огнями. Потомъ поѣздъ пронесся утромъ мимо Чикаго. На правой сторонѣ чуть не въ самые рельсы ударяла синяя волна Мичигана—огромнаго, какъ море, и пароходъ, шедшій прямо къ берегу, выплывалъ изъ-за воднаго горизонта, большой и странный, точно онъ взбирался на водяную гору... Еще нѣсколько часовъ вдоль берега, потомъ Мильвоки—и дорога отклонилась къ западу...

Города становились меньше и проще, пошли лѣса и рѣчки, потянулись поля и плантаціи кукурузы... И по мѣрѣ того, какъ мѣстность измѣнялась, какъ въ окна врывался вольный вѣтеръ полей и лѣсовъ,—Матвѣй подходилъ къ окнамъ все чаще, все внимательнѣе присматривался къ этой странѣ, развертывавшей передъ нимъ, торопливо и мимолетно, мирныя картины знакомой лозищанину жизни.

И вмѣстѣ съ тѣмъ, понемногу и незамѣтно, застывшая во враждѣ душа оскорбленнаго и загнаннаго человѣка начинала какъ будто таять. Въ одномъ мѣстѣ онъ чуть не до половины высунулся изъ окна,—провожая взглядомъ быстро промелькнувшую пашню, на которой мужчины и женщины вязали снопы пшеницы. Въ другомъ, опершись на сапы и кирки, смотрѣли на

пробѣгающій поѣздъ крѣпкіе, загорѣлые люди, корчевавшіе пни поваленнаго лѣса. Матвѣю была знакома эта работа—и ему хотѣлось бы выскочить изъ вагона, взять въ руки топоръ или кирку и показать этимъ людямъ, что онъ, Матвѣй Лозинскій, можетъ сдѣлать съ самымъ здоровымъ пнищемъ.

Но поѣздъ все звонилъ и летѣлъ, смѣняя картину за картиной, смѣняя грустные дни еще болѣе грустными ночами. И по мѣрѣ того, какъ природа становилась доступнѣе, понятнѣе и проще, по мѣрѣ того, какъ душа лозищанина все болѣе оттаивала и смягчалась, раскрываясь навстрѣчу мирной красотѣ мирной и понятной ему жизни; по мѣрѣ того, какъ въ немъ, на мѣстѣ тупой вражды, вставало сначала любопытство, а потомъ удивленіе и тихое смиреніе,—по мѣрѣ всего этого и наряду со всѣмъ этимъ его тоска становилась все острѣе и глубже. Теперь онъ чувствовалъ, что и ему нашлось-бы мѣсто въ этой жизни, если бы онъ не отвернулся сразу отъ этой страны, отъ ея людей, отъ ея города, если бъ онъ оказалъ болѣе вниманія къ ея языку и обычаю, если-бы онъ не осудилъ въ ней сразу, за одно, и дурное, и хорошее... А теперь между нимъ и этой жизнью встало бродяжество и, даже можетъ быть—преступленіе...

И люди, хотя часто походили съ виду на Падди, начинали всетаки представляться лозищанину въ другомъ свѣтѣ. Пока онъ ѣхалъ, переходя съ поѣзда на поѣздъ,—не разъ смѣнилась и публика, и кондукторская бригада. Но смѣнявшіеся пассажиры обращали вниманіе новыхъ

на огромнаго человѣка, чувствовавшаго себя какъ будто неловко въ своей одеждѣ, робкаго, застѣнчиваго и безпомощнаго, какъ ребенокъ. Никто его не тревожилъ, никто не надоѣдалъ никакими разспросами, но каждый разъ, какъ приходилось мѣнять вагонъ или пересаживаться на другой поѣздъ, къ Матвѣю подходилъ или кондукторъ, или кто-нибудь изъ сосѣдей, бралъ его за руку и ласково велъ за собою, въ новое мѣсто. Большой человѣкъ покорно слѣдовалъ въ такихъ случаяхъ за ними и глядѣлъ на провожавшаго застѣнчивыми, но благодарными глазами.

Кромѣ того, здѣсь, въ глубинѣ страны, люди не казались уже до такой степени похожими другъ на друга, какъ въ томъ огромномъ городѣ, гдѣ Матвѣй испыталъ столько горестныхъ приключеній. Въ поѣздъ то и дѣло садились рослые фермеры, загорѣлые, широкоплечіе, въ широкихъ сюртукахъ и съ бородами, которыя могли бы и на нихъ навлечь остроты нью-іоркскихъ уличныхъ бездѣльниковъ. Порой суровый квакеръ въ застегнутомъ до шеи сюртукѣ, порой степной торговецъ скотомъ или охотникъ изъ Канады въ живописномъ костюмѣ—выдѣлялись среди остальной публики, привлекая невольное вниманіе. А одинъ разъ у костра сидѣла, въ ожиданіи своего поѣзда, группа бронзовыхъ индѣйцевъ, возвращавшихся изъ Вашинтгона, завернувшихся въ свои одѣяла и равнодушно курившихъ трубки подъ взглядами любопытной толпы, высыпавшей на это зрѣлище изъ поѣзда...

На одной станціи, у небольшого города, зданія ко-

тораго виднѣлись надъ рѣкой, подъ лѣсомъ, въ вагонъ, гдѣ сидѣлъ Матвѣй, вошелъ новый пассажиръ. Это былъ старикъ, съ худощавымъ лицомъ, сильно впавшими щеками, тонкими губами и острымъ проницательнымъ взглядомъ. Человѣкъ вида страннаго, пожалуй даже смѣшного, тѣмъ болѣе, что одѣтъ онъ былъ совсѣмъ оборванцемъ, а между тѣмъ, держалъ себя увѣренно и даже гордо. Его одежда, когда-то, вѣроятно, черная,—теперь стала сѣрой, отъ солнца, ѣдкой бѣлой пыли и многочисленныхъ ржавыхъ пятенъ. Его штаны были коротки, точно надѣты съ ребенка, а сапоги порыжѣли еще болѣе, чѣмъ у Матвѣя, у котораго они хранили всетаки слѣды щетокъ негра Сама на Бродвэѣ. Но на головѣ незнакомца былъ надѣтъ новенькій, лоснящійся цилиндръ, а во рту торчала большая сигара, наполнявшая вагонъ тонкимъ ароматомъ. Матвѣй удивлялся уже ранѣе, что здѣсь, повидимому, нѣтъ особыхъ вагоновъ для „простого народа“, а теперь подумалъ, что такого молодца въ такихъ штанахъ, да еще съ сигарой,—едва-ли потерпятъ рядомъ съ собой остальные пассажиры, не смотря даже на его новый цилиндръ, какъ будто украденый. Но, къ его удивленію, старика почтительно провожали со станціи какой-то господинъ, очень щеголеватый, и кузнецъ, видимо только что отошедшій отъ горна. Оба они пожимали ему руки на платформѣ, а когда онъ вошелъ въ вагонъ,—ближайшій молодой человѣкъ, тоже одѣтый весьма старательно, привѣтливо посторонился, очищая мѣсто возлѣ себя... Старикъ кивнулъ головой,

вынулъ сигару, сплюнулъ и протянулъ молодому человѣку руку, въ щегольской перчаткѣ.

Между тѣмъ, поѣздъ опять мчался дальше. Теплый вечеръ спускался на поля, на лѣса, на равнины, закутывая все легкимъ сумракомъ, который становился все синѣе и гуще. Мѣрное позваниваніе локомотива оглашало лѣса, молчаливо лежавшіе по обѣ стороны дороги. И всякій разъ при этомъ гдѣ-нибудь на полянкѣ мелькалъ огонь, порой горѣлъ костеръ, вокругъ котораго расположились дровосѣки, порой свѣтились окна домовъ... Въ одномъ мѣстѣ семья садилась за ужинъ на открытомъ воздухѣ. Въ отворенныхъ настежь дверяхъ стояла женщина съ ребенкомъ, и даже пламя свѣчей не колебалось въ тихомъ лѣсномъ затишьи.

Матвѣй глядѣлъ на все это съ смѣшаннымъ чувствомъ: чѣмъ-то родственнымъ вѣяло на него отъ этого простора, гдѣ какъ будто еще только закипала первая борьба человѣка съ природой, и ему становилось грустно: такъ-же вотъ гдѣ-нибудь живутъ теперь Осипъ и Катерина, а онъ... что будетъ съ нимъ въ невѣдомомъ мѣстѣ послѣ всего, что онъ надѣлалъ?

Ему стало такъ горько, что онъ рѣшилъ лучше заснуть... И вскорѣ онъ дѣйствительно спалъ, сидя и закинувъ голову назадъ. А по лицу его, при свѣтѣ электрическаго фонаря, проходили тѣни грустныхъ сновъ, губы подергивались, и брови сдвигались, какъ будто отъ внутренней боли...

XXVIII.

Сонъ не всегда приходитъ къ намъ во время. Если бы на этотъ разъ Матвѣй не спалъ, то могъ бы услышать много любопытнаго, и его похожденія кончились бы благополучно и скоро.

Но онъ спалъ, когда поѣздъ остановился на довольно продолжительное время у небольшой станціи. Невдалекѣ отъ вокзала, среди вырубки виднѣлись зданія изъ свѣжесрубленнаго лѣса. На платформѣ царствовало необычайное оживленіе: выгружали земледѣльческія машины и камень, слышалась бѣготня и громкіе крики, на странномъ горловомъ жаргонѣ. Пассажиры-американцы съ любопытствомъ выглядывали въ окна, находя, повидимому, что эти люди суетятся гораздо больше, чѣмъ бы слѣдовало при данныхъ обстоятельствахъ.

— Простите, сэръ,—спросилъ пассажиръ, ѣхавшій въ поѣздѣ изъ Мильвоки, - что это за народъ?

— Русскіе евреи,—отвѣтилъ спрошенный.—Они основали колонію около Дэбльтоуна...

Въ это время у открытой боковой двери вагона остановились двѣ фигуры, и послышались звуки русской рѣчи.

— Слушай, Евгеній,—говорилъ одинъ высокимъ теноромъ, съ легкимъ гортаннымъ акцентомъ.—Еще разъ: оставайся съ нами!

— Нѣтъ, не могу,—отвѣтилъ другой груднымъ баритономъ. — Тянетъ, понимаешь... Эти послѣднія извѣстія...

— Такая же иллюзія, какъ и прежде!.. И изъ-за этихъ фантазій ты отворачиваешься отъ настоящаго, хорошаго, живого дѣла: дать новую родину тысячамъ людей, произвести соціальный опытъ...

— Все это такъ и, при другихъ условіяхъ... Повторяю тебѣ: тянетъ. А что касается фантазій, то... во-первыхъ, Самуилъ, только въ этихъ фантазіяхъ и жизнь... будущаго! А во-вторыхъ, ты самъ со своимъ дѣломъ...

— All right! (готово)—крикнулъ кто-то на платформѣ.

— Please in the cars (прошу въ вагоны)—раздались приглашенія кондукторовъ. Два пріятеля крѣпко обнялись, и одинъ изъ нихъ вскочилъ въ вагонъ уже на ходу.

Это былъ высокій молодой еще человѣкъ, съ неправильными, но выразительными чертами лица, въ запыленной одеждѣ и обуви, какъ будто ему пришлось въ этотъ день много ходить пѣшкомъ. Онѣ положилъ небольшой узелокъ на полку, надъ головой Матвѣя,—и затѣмъ его взглядъ упалъ на лицо спящаго. Въ это время Матвѣй, быть можетъ, подъ вліяніемъ этого взгляда, раскрылъ свои голубые глаза, сонные и печальные. Нѣсколько секундъ они смотрѣли другъ на друга. Но затѣмъ голова Матвѣя опять откинулась назадъ, и изъ его широкой груди вырвался глубокій вздохъ... Онъ опять спалъ.

Пришелецъ еще нѣсколько секундъ смотрѣлъ въ это лицо... Не смотря на то, что Матвѣй былъ теперь переодѣтъ и гладко выбритъ, что на немъ былъ американскій пиджакъ и шляпа,—было всетаки что-то въ

этой фигурѣ, пробуждавшее воспоминанія о далекой родинѣ. Молодому человѣку вдругъ вспомнилась равнина, покрытая глубокимъ мягкимъ снѣгомъ, звонъ колокольчика, высокій боръ по сторонамъ дороги и люди съ такими же глазами, торопливо сворачивающіе свои сани передъ скачущей тройкой...

Можетъ быть, и Матвѣю вспоминалось что-нибудь въ этомъ родѣ. Губы его шевелились и бормотали что-то, а на лицѣ виднѣлось выраженіе покорной просьбы.

Всю эту короткую молчаливую сцену наблюдалъ сѣрый господинъ въ цилиндрѣ своими рысьими глазками, въ которыхъ свѣтилось странное выраженіе—какого-то насмѣшливаго доброжелательства.

— How do you do (здравствуйте), mister Niloff,— окликнулъ онъ, видя, что русскій его не замѣчаетъ. Тотъ вздрогнулъ и живо повернулся.

— А! Здравствуйте, судья Дикинсонъ, — отвѣтилъ онъ на чистомъ англійскомъ языкѣ,—протягивая судьѣ руку.—Простите, я васъ не замѣтилъ.

— О, это ничего. Вы заинтересовались этимъ пассажиромъ?.. Меня онъ тоже интересуетъ... Онъ ѣдетъ, повидимому, издалека.

— Изъ Мильвоки,—сказалъ одинъ изъ пассажировъ.

— О, нѣтъ,—вмѣшался другой.—Я ѣду изъ Мильвоки и уже засталъ его въ поѣздѣ. Онъ, кажется, сѣлъ въ Чикаго, а, можетъ быть, и въ Нью-Іоркѣ. Онъ не говоритъ ни слова по-англійски и безпомощенъ, какъ ребенокъ.

— Очевидно, иностранецъ,—сказалъ судья Дикин-

сонъ, мѣряя спящаго Матвѣя испытующимъ, внимательнымъ взглядомъ.—Атлетическое сложеніе!.. А вы, мистеръ Ниловъ, кажется, были у вашихъ земляковъ? Какъ ихъ дѣла? Я видѣлъ: они выписали хорошія машины: лучшая марка въ Америкѣ.

— Да... теперь имъ еще трудно. Но они надѣются.

— Читали вы извлеченіе изъ отчетовъ эмиграціоннаго комитета?.. Цифра переселенцевъ изъ Россіи ростетъ.

— Да,—кратко отвѣтилъ Ниловъ.

— А кстати: въ томъ-же номерѣ „Деблътоунскаго курьера“ есть продолженіе исторіи нью-іоркскаго дикаря. И знаете: оказывается, что онъ тоже русскій.

— Въ такомъ случаѣ, сэръ, онъ не дикарь,—сказалъ Ниловъ сухо.

— Гмъ... да... Извините, мистеръ Ниловъ... Я, конечно, не говорю о культурной части націи. Но... до извѣстной степени всетаки... человѣкъ, который кусается...

— Безъ сомнѣнія, онъ не кусается, сэръ. Не всѣ газетныя извѣстія вѣрны.

— Однако... его поступокъ съ полисмэномъ Гопкинсомъ?..

— Полисмэнъ Гопкинсъ, судя даже по газетамъ, первый ударилъ его по головѣ клобомъ... Считаете вы его дикаремъ?

Сѣрый джентльмэнъ засмѣялся и сказалъ:

— О! Но это немного другое дѣло... Полицейскіе этой страны снабжаются клобами для извѣстнаго употребленія... И разъ иностранецъ нарушаетъ порядокъ...

— Мнѣ очень жаль это слышать отъ судьи,—сказалъ Ниловъ холодно.

Сѣрый джэнтльмэнъ нѣсколько выпрямился, видимо задѣтый, и сказалъ:

— Судью Дикинсона еще никто не упрекалъ за опрометчивыя сужденія... въ его камерѣ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ фактами, какъ они изложены въ газетахъ... Я васъ обидѣлъ чѣмъ-нибудь, мистеръ Ниловъ?

— Вы меня не обидѣли. Но, если вы знаете полицейскихъ вашей страны, то и я знаю людей моей родины. И я считаю оскорбительной нелѣпостью газетные толки о томъ, что они кусаются. Вполнѣ-ли вы увѣрены, что ваши полицейскіе не злоупотребляютъ клобами безъ причины?

Сѣрый господинъ вынулъ изо-рта сигару и нѣкоторое время смотрѣлъ на собесѣдника, какъ будто удивленный неожиданнымъ оборотомъ разговора.

— Гмъ... да,—сказалъ онъ.—Если взглянуть на дѣло съ этой точки зрѣнія... По совѣсти я въ этомъ далеко не увѣренъ... И поступи это дѣло ко мнѣ, я потребовалъ бы у Гопкинса точныхъ разъясненій. О, да! Я потребовалъ-бы разъясненій... Повидимому, у васъ есть идея всего событія?

— Да, у меня есть идея событія... Я думаю, что мой землякъ попалъ на митингъ случайно... И случайно встрѣтился съ Гопкинсомъ.

— Ну, а зачѣмъ онъ наклонился и старался схватить его... гмъ... однимъ словомъ... какъ это изложено въ газетахъ?

— Правда состоитъ, вѣроятно, въ томъ, что онъ наклонился... Къ сожалѣнію, сэръ, на моей родинѣ люди кланяются иногда слишкомъ низко...

— Вы думаете? Ха! Это кажется вѣроятнымъ. Намѣреніе укусить и именно за руку... Это по меньшей мѣрѣ требовало-бы доказательствъ...

— А если на привѣтствіе послѣдовалъ хорошій ударъ по головѣ...

— Ха-ха! Это, конечно, затемняетъ разсудокъ и освобождаетъ страсти! Положительно, я считаю дѣло почти выясненнымъ. Вы были-бы отличнымъ адвокатомъ. О, да! Вы могли-бы стать лучшимъ адвокатомъ нашего города!.. И если вы всетаки предпочитаете работать на моей лѣсопилкѣ...

Онъ стряхнулъ пепелъ съ своей сигары и впился въ лицо Нилова своими живыми, острыми глазками. Затѣмъ, оглянувшись на другихъ пасажировъ и желая придать разговору больше интимности, онъ пересѣлъ на скамью рядомъ съ Ниловымъ, положилъ ему руку на колѣно и сказалъ, понизивъ голосъ:

— Извините меня, мистеръ Ниловъ... Дикъ Дикинсонъ человѣкъ любопытный. Позволите вы мнѣ предложить вамъ нѣсколько вопросовъ такъ сказать... личнаго свойства?

— Сдѣлайте одолженіе. Если они будутъ неудобны, я не отвѣчу.

— О, конечно, конечно!—засмѣялся Дикинсонъ.— Видите-ли: вы третій русскій джентльмэнъ, котораго

я встрѣчаю... Скажите—много американцевъ видѣли вы у себя, на родинѣ?

— Встрѣчалъ, хотя... очень немного.

— И навѣрное они мѣняли свое среднее положеніе на лучшія условія у васъ?..

— Пожалуй...

— Скажите... теперь... Можетъ быть, я ошибаюсь, но... Мнѣ кажется... вы лично... не поступили-ли наоборотъ?.. И здѣсь вы уже нѣсколько разъ имѣли случай сбросить рабочую блузу и сдѣлать карьеру...

Ниловъ бросилъ взглядъ на невѣроятный костюмъ стараго джентльмэна и отвѣтилъ, улыбнувшись:

— Я вижу на васъ, судья Дикинсонъ, вашъ рабочій костюмъ!

— О, это немного другое дѣло,—отвѣтилъ Дикинсонъ.—Да, я *былъ* каменщикомъ. И я поклялся надѣвать доспѣхи каменщика во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ... Сегодня я былъ на открытіи банка въ N. Я былъ приглашенъ учредителями. А кто приглашаетъ Дика Дикинсона, тотъ приглашаетъ и его старые доспѣхи. Имъ это было извѣстно.

— Я очень уважаю эту черту, сэръ, — сказалъ серьезно Ниловъ.—Но...

— Но, повторяю, это другое дѣло. Я надѣваю старые доспѣхи и лучшія перчатки изъ Нью-Іорка. Это напоминаетъ мнѣ, чѣмъ я былъ и чѣмъ сталъ, то-есть, чѣмъ именно я обязанъ моимъ старымъ доспѣхамъ. Это—мое прошлое и мое настоящее...

Онъ замолкъ, пожевалъ сигару своими тонкими

ироническими губами и, пристально глядя на молодого человѣка, прибавилъ:

— Вы, кажется, идете обратнымъ путемъ и въ старости, вамъ, пожалуй, захочется надѣть вашъ фракъ.

— Надѣюсь, что нѣтъ,—отвѣтилъ Ниловъ.—Однако, кажется, поѣздъ останавливается. Это лѣсопилка, и я здѣсь сойду. До свиданія, сэръ!

— До свиданія. Я оставлю еще за собой свои вопросы...

Ниловъ, снимая свой узелокъ, еще разъ пристально и какъ будто въ нерѣшимости посмотрѣлъ на Матвѣя, но, замѣтивъ острый взглядъ Дикинсона, взялъ узелъ и попрощался съ судьей. Въ эту самую минуту Матвѣй открылъ глаза, и они съ удивленіемъ остановились на Ниловѣ, стоявшемъ къ нему въ профиль. На лицѣ проснувшагося проступило какъ будто изумленіе. Но, пока онъ протиралъ глаза, поѣздъ, какъ всегда въ Америкѣ, рѣзко остановился, и Ниловъ вышелъ на платформу. Черезъ минуту поѣздъ несся дальше.

Дикинсонъ пересѣлъ на свое мѣсто, и американцы стали говорить объ ушедшемъ.

— Да, сказалъ судья, это третій русскій джентльмэнъ, котораго я встрѣчаю, и третій человѣкъ, котораго я не могу понять...

— Быть можетъ... изъ секты Льва Толстого,—предположилъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

— Не знаю... Но онъ, видимо, получилъ прекрасное образованіе,—продолжалъ Дикинсонъ задумчиво.—И уже нѣсколько разъ, на моихъ глазахъ, пропускаетъ

прекрасные шансы... Когда я исполнилъ свой первый небольшой подрядъ, мистеръ Дэгласъ, инженеръ, сказалъ мнѣ: „Я вами доволенъ, Дикъ Дикинсонъ. Скажите мнѣ, въ чемъ ваша амбиція“. Я усмѣхнулся и сказалъ: „для перваго случая, я не прочь попасть въ президенты“. Мистеръ Дэгласъ засмѣялся тоже и отвѣтилъ: „вѣрно, Дикъ! Не могу поручиться, что вы станете президентомъ, но вы построите цѣлый городъ и станете въ немъ головой...“

— И это оправдалось,—сказалъ почтительно самый юный изъ пассажировъ.

— Да,—продолжалъ Дикинсонъ.—Понять человѣка, значитъ узнать, чего онъ добивается. Когда я замѣтилъ этого русскаго джентльмэна, работавшаго на моей лѣсопилкѣ, я тоже спросилъ у него: what is your ambition? И знаете, что онъ мнѣ отвѣтилъ? „Я надѣюсь, что приготовлю вамъ фанеры не хуже любого изъ вашихъ рабочихъ“...

— Да, все это странно,—сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ.

Между тѣмъ, Матвѣй, который опять задремалъ въ поѣздѣ послѣ ухода Нилова,—вздрогнулъ и забормоталъ во снѣ.

— Вотъ тоже человѣкъ, котораго трудно понять,—засмѣялся одинъ изъ американцевъ.

— Я не встрѣчалъ никого, кто могъ бы такъ много спать въ такомъ неудобномъ положеніи.

Судья Дикинсонъ внимательно посмотрѣлъ на Матвѣя и потомъ сказалъ:

— Я готовъ биться объ закладъ: на душѣ этого человѣка... неспокойно. Я не знаю, куда онъ ѣдетъ, но предпочелъ бы, чтобы онъ миновалъ нашъ городъ. О! у меня на этотъ счетъ вѣрный глазъ...

XIX.

Звонъ раздавался чаще, поѣздъ замедлялъ ходъ, кондукторъ вошелъ въ вагонъ и отобралъ билеты у сѣраго старика и у его молодого сосѣда. Потомъ онъ подошелъ къ спавшему Матвѣю и, тронувъ его за рукавъ, сказалъ:

— Дэбльтоунъ, Дэбльтоунъ, сэръ...

Матвѣй проснулся, раскрылъ глаза, понялъ и вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ. Дэбльтоунъ! Онъ слышалъ это слово каждый разъ, какъ новый кондукторъ бралъ билетъ изъ-за его шляпы, и каждый разъ это слово будило въ немъ непріятное ощущеніе. Дэбльтоунъ, поѣздъ замедлилъ ходъ, берутъ билетъ,—значитъ, конецъ пути, значитъ, придется выйти изъ вагона... А что-же дальше, что его ждетъ въ этомъ Дэбльтоунѣ, куда ему взяли билетъ потому, что до этого мѣста хватило денегъ...

Въ окнахъ вагона замелькали снаружи огни, точно брилліантовыя булавки, воткнутыя въ темноту горъ и лѣсовъ. Потомъ эти огни сбѣжали далеко внизъ, отразились въ какомъ то клочкѣ воды, потомъ совсѣмъ исчезли, и мимо окна, шипя и гудя, пробѣжала гранитная скала такъ близко, что на ней ясно отражался желтый свѣтъ изъ оконъ вагона... Затѣмъ подъ поѣздомъ загу-

дѣлъ мостъ, опять появились далекіе огни надъ рѣкой, но теперь они взбирались все выше, подбѣгали все ближе, заглядывая въ вагонъ вплотную и быстро исчезая назади. На паровозѣ звонили безъ перерыва, потому что поѣздъ, едва замедлившій ходъ, мчался теперь по главной улицѣ города Дэбльтоуна...

— Видѣли-ли вы, сэръ, какъ этотъ незнакомецъ вздрогнулъ?—спросилъ молодой человѣкъ, очевидно, заискивавшій у судьи Дикинсона.

— Я все видѣлъ,—отвѣтилъ старикъ.—Дикъ Дикинсонъ приметъ свои мѣры.

Черезъ минуту двери домовъ въ Дэбльтоунѣ раскрывались, и жители выходили навстрѣчу своихъ пріѣзжихъ. Вагонъ опустѣлъ. Молодой человѣкъ еще долго кланялся мистеру Дикинсону и напоминалъ о поклонѣ миссъ Люси. Потомъ онъ отправился въ городъ и посѣялъ тамъ нѣкоторое безпокойство и тревогу.

Городъ Дэбльтоунъ былъ молодой городъ молодого штата. Прошло не болѣе 8 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ были распланированы его улицы у линіи новой желѣзной дороги, и съ тѣхъ поръ городокъ жилъ тихою жизнью американскаго захолустья. Совершенно понятно, что среди однотонной рабочей жизни гор. Дэбльтоунъ жадно поглотилъ извѣстіе, что съ послѣднимъ поѣздомъ прибылъ человѣкъ, который не сказалъ никому ни слова, который вздрагивалъ отъ прикосновенія, который, наконецъ, возбудилъ сильныя подозрѣнія въ судьѣ Дикинсонѣ, самомъ эксцентричномъ, но и самомъ уважаемомъ человѣкѣ Дэблыоуна.

Сойдя съ поѣзда, судья Дикинсонъ тотчасъ же подозвалъ единственнаго дэбльтоунскаго полисмэна и, указавъ на фигуру Матвѣя, нерѣшительно стоявшаго на залитой электрическимъ свѣтомъ платформѣ, сказалъ:

— Посмотрите, Джонъ, куда отправится этотъ пріѣзжій. Надо узнать намѣренія этого молодца. Боюсь, что намъ не придется узнать ничего особенно хорошаго.

Полисмэнъ Джонъ Келли отошелъ и скрылся подъ тѣнью какого-то сарая, гордясь тѣмъ, что, наконецъ, и ему выпало на долю исполнять нѣкоторое довольно тонкое порученіе...

Однако, Джону Келли скоро стало казаться, что у незнакомца не было никакихъ намѣреній. Онъ просто вышелъ на платформу, безъ всякаго багажа, только съ корзинкой въ рукѣ, и даже, повидимому, безъ всякаго плана дѣйствій тупо смотрѣлъ, какъ удаляется поѣздъ. Раздался звонъ, зашипѣли колеса, поѣздъ пролетѣлъ по улицѣ, мелькнулъ въ полосѣ электрическаго свѣта около аптеки, а затѣмъ потонулъ въ темнотѣ, и только еще красный фонарикъ сзади нѣсколько времени посылалъ прощальный привѣтъ изъ глубины ночи...

Лозищанинъ вздохнулъ, оглянулся и сѣлъ на скамью, подъ заборомъ, около опустѣвшаго вокзала. Луна поднялась на середину неба, фигура полисмэна Джона Келли стала выступать изъ сократившейся тѣни, а незнакомецъ все сидѣлъ, ничѣмъ не обнаруживая своихъ намѣреній по отношенію къ засыпавшему городу Дэбльтоуну.

Тогда Джонъ Келли вышелъ изъ своей засады и,

согласно уговору, постучался въ окно къ судьѣ Дикинсону.

Судья Дикинсонъ высунулъ голову съ выраженіемъ человѣка, который зналъ впередъ все то, что ему пришли теперь сообщить.

— Ну, что, Джонъ? Куда направился этотъ молодецъ?

— Онъ никуда не отправился, сэръ. Онъ все сидитъ на томъ же мѣстѣ.

— Онъ все сидитъ... хорошо. Обнаружилъ онъ чѣмъ нибудь свои намѣренія?

— Я думаю, сэръ, что у него нѣтъ никакихъ намѣреній.

— У всякаго человѣка есть намѣренія, Джонъ,—сказалъ Дикинсонъ съ улыбкой сожалѣнія къ наивности дэбльтоунскаго стража.—Повѣрьте мнѣ, у всякаго человѣка непремѣнно есть какія-нибудь намѣренія. Если я, напримѣръ, иду въ булочную,—значитъ, я намѣренъ купить бѣлаго хлѣба, это ясно, Джонъ. Если я ложусь въ постель,—очевидно, я намѣренъ заснуть. Не такъ ли?

— Совершенно справедливо, сэръ.

— Ну, а если бы... (тутъ лицо стараго джентльмэна приняло лукавое выраженіе), если бы вы увидѣли, что я хожу въ полночь около желѣзнодорожнаго склада, осматривая замки и двери... Понимаете вы меня, Джонъ?

— Какъ нельзя лучше, сэръ... Однако... Если человѣкъ только сидитъ на скамьѣ и вздыхаетъ...

— Уэлъ! Это, конечно, не такъ опредѣленно. Онъ имѣетъ право, какъ и всякій другой, сидѣть на скамьѣ

и вздыхать хоть до утра. Посмотрите только, не станетъ ли онъ дѣлать чего-нибудь похуже. Дэбльтоунъ полагается на вашу бдительность, сэръ! Не пойдетъ ли незнакомецъ къ рѣкѣ, нѣтъ ли у него сообщниковъ на баркахъ, не ждетъ ли онъ случая, чтобы ограбить желѣзнодорожный поѣздъ, какъ это было недавно около Мадисона... Постойте еще, Джонъ.

Джеджъ Дикинсонъ прислушался: къ станціи подходилъ поѣздъ. Судья посмотрѣлъ на Джона своими острыми глазками и сказалъ:

— Джонъ!

— Слушаю, сэръ!

— Я сильно ошибаюсь, если вы найдете его на мѣстѣ. Онъ хотѣлъ обмануть вашу бдительность и достигъ этого. Онъ, вѣроятно, сдѣлалъ свое дѣло и теперь готовится сѣсть въ поѣздъ. Поспѣшите.

Окно Дикинсона захлопнулось, а Джонъ Келли бѣгомъ отправился на вокзалъ. Человѣкъ безъ намѣреній все сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ, низко опустивъ голову. Джонъ Келли сталъ искать тѣни, подлиннѣе и погуще, чтобы пристроить въ ней свою долговязую фигуру. Такъ какъ это не удавалось, то Келли рѣшилъ, что ему необходимо присѣсть у стѣны склада. А затѣмъ, голова Джона Келли сама собой прислонилась къ стѣнѣ, и онъ сладко заснулъ. Судья Дикинсонъ подождалъ еще нѣкоторое время, но, видя, что полисмэнъ не возвращается, рѣшилъ, что человѣкъ безъ намѣреній оказался на мѣстѣ. Онъ хотѣлъ уже тушить свою лампу, когда ему доложили, что съ поѣзда явился къ нему человѣкъ по экстренному дѣлу.

Дѣйствительно, въ его комнату вошелъ торопливой

походкой человѣкъ довольно неопредѣленнаго вида, въ которомъ, однако, опытный глазъ судьи различилъ нѣкоторыя специфическія черты сыщика.

— Вы здѣшній судья?—спросилъ незнакомецъ, поклонившись.

— Судья города Дэбльтоуна,—отвѣтилъ Дикенсонъ важно.

— Мнѣ необходимъ приказъ объ арестѣ, сэръ.

— А! Я такъ и думалъ... Человѣкъ высокаго роста, атлетическаго сложенія?.. Прибылъ съ предыдущимъ поѣздомъ?..

Сыщикъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ на проницательнаго судью и сказалъ:

— Какъ? Вамъ уже извѣстно, что нью-іорскій дикарь?..

Судья Дикинсонъ быстро взглянулъ на сыщика и сказалъ:

— Ваши полномочія?..

Новоприбывшій потупился.

— Я такъ спѣшно отправился по слѣдамъ, что не успѣлъ запастись спеціальными приказами. Но исторія такъ извѣстна... Дикарь, убившій Гопкинса...

— По послѣднимъ телеграммамъ,—сказалъ холодно судья,—здоровье полисмэна Гопкинса находится въ отличномъ состояніи. Я спрашиваю ваши полномочія?

— Я уже сказалъ вамъ, сэръ... Дѣло очень важно. И притомъ—онъ иностранецъ.

— Иначе сказать,—вы часто облегчаете себѣ задачу съ иностранцами. Я не дамъ приказа.

— Но, сэръ... это опасный субъектъ.

— Полиція города Дэбльтоуна исполнитъ свой долгъ, сэръ!—сказалъ судья Дикинсонъ надменно.—Я не допущу, чтобы впослѣдствіи писали въ газетахъ, что въ городѣ Дэбльтоунѣ арестовали человѣка безъ достаточныхъ основаній.

Незнакомецъ вышелъ, пожавъ плечами, и отправился прежде всего на телеграфъ, а судья Дикинсонъ легъ спать, совершенно увѣренный, что теперь у полиціи города Деблльтоуна есть хорошая помощь по надзору за человѣкомъ безъ намѣреній. Но прежде, чѣмъ лечь, онъ послалъ еще телеграмму, вызывавшую на завтра мистера Евгенія Нилова...

XX.

На утро Джонъ Келли явился къ судьѣ.

— Ну, что скажете, Джонъ?—спросилъ у него Дикинсонъ.

— Все въ порядкѣ, сэръ. Только... Тамъ за нимъ слѣдитъ еще кто-то.

— Знаю. Человѣкъ небольшого роста, въ сѣромъ костюмѣ.

Джонъ Келли съ благовѣніемъ посмотрѣлъ на всезнающаго судью и продолжалъ:

— Онъ все сидитъ, сэръ, опустивъ голову на руки. Когда поутру проходилъ желѣзнодорожный сторожъ, онъ только посмотрѣлъ на него. „Какъ больная собака“—сказалъ Вилліамсъ.

— И ничего больше?

— Около незнакомца собираются обыватели города Дэбльтоуна... Вся площадка и сквэръ около вокзала заняты народомъ, сэръ.

— Что имъ нужно, Джонъ?

— Они, вѣроятно, тоже хотятъ узнать его намѣренія... И при томъ, разнесся слухъ, будто это дикарь, убившій полисмэна въ Нью-Іоркѣ...

Донесеніе Джона было совершенно справедливо. За ночь слухи о томъ, что съ поѣздомъ прибылъ странный незнакомецъ, намѣренія котораго возбудили подозрительность м-ра Дикинсона,—успѣли вырости, и на утро, когда оказалось, что у незнакомца нѣтъ никакихъ намѣреній и что онъ просидѣлъ всю ночь безъ движенія,—городъ Дэбльтоунъ пришелъ въ понятное волненіе. Около страннаго человѣка стали собираться кучки любопытныхъ, сначала мальчики и подростки, шедшіе въ школы, потомъ приказчики, потомъ дэбльтоунскія дамы, возвращавшіяся изъ лавокъ и съ базаровъ,—однимъ словомъ, весь Дэбльтоунъ, постепенно просыпавшійся и принимавшійся за свои обыденныя дѣла, перебывалъ на площадкѣ городского сквэра, у желѣзнодорожной станціи, стараясь, конечно, проникнуть въ намѣренія незнакомца...

Но это было очень трудно, такъ какъ незнакомецъ все сидѣлъ на мѣстѣ, вздыхалъ, глядѣлъ на приходящихъ и порой отвѣчалъ на вопросы непонятными словами. А между тѣмъ, у Матвѣя къ этому времени уже было намѣреніе. Разсмотрѣвъ внимательно свое

положеніе, въ эту долгую ночь, пока городъ спалъ, а невдалекѣ сновали тѣни полицейскаго Келли и пріѣзжаго сыщика,—онъ пришелъ къ заключенію, что отъ судьбы не уйдешь, судьба-же представлялась ему, человѣку безъ языка и безъ паспорта,—въ видѣ неизбѣжной тюрьмы... Онъ долго думалъ объ этомъ и рѣшилъ, что, раньше или позже, а безъ знакомства съ американской кутузкой дѣло обойтись не можетъ. Такъ пусть ужъ лучше раньше, чѣмъ позже. Онъ покажетъ знаками, что ничего не понимаетъ, а объ исторіи въ Нью-Іоркѣ здѣсь, конечно, никто не знаетъ... Поэтому онъ даже вздохнулъ съ облегченіемъ и съ радостной довѣрчивостью поднялся навстрѣчу добродушному Джону Келли, который шелъ къ нему, расталкивая толпу.

Судья Дикинсонъ вышелъ въ свою камеру, когда шумъ и говоръ раздались у его дома, и въ камеру ввалилась толпа. Незнакомый великанъ кротко стоялъ посерединѣ, а Джонъ Келли сіялъ торжествомъ.

— Онъ обнаружилъ намѣреніе, г. судья,—сказалъ полисмэнъ, выступая впередъ.

— Хорошо, Джонъ. Я зналъ, что вы оправдаете довѣріе города... Какое-же именно намѣреніе онъ обнаружилъ?

— Онъ хотѣлъ укусить меня за руку.

Мистеръ Дикинсонъ даже откинулся на своемъ креслѣ.

— Укусить за руку?.. Такъ это всетаки правда! Увѣрены ли вы въ этомъ, Джонъ Келли?

— У меня есть свидѣтели.

— Хорошо. Мы спросимъ свидѣтелей. Случай требуетъ внимательнаго разслѣдованія. Не пришелъ еще мистеръ Ниловъ?..

Нилова еще не было. Матвѣй глядѣлъ на все происходившее съ удивленіемъ и неудовольствіемъ. Онъ рѣшилъ идти навстрѣчу неизбѣжности, но ему казалось, что и это дѣлается здѣсь какъ-то неполюдски. Онъ представлялъ себѣ это дѣло гораздо проще. У человѣка спрашиваютъ паспортъ, паспорта нѣтъ. Человѣка берутъ, и полицейскій, съ книгой подъ мышкой, ведетъ его куда слѣдуетъ. А тамъ ужъ, что будетъ, т. е. какъ рѣшитъ начальство.

Но здѣсь и это простое дѣло не умѣютъ сдѣлать какъ слѣдуетъ. Собралась зачѣмъ-то толпа, точно на звѣря, всѣ валятъ въ камеру и здѣсь сидитъ на первомъ мѣстѣ вчерашній оборванецъ, правда, теперь одѣтый совершенно прилично, хотя безъ всякихъ знаковъ начальственнаго званія... Матвѣй сталъ озираться по сторонамъ съ признаками негодованія.

Между тѣмъ, судья Дикинсонъ приступилъ къ допросу.

— Прежде всего, установимъ національность и имя,— сказалъ онъ.—Your name (ваше имя)?

Матвѣй молчалъ.

— Your nation?—И, не получая отвѣта, судья посмотрѣлъ на публику.—Нѣтъ-ли здѣсь кого-нибудь, знающаго хоть нѣсколько словъ по-русски? Миссисъ Брайсъ! Кажется, вашъ отецъ былъ родомъ изъ Россіи?..

Изъ толпы вышла женщина лѣтъ сорока, небольшого роста, съ голубыми, какъ и у Матвѣя, хотя и значительно выцвѣтшими глазами. Она стала противъ Матвѣя и какъ будто начала припоминать что-то.

Въ камерѣ водворилось молчаніе. Женщина смотрѣла на лозищанина, Матвѣй впился глазами въ ея глаза, тусклые и выцвѣтшіе, какъ ледъ, но въ которыхъ пробивалось что-то, какъ будто старое воспоминаніе. Это была дочь поляка эмигранта. Ея мать умерла рано, отецъ спился гдѣ-то въ Калифорніи, и ее воспитали американцы. Теперь какія-то смутныя воспоминанія шевелились въ ея головѣ. Она давно забыла свой языкъ, но въ ея памяти еще шевелились слова пѣсни, которой мать забавляла когда-то ее, малаго ребенка. Вдругъ глаза ея засвѣтились, она приподняла надъ головой руку, щелкнула пальцами, повернулась и запѣла по-польски, какъ-то странно, точно говорящая машина:

Наша мат-ка... ку-ропат-ка...
Рада бить дѣ-тей...

Матвѣй вздрогнулъ, рванулся къ ней и заговорилъ быстро и возбужденно. Звуки славянскаго языка дали ему надежду на спасеніе, на то, что его, наконецъ, поймутъ, что ему найдется какой-нибудь выходъ...

Но глаза женщины уже потухли. Она помнила только слова пѣсни, но и въ ней не понимала ни слова. Потомъ поклонилась судьѣ, сказала что-то по-англійски и отошла.

Матвѣй кинулся за ней, крича что-то, почти въ из-

ступленіи, но нѣмецъ и Келли загородили ему дорогу. Можетъ быть, они боялись, что онъ искусаетъ эту женщину, какъ хотѣлъ укусить полисмэна...

Тогда Матвѣй схватился за ручку скамейки и пошатнулся. Глаза его были широко открыты, какъ у человѣка, которому представилось страшное видѣніе. И дѣйствительно,—ему, голодному, истерзанному и потрясенному, первый разъ въ жизни привидѣлся сонъ на яву. Ему представилось совершенно ясно, что онъ еще на кораблѣ, стоитъ на самой кормѣ, что голова у него кружится, что онъ падаетъ въ воду. Это снилось ему не разъ во время путешествія, и онъ думалъ послѣ этого, что чувствуютъ эти бѣдняки, съ разбитыхъ кораблей, одни, безъ надежды, среди этого бездушнаго, безконечнаго и грознаго океана...

Теперь этотъ самый сонъ проносился передъ его широко открытыми глазами. Вмѣсто судьи Дикинсона, вмѣсто полицейскаго Келли, вмѣсто всѣхъ этихъ людей, вмѣсто камеры,—передъ нимъ ясно ходили волны, пѣнистыя, широкія, холодныя, безъ конца, безъ края... Онѣ ходятъ, грохочутъ, плещутъ, подымаются, топятъ... Онъ напрасно старается вынырнуть, крикнуть, позвать, схватиться, удержаться на поверхности... Что-то тянетъ его книзу. Въ ушахъ шумитъ, передъ глазами зеленая глубина, таинственная и страшная. Это гибель. И вдругъ къ нему склоняется человѣческое лицо, съ голубыми застывшими глазами. Онъ оживаетъ, надѣется, онъ ждетъ руки помощи. Но глаза тусклы, лицо блѣдно... Это лицо мертвеца, который утонулъ уже раньше...

Вся эта картина мелькнула на одно мгновеніе, но такъ ясно, его сердце сжалось такимъ ужасомъ, что онъ глубоко вздохнулъ и схватился за голову... „Господи Боже, Святая Дѣва,—бормоталъ онъ,—помогите несчастному человѣку. Кажется, что въ головѣ у меня неладно“...

Онъ протеръ глаза кулакомъ и опять сталъ искать надежду на лицахъ этихъ людей.

А въ это время полицейскій Джонъ объяснялъ судьѣ Дикинсону, при какихъ обстоятельствахъ обнаружились намѣренія незнакомца. Онъ разсказалъ, что, когда онъ подошелъ къ нему, тотъ взялъ его руку вотъ такъ (Джонъ взялъ руку судьи), потомъ наклонился вотъ этакъ...

И полицейскій Джонъ, наклонившись къ рукѣ судьи, для большей живости оскалилъ свои бѣлые зубы, придавъ всему лицу выраженіе дикой свирѣпости.

Эта демонстрація произвела сильное впечатлѣніе на публику, но впечатлѣніе, произведенное ею на Матвѣя, было еще сильнѣе. Этотъ языкъ былъ и ему понятенъ. При видѣ маневра Келли, ему стало сразу ясно очень многое: и то, почему Келли такъ рѣзко отдернулъ свою руку, и даже, за что онъ, Матвѣй, получилъ ударъ въ Центральномъ паркѣ... И ему стало такъ обидно и горько, что онъ забылъ все.

— Неправда,—крикнулъ онъ,—не вѣрьте этому подлому человѣку...

И, возмущенный до глубины души клеветой, онъ кинулся къ столу, чтобы показать судьѣ, что́ именно онъ хотѣлъ сдѣлать съ рукой полисмэна Келли...

Судья Дикинсонъ вскочилъ со своего мѣста и наступилъ при этомъ на свою новую шляпу. Какой-то дюжій нѣмецъ, Келли и еще нѣсколько человѣкъ схватили Матвѣя сзади, чтобы онъ не искусалъ судью, выбраннаго народомъ Дэбльтоуна; въ камерѣ водворилось волненіе, небывалое въ лѣтописяхъ города. Ближайшіе къ дверямъ кинулись къ выходу, толпились, падали и кричали, а внутри происходило что-то непонятное и страшное...

Измученный, голодный, оскорбленный, доведенный до изступленія,—лозищанинъ раскидалъ всѣхъ вцѣпившихся въ него американцевъ, и только дюжій, какъ и онъ самъ, нѣмецъ еще держалъ его сзади за локти, упираясь ногами... А онъ рвался впередъ, съ глазами налившимися кровью, и чувствуя, что онъ дѣйствительно начинаетъ сходить съ ума, что ему дѣйствительно хочется кинуться на этихъ людей, бить и, пожалуй, кусаться...

Неизвѣстно, что было бы дальше. Но въ это время въ камеру быстро вошелъ Ниловъ. Онъ протолкался къ Матвѣю, сталъ передъ нимъ и спросилъ съ участіемъ, по-русски:

— Эй, землякъ! Что это вы тутъ натворили?

При первыхъ звукахъ этого голоса, Матвѣй рванулся и, припавъ къ рукѣ новопришедшаго, сталъ цѣловать ее, рыдая, какъ ребенокъ...

Черезъ четверть часа камера мистера Дикинсона опять стала наполняться обывателями города Дэбльтоуна, узнавшими, что, по обстоятельствамъ дѣла, на-

мѣреніе незнакомца разъяснилось въ самомъ удовлетворительномъ смыслѣ. Въ лицѣ русскаго джентльмэна, работающаго на лѣсопилкѣ, онъ нашелъ земляка и адвоката, которому не стоило много труда опровергнуть обвиненіе. Судья Дикинсонъ получилъ вполнѣ удовлетворительные отвѣты на вопросы: „Your name?“, „Your nation?“ и на всѣ другіе, вытекавшіе изъ обстоятельствъ дѣла. Гордый полнымъ успѣхомъ, увѣнчавшимъ его разбирательство,—онъ великодушно забылъ даже о новой шляпѣ и, быстро покончивъ съ оффиціальными отношеніями, протянулъ обвиняемому руку, выразивъ при этомъ увѣренность, что выборъ именно Дэбльтоуна изъ всѣхъ городовъ союза—дѣлаетъ величайшую честь его проницательности... Въ заключеніе онъ предложилъ Матвѣю партикулярный вопросъ:

— Гоу до ю лайкъ дисъ кэунтри, сэръ?

— Онъ хочетъ знать, какъ вамъ понравилась Америка?—перевелъ Ниловъ.

Матвѣй, который все еще дышалъ довольно тяжело, махнулъ рукой.—А! чтобъ ей провалиться,—сказалъ онъ искренно.

— Что сказалъ джентльмэнъ о нашей странѣ?—съ любопытствомъ переспросилъ судья Дикинсонъ, одновременно возбудивъ великое любопытство въ остальныхъ присутствующихъ.

— Онъ говоритъ, что ему нужно время, чтобы оцѣнить всѣ достоинства этой страны, сэръ...

— Вэри уэлъ! Отвѣтъ, совершенно достойный бла-

горазумнаго джентльмэна!—сказалъ Дикинсонъ тономъ полнаго удовлетворенія.

XXI.

На слѣдующій день газета города Дэбльтоуна вышла въ увеличенномъ форматѣ. На первой страницѣ ея красовался портретъ мистера Мэтью, новаго обитателя славнаго города, а въ текстѣ, снабженномъ достаточнымъ количествомъ весьма громкихъ заглавій,—редакторъ ея обращался ко всей остальной Америкѣ вообще и къ городу Нью-Іорку въ особенности. „Отнынѣ, — писалъ онъ,—городъ Дэбльтоунъ можетъ гордиться тѣмъ обстоятельствомъ, что его судья, мистеръ Дикинсонъ, удачно разрѣшилъ вопросъ, надъ которымъ тщетно ломали головы лучшіе ученые Нью-Іорка. Знаменитый дикарь, виновникъ инцидента въ Central-park'ѣ, извѣстіе о которомъ обошло всю Америку въ столь искаженномъ видѣ,—въ настоящее время является гостемъ нашего города. Послѣ весьма искуснаго разслѣдованія, произведеннаго чрезвычайно свѣдущимъ въ своемъ дѣлѣ судьей, м-ромъ Дикинсономъ,—онъ оказался русскимъ, уроженцемъ Лозищанской губерніи (одной изъ лучшихъ и самыхъ просвѣщенныхъ въ этой великой и дружественной странѣ), христіаниномъ и,—добавимъ отъ себя,—очень кроткимъ человѣкомъ, весьма пріятнымъ въ обращеніи и совершенно лойяльнымъ. Онъ обнаружилъ истинно христіанскую радость, узнавъ о томъ, что здоровье полисмэна Гопкинса, считавшагося

убитымъ, находится въ вождѣленномъ состояніи, и что этотъ полисмэнъ уже приступилъ къ исполненію своихъ обычныхъ обязанностей. Тѣмъ лучше для полисмэна Гопкинса, но, смѣемъ прибавить, основываясь на мнѣніи лучшихъ юристовъ нашего города, что въ этомъ вопросѣ является заинтересованнымъ лицомъ единственно лишь самъ полисмэнъ Гопкинсъ, такъ какъ онъ самъ виновенъ въ постигшемъ его несчастіи. Да, повторяемъ, онъ самъ виновенъ, такъ какъ первый ударилъ клобомъ по головѣ мирнаго иностранца, обратившагося къ нему съ выраженіемъ любви и довѣрія. Если судьи города Нью-Іорка думаютъ иначе, если адвокатъ этого штата пожелаетъ доказывать противное, или самъ полисмэнъ Гопкинсъ вознамѣрится искать убытки, то они будутъ имѣть дѣло съ лучшими юристами Дэбльтоуна, выразившими готовность защищать обвиняемаго безвозмездно. Едва-ли, однако, въ этомъ представится надобность послѣ того, какъ мы разоблачимъ на этихъ столбцахъ еще одну клевету, которой наши нью-іоркскіе собратія по перу, безъ достаточной провѣрки, очернили репутацію мистера Мэтью Лозинскаго, нашего уважаемаго гостя и, надѣемся—будущаго согражданина. Дѣло въ томъ, *что онъ вовсе не кусается.* Движеніе, которое полисмэнъ Гопкинсъ истолковалъ въ этомъ позорномъ смыслѣ (что вовсе не дѣлаетъ чести проницательности нью-іоркской полиціи), —имѣетъ, наоборотъ, значеніе самаго горячаго привѣта и почтенія, которымъ въ Лозищанской губерніи обмѣниваются взаимно люди самаго лучшаго круга. Онъ просто наклонялся, чтобы поцѣловать у Гопкинса руку.

То же движеніе мы имѣли случай наблюдать съ его стороны по отношенію къ судьѣ Дикинсону, полисмэну Джону Келли, а также къ одному изъ его соотечественниковъ, занимающему нынѣ очень скромное положеніе на лѣсопилкѣ м-ра Дикинсона, но которому его таланты и образованіе, безъ сомнѣнія, откроютъ широкую дорогу въ этой странѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что, если бы и у насъ, на это выраженіе высшей деликатности послѣдовалъ грубый отвѣтъ по головѣ клобомъ,—то полисмэнъ города Дэбльтоуна испыталъ бы горькую судьбу полисмэна города Нью-Іорка, такъ какъ русскій джентльмэнъ обладаетъ необыкновенной физической силой. Но Дэбльтоунъ,—говоримъ это съ гордостью,—не только разрѣшилъ этнографическую загадку, оказавшуюся не по силамъ кичливому Нью-Іорку,—но еще подалъ сказанному городу примѣръ истинно-христіанскаго обращенія съ иностранцемъ,—обращенія, которое, надѣемся, изгладитъ въ его душѣ горестныя воспоминанія, порожденныя пребываніемъ въ Нью-Іоркѣ.

„Изъ судебной камеры мистеръ Ниловъ,—русскій джентльмэнъ, о которомъ сказано выше,—увелъ соотечественника въ свое жилище, находящееся въ небольшомъ рабочемъ поселкѣ, около лѣсопилки. Значительная часть населенія города Дэбльтоуна, состоявшая преимущественно изъ юныхъ джентльмэновъ и лэди, провожала ихъ до самаго дома одобрительными криками, и даже послѣ того, какъ дверь за ними закрылась, народъ не расходился, пока мистеръ Ниловъ не вышелъ вновь и не произнесъ небольшого спича на тему о

будущемъ процвѣтаніи славнаго города... Онъ закончилъ просьбой дать отдыхъ его скромному соотечественнику, не привыкшему къ столь шумнымъ изъявленіямъ общественной симпатіи“.

Разумѣется, авторъ краснорѣчивой статьи не зналъ, что, когда граждане города Дэбльтоуна разошлись, Матвѣй вздохнулъ съ облегченіемъ и сказалъ:

— Что?.. совсѣмъ они ушли?

— Да,—отвѣтилъ Ниловъ, принявшійся готовить кофе на керосинкѣ.

— А, чтобъ ихъ всѣхъ взяла лихорадка!..—отъ души сказалъ Матвѣй и какъ-то весь опустился. Ниловъ только улыбнулся и не сказалъ ничего: онъ понималъ, что столько пережитыхъ ощущеній могутъ свалить даже такого сильнаго человѣка. Поэтому онъ наскоро напоилъ его горячимъ кофе и уложилъ спать.

XXII.

Матвѣй проспалъ цѣлыя сутки и даже нѣсколько больше. Когда онъ проснулся, солнце уходило изъ свѣтлой каморки, озаряя ее послѣдними лучами. Ниловъ, вернувшійся съ работы, снималъ съ себя синюю блузу, всю въ стружкахъ и опилкахъ. Стружки видны были даже въ его волосахъ.

Матвѣй нѣкоторое время не могъ сообразить, гдѣ онъ и что съ нимъ происходитъ. Поэтому сначала онъ смотрѣлъ прищуренными глазами, какъ-то подозрительно слѣдя за движеніями молодого человѣка, боясь,

что это сонъ, который сейчасъ смѣнится новой кутерьмой непріятнаго свойства.

Между тѣмъ, Ниловъ тихонько переодѣлся, смѣнивъ рабочій костюмъ легкой фланелевой парой, и сѣвъ къ столу, раскрылъ какую-то книгу.

Въ этомъ видѣ—онъ совсѣмъ не напоминалъ рабочаго, и въ памяти лозищанина ожилъ опять мимолетный образъ, который мелькнулъ уже разъ въ вагонѣ. Ему вспомнился барскій домъ около Лозищей, выглядывавшій изъ-за зелени сада. Между этимъ домомъ и поселкомъ шла давняя вражда и долгая тяжба изъ-за чиншевыхъ земель. Она началась при отцахъ, продолжалась при дѣтяхъ и склонялась то на ту, то на другую сторону. Дѣло грозило большими запутанностями и непріятностями, какъ вдругъ старый баринъ умеръ. Въ Лозищи явился его наслѣдникъ и, созвавъ сходъ,—предложилъ покончить споръ, уступивъ по всѣмъ пунктамъ. Нѣкоторое время лозищане еще шумѣли и упирались, не понимая причинъ этой уступчивости. Но потомъ болѣе проницательные люди сообразили, что, вѣроятно, барчукъ прокутился, надѣлалъ долговъ и хочетъ поскорѣе спустить отцовское наслѣдіе, чему мѣшаетъ тяжба. Лозищане постарались оттянуть еще, что было можно, и дѣло было кончено. Послѣ этого барчукъ исчезъ куда-то, и о немъ больше не было слышно ничего опредѣленнаго. Остались только какіе-то смутные толки, довольно разнорѣчивые, но во всѣхъ версіяхъ — неблагопріятные для молодого человѣка.

И вотъ, теперь Матвѣю показалось, что передъ нимъ этотъ самый человѣкъ, только что снявшій рабочую блузу и сидящій за книгой. Онъ такъ удивился этому, что сталъ протирать глаза. Кровать подъ нимъ затрещала, Ниловъ повернулся.

— Что, землякъ, выспались? — спросилъ онъ привѣтливо.—Ну, теперь давайте пить кофе.

Лозинскій поднялся застѣнчиво и неловко, расправляя онѣмѣвшіе члены. Вчера онъ обрадовался этому человѣку, какъ избавителю, сегодня чувствовалъ себя какъ-то неловко въ его присутствіи. Къ тому-же онъ увидѣлъ съ смущеніемъ, что въ комнатѣ не было другой кровати, — значитъ, хозяинъ уступилъ свою, а его ноги были босы,—значитъ Ниловъ снялъ съ него соннаго сапоги. Правда, онъ не разувался во все время долгаго пути, и отъ этого ноги его горѣли... Но всетаки эти заботы причинили ему скорѣе неудовольствіе. Онъ былъ теперь увѣренъ, что это лозищанскій барчукъ, и что толки были правдивы; онъ, значитъ, дѣйствительно спустилъ все отцовское наслѣдіе и теперь несетъ участь блуднаго сына на чужой сторонѣ. Но такъ какъ всетаки онъ оказалъ ему услугу и при томъ былъ баринъ, то Лозинскій рѣшилъ не подавать и виду, что узналъ его, но въ его поведеніи сквозило невольное почтеніе. Это вносило какое-то замѣшательство и неопредѣленность въ ихъ взаимныя отношенія. Ниловъ велъ себя просто, но сдержанно, Матвѣй конфузился и уходилъ въ себя.

На слѣдующій день, вернувшись съ лѣсопилки,

Ниловъ сказалъ, что Матвѣй можетъ, если желаетъ, получить работу: носить лѣсъ съ барокъ. Матвѣй, конечно, согласился съ радостью, и вскорѣ недавняя знаменитость, человѣкъ, о которомъ говорили всѣ газеты Америки—скромно переносилъ лѣсъ съ барокъ на берегъ рѣчки. Его сила и увѣренность его обращенія съ тяжелыми дубовыми бревнами доставили ему повышеніе и, спустя недѣли двѣ, онъ работалъ уже рядомъ съ Ниловымъ, подавая лѣсъ на колеса, гдѣ Ниловъ готовилъ тонкія фанеры. Къ вечеру, оба засыпанные опилками, они возвращались домой.

Матвѣй нанялъ комнату рядомъ съ Ниловымъ, обѣдать они ходили вмѣстѣ, въ ресторанъ. Матвѣй не говорилъ ничего, но ему казалось, что обѣдать въ ресторанѣ—чистое безуміе, и онъ все подумывалъ о томъ, что онъ устроится со временемъ поскромнѣе. Когда пришелъ первый разсчетъ, онъ удивился, увидя, что за расходами у него осталось еще довольно денегъ. Онъ ихъ припряталъ, купивъ только смѣну бѣлья.

Еще черезъ недѣлю, Ниловъ сказалъ ему, что они отправятся вмѣстѣ въ Дебльтоунъ, гдѣ онъ, Ниловъ, будетъ читать лекцію. Они пришли въ большой залъ, весь набитый народомъ, который встрѣтилъ ихъ криками и свистомъ (въ Америкѣ это—выраженіе одобренія). Затѣмъ все стихло, судья Дикинсонъ сказалъ нѣсколько словъ, указывая то на Матвѣя, то на Нилова, а затѣмъ послѣдній сталъ долго и свободно разсказывать что-то, по временамъ показывая мѣста на большой картѣ. Публика, состоявшая въ большинствѣ

изъ рабочихъ людей, слушала съ напряженнымъ вниманіемъ и въ концѣ опять устроила имъ овацію...

Когда послѣ этого они пришли домой, Ниловъ вынулъ кучку денегъ и, раздѣливъ ее на двѣ половины, одну отдалъ Матвѣю.

— Это мы съ вами заработали сегодня,—сказалъ онъ.—Это плата за лекцію. Я говорилъ имъ о нашей родинѣ и о вашихъ похожденіяхъ. По справедливости, половина принадлежитъ вамъ.

Матвѣй пробовалъ было отказаться, но потомъ принялъ деньги. За это время его отношеніе къ Нилову сильно измѣнилось, и, хотя онъ не все понималъ, однако, совершенно отбросилъ мысль о блудномъ сынѣ. Получивъ деньги, онъ сконфуженно смотрѣлъ на Нилова... Ему хотѣлось-бы выразить какъ нибудь свою благодарность и почтеніе... Губы его тянулись къ рукѣ Нилова, колѣни подгибались для земного поклона... Но въ лицѣ Нилова, а можетъ быть и въ тѣхъ недѣляхъ, которыя они уже провели вмѣстѣ, было что-то, удержавшее Матвѣя отъ этого изліянія. Поэтому онъ взялъ деньги и, положивъ ихъ около себя, сказалъ:

— А что... извините и не подумайте чего худого... Тутъ очень много денегъ?

— Не очень много, но достаточно, чтобы сдѣлать себѣ хорошую пару платья,—отвѣтилъ Ниловъ.—Вы ходите въ одномъ и на работу, и въ праздникъ.

— А!—сказалъ Матвѣй, махнувъ рукой.—Я простой человѣкъ, работникъ.

— Здѣсь всѣ простые люди и работники считаютъ

себя не хуже другихъ и не хотятъ ничѣмъ отличаться по внѣшности. Я совѣтую вамъ обзавестись бѣльемъ и платьемъ.

Матвѣй потупился.

— Простите меня,—сказалъ онъ.—Я не то, чтобы тамъ... не слушался васъ или что... Но... скажите: можно здѣсь работой скопить на дорогу?

— Куда?

— Назадъ, на родину!..—сказалъ Матвѣй страстно.— Видите-ли, дома я продалъ и избу, и коня, и поле... А теперь готовъ работать, какъ волъ, чтобы вернуться— и стать хоть послѣднимъ работникомъ, тамъ, у себя, на родной сторонѣ...

Ниловъ прошелся по комнатѣ, о чемъ-то думая, и потомъ, остановившись противъ Лозинскаго, сказалъ:

— Слушайте, Лозинскій. Заработать столько можно. Можно современемъ и вернуться. Но... всякій человѣкъ долженъ знать, что онъ дѣлаетъ. Зачѣмъ вы ѣхали сюда?

— А!—отвѣтилъ Матвѣй, махнувъ рукой.—Мало-ли что приходитъ человѣку въ голову.

— Постарайтесь вспомнить, что вамъ приходило въ голову.

Матвѣй наморщилъ лобъ и самъ удивился тому, какъ трудно идутъ изъ головы слова и мысли.

— А! Хотѣлось человѣку, конечно... клокъ вольной земли, чтобы было гдѣ разойтись плугомъ... Ну тамъ... пару воловъ, хорошаго коня... корову... крѣпкую телѣгу...

— А еще?

Матвѣй чувствовалъ, что за всѣми перечисленными предметами, въ душѣ остается еще что-то, какой-то неясный осадокъ... Мелькнуло лицо Анны...

— Ну, потомъ...—продолжалъ онъ съ усиліемъ,—человѣкъ уже въ возрастѣ. Своя хата, значитъ уже и своя жена.

— И еще что-нибудь?

— Еще... если-бы можно было молиться по старому, въ своей церкви...

Въ головѣ его мелькнули еще разговоры о свободѣ, но это было уже такъ неясно и неопредѣленно, что онъ не сказалъ объ этомъ ни слова.

Ниловъ подождалъ еще. Лицо его было серьезно и нѣсколько взволновано.

— Все это вы можете найти здѣсь—сказалъ онъ рѣшительно и рѣзко,—все, что вы искали. Зачѣмъ-же вамъ уѣзжать?

И видя, что Матвѣй нѣсколько огорченъ его рѣзкимъ тономъ, онъ прибавилъ:

— Вы пережили самое трудное: первые шаги, на которыхъ многіе здѣсь гибнутъ. Теперь вы уже на дорогѣ. Поживите здѣсь, узнайте страну и людей... И если всетаки васъ потянетъ и послѣ этого... Потянетъ такъ, что ничто не въ состояніи будетъ удержать... Ну, тогда...

Въ голосѣ Нилова звучало какое-то страстное возбужденіе. Матвѣй замѣтилъ это и сказалъ.

— А вы сами... извините... вѣдь вы хотите уѣхать.

Лицо Нилова опять слегка омрачилось.

— Да,—отвѣтилъ онъ.—У меня свои причины...

— Значитъ... вы не нашли для себя то, чего искали?

Ниловъ распахнулъ окно и нѣкоторое время смотрѣлъ въ него, подставляя лицо ласковому вѣтру. Въ окно глядѣла тихая ночь, сіяли звѣзды, невдалекѣ мигали огни Дэбльтоуна, трубы заводовъ начинали куриться: на завтра разводили пары послѣ праздничнаго отдыха.

— Я нашелъ здѣсь то, чего искалъ,—отвѣтилъ Ниловъ, повернувъ отъ окна взволнованное и покраснѣвшее лицо. — Слушайте, Лозинскій. Мы до сихъ поръ съ вами играли въ прятки... Вѣдь вы меня узнали?

— Я узналъ васъ,—смущенно сказалъ Матвѣй.

— И я васъ узналъ также. Не знаю, поймете-ли вы меня, но... за то одно, что мы здѣсь встрѣтились, съ вами... и съ другими, какъ равные... какъ братья, а не какъ враги... За это одно я буду вѣчно благодаренъ этой странѣ...

Матвѣй слушалъ съ усиліемъ и напряженіемъ, не вполнѣ понимая, но испытывая странное волненіе...

— А если я всетаки ѣду обратно,—продолжалъ Ниловъ, — то... видите-ли... Здѣсь есть многое, чего я искалъ, но... этого не увезешь съ собою... Я уже разъ уѣзжалъ и вернулся... Есть такая болѣзнь... Ну, все равно. Не знаю, поймете-ли вы меня теперь. Можетъ, когда-нибудь поймете. Съ родины меня тянуло къ тому, что есть здѣсь... Здѣсь мнѣ хочется родины...

Ниловъ смолкъ, и послѣ этого оба они долго еще

смотрѣли въ окно на ночное небо, на тихую, ласковую ночь чужой стороны. Ниловъ думалъ о томъ, что скоро онъ покинетъ все это и оставитъ назади цѣлую полосу своей жизни. А Матвѣю почему-то вспоминалось море и его глубина, загадочная, таинственная, непонятная... Такъ же непонятно казалось ему теперь многое въ жизни, и такъ же манило еще смутную мысль... И, вспоминая недавній разговоръ, онъ чувствовалъ, что не зналъ хорошо себя самого и что за всѣмъ, что онъ сказалъ Нилову, — за коровой и хатой, и полемъ, и даже чертами Анны — чудится еще что-то, что манило его и манитъ, но что̀ это такое—онъ рѣшительно не могъ бы ни сказать, ни опредѣлить въ собственной мысли... Но было это глубоко, какъ море, и заманчиво, какъ дали просыпающейся жизни...

XXIII.

Наша правдивая исторія близится къ концу. Черезъ нѣкоторое время, когда Матвѣй нѣсколько узналъ языкъ, онъ перешелъ работать на ферму къ дюжему нѣмцу, который, самъ страшный силачъ, цѣнилъ и въ Матвѣѣ его силу. Здѣсь Матвѣй ознакомился съ машинами, и уже на слѣдующую весну Ниловъ, передъ своимъ отъѣздомъ, пристроилъ его въ еврейской колоніи инструкторомъ. Самъ Ниловъ уѣхалъ, обѣщавъ написать Матвѣю послѣ пріѣзда.

О жизни Матвѣя въ колоніи, а также исторію американской жизни Нилова мы, быть можетъ, разскажемъ

въ другой разъ. А теперь намъ остается досказать немного.

Статья „Дэбльтоунскаго курьера“ объ окончаніи похожденіи „дикаря“ была перепечатана въ нѣсколькихъ газетахъ преимущественно провинціальныхъ городовъ, недовольныхъ „кичливостью“ нью-іоркцевъ, впавшихъ въ данномъ случаѣ въ такую грубую ошибку. Нью-іоркскія газеты обмолвились объ ней лишь краткими и довольно сухими извлеченіями фактическаго свойства, такъ какъ въ это время на поверхности политической жизни страны появился одинъ изъ крупныхъ вопросовъ, поднявшихъ изъ глубины взволнованнаго общества всѣ принципы американской политики... нѣчто вродѣ бури, точно вихремъ унесшей и портреты „дикаря“, и веселое личико миссъ Лиззи, устроившей родителямъ сюрпризъ, и многое множество другихъ знаменитостей, которыя, какъ мотыльки летаютъ на солнышкѣ газетнаго дня, пока ихъ не развѣетъ появленіе на горизонтѣ первой тучи.

О Матвѣѣ и его исторіи скоро забыли, и ни Дыма, ни Анна не узнали, что онъ очутился въ Дэбльтоунѣ и потомъ перешелъ въ колонію, что здѣсь онъ былъ приписанъ къ штату и подавалъ свой голосъ, послѣ мучительныхъ колебаній и сомнѣній (ему все вспоминалась исторія Дымы въ Нью-Іоркѣ). И понемногу даже лицо его измѣнялось, мѣнялся взглядъ, выраженіе лица, вся фигура. А въ душѣ всплывали новыя мысли, о людяхъ, о порядкахъ, о вѣрѣ, о жизни, о Богѣ, которому поклоняются, хотя и разно, по всему

лицу земли, о многомъ, что никогда не приходило въ голову въ Лозищахъ. И нѣкоторыя изъ этихъ мыслей становились все яснѣе и ближе...

А Анна все жила въ томъ-же домѣ подъ № 1235, только барыня становилась все менѣе довольна ею. Она два раза уже сама прибавляла ей плату, но „благодарности" какъ-то не видѣла. Наоборотъ, у Анны все больше портился характеръ, являлась безпредметная раздражительность и недостатокъ почтительности.

— Что дѣлать... правду говорятъ, что это здѣсь въ воздухѣ,—говорилъ мужъ старой барыни, а изобрѣтатель все сидѣвшій надъ чертежами и къ которому старая барыня обращалась иногда съ жалобами, зная его вліяніе на Анну,—только пожималъ плечами.

— Я теперь далекъ отъ всего этого, — говорилъ онъ,—но когда-то... однимъ словомъ, я думаю, что ей просто хотѣлось бы... собственной своей жизни... Понимаете-ли вы: собственной своей жизни.

— Скажите, пожалуйста, — отвѣчала барыня съ искреннимъ изумленіемъ.—Не обязана-ли я ей доставлять, кромѣ десяти долларовъ, еще собственную жизнь...

— Ну, это теперь меня не касается,—отвѣчалъ старый господинъ.—Все это разрѣшитъ наука. Все: и ее, и васъ, и всѣхъ... Дѣло, видите-ли, въ томъ, что... человѣкъ изобрѣтаетъ нужную ему машину, а машина, въ свою очередь, изобрѣтаетъ нужнаго ей человѣка... Задача состоитъ въ томъ, чтобы изобрѣсти такую универсальную машину, которой нуженъ только свобод-

ный человѣкъ. И тогда,—вы понимаете,—разрѣшатся всѣ эти мучительные вопросы... Въ этомъ строѣ будущаго не будетъ уже ни господъ, ни прислуги, ни рабовладѣльцевъ съ ихъ притязаніями, ни рабовъ съ ихъ завистью... Понимаете вы меня?

Старый господинъ приподнялъ очки и простодушно-радостнымъ взглядомъ посмотрѣлъ въ лицо хозяйки. Но на этомъ лицѣ виднѣлось лишь негодованіе.

— Благодарю покорно!—сказала она.—Хорошъ вашъ будущій строй... безъ прислуги! Я лучше согласна остаться при старомъ...

А дѣло съ Анной шло все хуже и хуже...

Черезъ два года послѣ начала этого разсказа два человѣка сошли съ воздушнаго поѣзда на углу 4 avenue и пошли по одной изъ перпендикулярныхъ улицъ, разыскивая домъ № 1235. Одинъ изъ нихъ былъ высокій блондинъ съ бородой и голубыми глазами, другой—брюнетъ, небольшой, но очень юркій, съ бритымъ подбородкомъ и франтовски подвитыми усами. Послѣдній взбѣжалъ на лѣстницу и хотѣлъ позвонить, но высокій товарищъ остановилъ его.

Онъ взошелъ на площадку и оглянулся вдоль улицы. Все здѣсь было такое-же, какъ и два года назадъ. Такъ же дома, точно близнецы, походили другъ на друга, такъ же солнце освѣщало на одной сторонѣ опущенныя занавѣски, такъ же лежала на другой тѣнь отъ домовъ...

Глаза его съ волненіемъ видѣли здѣсь слѣды прошлаго. Вотъ, за угломъ какъ будто мелькнула чья-то

фигура. Вотъ она появляется изъ-за угла, ступая такъ тяжело, точно на ногахъ у нея пудовыя гири, и человѣкъ идетъ, съ тоской оглядывая незнакомые дома, какъ двѣ капли воды похожіе другъ на друга... „Все здѣсь такое-же,—думалъ про себя Лозинскій,—только... нѣтъ уже того человѣка, который блуждалъ по этой улицѣ два года назадъ, а есть другой“...

Звонокъ затрещалъ, дверь открылась, изъ-за нея выглянуло лицо Анны, и дверь опять захлопнулась, заглушивъ испуганный крикъ дѣвушки, точно она увидѣла призракъ. Потомъ она опять выглянула въ щелку и сказала:

— Вы?.. Неужели это вы?..

Старая барыня тоже съ большимъ удивленіемъ встрѣтила этого человѣка и съ трудомъ узнавала въ немъ простодушнаго лозищанина въ бѣлой свитѣ и грубыхъ сапогахъ, когда-то такъ почтительно поддерживавшаго ея взгляды на американскую жизнь и на основы общественности. Она внимательно присматривалась къ нему сквозь свои очки и искренно находила, что онъ сталъ гораздо хуже. Правда, въ немъ не было вызывающей рѣзкости и задора молодого Джона, но не было и ласковой почтительности и застѣнчивой покорности прежняго Матвѣя, которая такъ пріятно ласкала глазъ старой барыни. Кромѣ того, она находила, что черный сюртукъ сидѣлъ на немъ, „какъ на коровѣ сѣдло“.

— Садитесь, пожалуйста,—сказала она съ легкимъ оттѣнкомъ ироніи. Но она чувствовала съ нѣкоторой

досадой, что ей всетаки неловко было-бы оставить стоять этого человѣка.

Въ сущности, она была человѣкъ недурной и, когда Анна заявила ей объ отказѣ отъ службы,—она поняла, что теперь у Анны есть уважительная причина...

— Ну, вотъ—она нашла себѣ „свою собственную жизнь"—сказала она съ оттѣнкомъ горечи ученому господину, когда Анна попрощалась съ ними. — Теперь посмотримъ, что вы скажете: пока еще явится вашъ будущій строй, а сейчасъ вотъ некому убирать комнату.

— Гмъ... да...—задумчиво отвѣтилъ изобрѣтатель...— Надо признать, что въ этомъ есть доля непріятности. Конечно, со временемъ все это устроится несомнѣнно... Но... дѣйствительно, трудно будетъ придумать машину, которая бы дѣлала это такъ пріятно и ловко,—какъ эта милая дѣвушка...

Нѣсколько дней послѣ этого старый ученый чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ и находилъ, что даже выкладки даются ему какъ-то труднѣе.

— Гмъ... да... я долженъ признаться,—говорилъ онъ старой барынѣ.—Мнѣ не достаетъ ея лица и ея добрыхъ синихъ глазъ... Конечно, со временемъ все это замѣнятъ машины...

Но тутъ онъ оборвалъ фразу подъ упорнымъ ироническимъ взглядомъ старой барыни, которая процѣдила сквозь зубы:

— Даже синіе глаза? Ну, это-то ужъ едва-ли...

Передъ отъѣздомъ изъ Нью-Іорка Матвѣй и Анна

отправились на пристань—смотрѣть, какъ подходятъ корабли изъ Европы, И они видѣли, какъ, разсѣкая грудью волны залива, подошелъ морской гигантъ, и какъ его опять подвели къ пристани, и по мосткамъ шли десятки и сотни людей, неся сюда и свое горе, и свои надежды, и ожиданія...

Матвѣю становилось грустно. Онъ смотрѣлъ вдаль, гдѣ за синею дымкой легкаго тумана двигались на горизонтѣ океанскіе валы, а за ними мысль, какъ чайка, летѣла дальше на старую родину... И онъ чувствовалъ, что сердце его сжимается сильною жгучею печалью...

И онъ понималъ, что это оттого, что въ немъ родилось что-то новое, а старое умерло или еще умираетъ. И ему до боли жаль было многаго въ этомъ умирающемъ старомъ; и невольно вспоминался разговоръ съ Ниловымъ и его вопросы. Матвѣй сознавалъ, что, вотъ у него есть клокъ земли, есть домъ, и телки, и коровы... Скоро будетъ жена... Но онъ забылъ еще что-то, и теперь это что-то плачетъ и тоскуетъ въ его душѣ...

Уѣхать... туда... назадъ... гдѣ его родина, гдѣ теперь Ниловъ со своими вѣчными исканіями... Нѣтъ, этого не будетъ: все порвано, многое умерло, и не оживетъ вновь, а въ Лозищахъ, въ его хатѣ живутъ чужіе. А тутъ у него будутъ дѣти, а дѣти дѣтей уже забудутъ даже родной языкъ, какъ та женщина въ Дэбльтоунѣ...

Онъ крѣпко вздохнулъ и посмотрѣлъ въ послѣдній разъ на океанъ. Солнце сѣло. Туманная дымка сгу-

щалась, закрывая безконечныя дали. Надъ протянутой рукой „Свободы“ вспыхнули огни...

Пароходъ опустѣлъ. Двѣ чайки снялись съ мачтъ и, качаясь въ воздухѣ, понеслись по вѣтру въ широкую туманную даль...

Какъ тѣ, которыя когда-то, также отрываясь отъ мачтъ корабля, неслись туда... назадъ... къ Европѣ, унося съ собой изъ Новаго Свѣта тоску по старой родинѣ...
